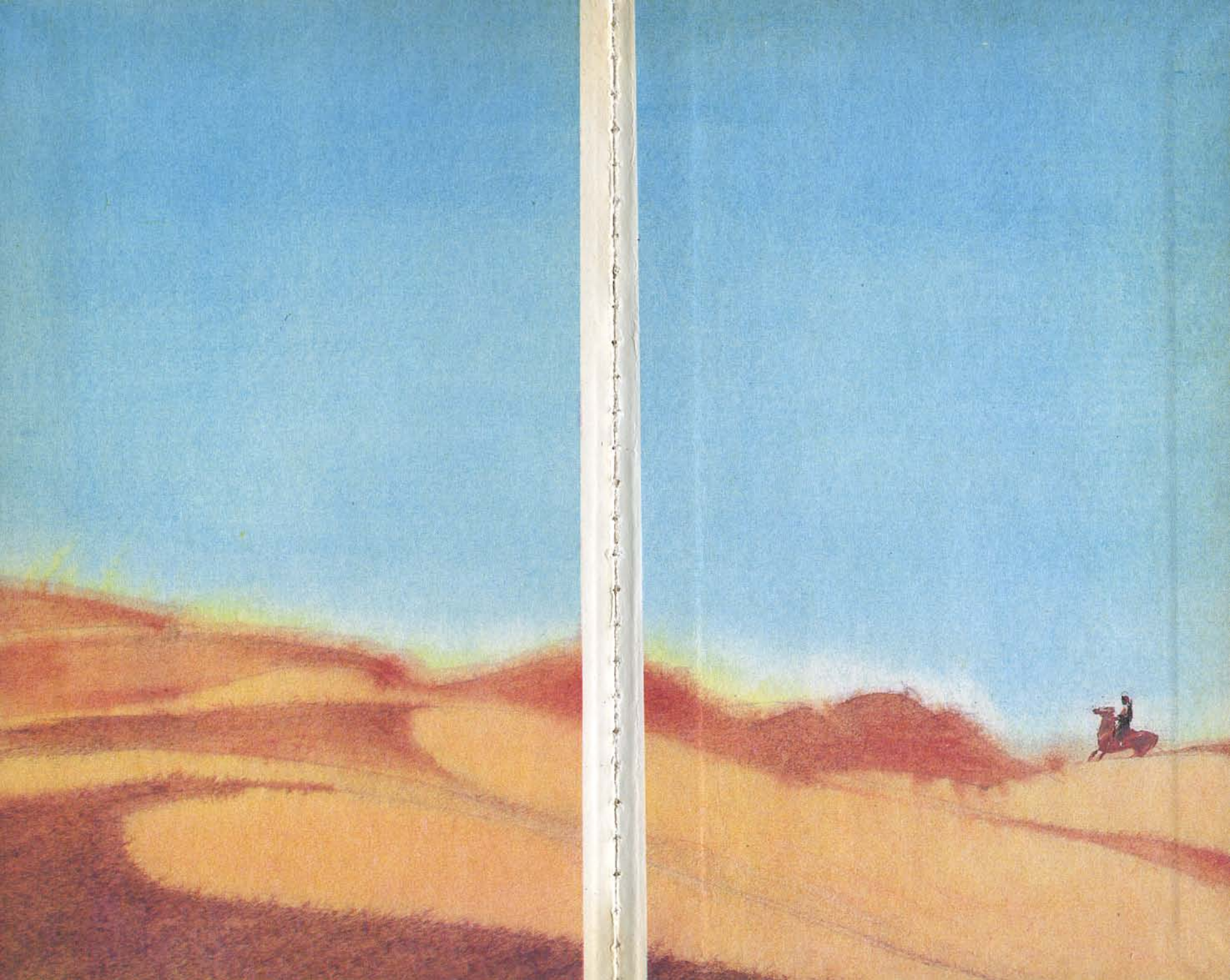

КУРМАНГАЗЫ КАРАМАНУЛЫ
ОДИНОКИЙ ВСАДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Издается с 1954 года

МОСКВА ~ 1990

Курмангазы Нараманулы

ОДИНОКИЙ ВСАДНИК

П о в е с т ь

Перевел с казахского
Владлен Берденников

Художник Ю. Николаев

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Курмангазы Караманулы родился в 1943 году в семье сельского поллитработника Мустафы Дуйсенгалиева (впоследствии он был призван на фронт и погиб в 1944 году) и вырос в маленьком казахском ауле Егиндикуль, расположенном вблизи затерявшейся в степи речки Калдыгайты. Эта речка была свидетельницей житья-бытья великих кочевников древности — сарматов, опустошающих походов Батый-хана, нашествий свирепых джунгар, ее водой напоили своих коней белогвардейцы и лихие красные кавалеристы...

После окончания средней школы К. Караманулы два года работал литсотрудником районной газеты «Енбек туы» (Картюбинский район Уральской области). После службы в армии и окончания Казахского государственного университета работал в республиканской газете «Лениншіл жас» («Ленинская смена»). С 1976 года работает в молодежном издательстве «Жалын».

Большинство рассказов первого сборника «Песчаный брод» (1978) и все семь повестей, вошедших в книги «Чернокрылые чибисы» (1980) и «Кладоскатели» (1987), рассказывают о непростых судьбах людей этого края — скотоводах и земледельцах, живущих вблизи той речки Калдыгайты...

К. Караманулы занимается также художественным переводом. Им переведены на казахский язык три романа. Это — «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя, «Греческое сокровище» Ирвинга Стоуна и «Комедианты» Грэма Грина.

Повесть «Одинокый всадник», предлагаемая ныне вниманию юных читателей, посвящена становлению личности молодого борца за новую жизнь, получила в 1979 году премию Республиканского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества.

© Курмангазы Караманулы. Текст на казахском языке. 1990

© Владлен Бердеников. Перевод на русский язык. 1990

© Юрий Николаев. Иллюстрации. 1990

К 4803250201—338
М101(03)-90 407—90

ISBN 5—08—001469—5

1

Стремительные раскаленные стрелы неслись прямо к нему. Кулбатыр лежал и смотрел на них, с ужасом понимая, что ему никуда не скрыться. Одна впилась своим жалом в руку, другая пригвоздила ногу к земле. Распятый, он не мог даже пошевелиться и сразу же заметил, что еще несколько стрел нацелились прямо в его голову. Он рванулся отчаянно, изо всех сил, покатился в сторону, и в то же мгновение кошмарный сон покинул его.

Кулбатыр открыл глаза и понял, что давно уже лежит на солнцепеке и жалят его вовсе не стрелы, а солнечные лучи. Тень от ивняка, где он утром, кинув под голову седло, устало растянулся на влажной от росы траве, давно полуденно съежилась, спряталась у корней, а роса, приятно холодившая тело, испарилась. Кулбатыр задыхался от зноя, липкий пот пропитал одежду, пощипывающей влагой выступил на лбу и на шее.

Стояла звенящая пустынная тишина, усиленная звоном кузнечиков, и все-таки Кулбатыр тревожно прислушался. До слуха донеслось недалекое позвякивание удил, и это принесло успокоение: если лошадь не тревожится, значит, никого поблизости нет.

Он достал из кармана холщовых штанов большой, засаленный от длительного употребления платок, тщательно

5

вытер лицо и шею, потом надел борик¹, подобрал камчу², валявшуюся рядом, и поднялся.

Солнце палило нещадно, травы пригнулись к земле, даже цвет неба изменился: из густо-синего утром оно стало бледно-голубым, точно вылиняло.

Он пошел к берегу речки, под нависающие ветви ивовых зарослей, но и здесь не почувствовал прохлады. Раскаленный воздух, казалось, обжигал горло. Он сполоснул лицо теплой водой реки, напился, почувствовал облегчение. Потом привел к ивняку своего жеребца, оседлал и отправился берегом реки вверх по течению, ведя коня в поводу. Шел по извилистой тропе, просекавшей заросли, пока не добрался до оголенной песчаной косы, у самой воды заросшей лопухами, с широкими, как верблюжья лапа, листьями.

Здесь был брод, который Кулбатыр хорошо помнил. Не один раз в жизни пересекал его, будто и не замечал, а сейчас смотрел с удивлением и грустью, точно видел в последний раз.

Большой, ширококостный и могучий, он стоял у брода, точно каменное изваяние, и в прищуренных темных глазах его таилась какая-то даже ему самому непонятная грусть. А может, это была и не грусть, а лишь неясное ощущение невозвратной потери.

Кулбатыр вышел из оцепенения лишь тогда, когда измученный жадой конь, которого он не удосужился вовремя напоить, требовательно ударил копытом о землю и дернул головой, пытаясь вырвать из рук хозяина узду. Кулбатыр грустно потрепал коня по холке, вынул у него изо рта железный мундштук и пустил к воде. И — снова будто забылся. Две мелкие слезинки выкатились из уголков его глаз и медленно поползли вниз, запутались в отросших за последние дни подковообразных усах.

Сквозь туман слез он снова и снова всматривался в текущую перед ним воду, шурился от бликов, играющих на волнах. Еще совсем недавно река была полноводной. Сюда, на ее берега, сбегалась детвора из всех окрестных аулов. Что тут творилось, какой гвалт стоял, как кипела вода,

взбаламученная голыми телами, сколько бахвальства друг перед другом и сколько побед одержано в плавании на-перегонки!..

Да, тут всегда был веселый праздник детства. А сейчас река придавлена тишиной, лишь изредка нарушаемая трескотней залетевшей сороки, испуганным чириканьем воробьев да еле уловимым шуршанием в тростнике пронырливых мышей.

Река обмелела. Обмелел и брод. Все дно его устелили зеленовато-желтые водоросли, струящиеся под водой, как расчесанная овечья шерсть. Река, некогда несшая свои тяжелые синие воды, теперь будто стала застревать в непроходимых дебрях тины и ядовито-зеленом рогозе, поднявшемся со дна густыми купами. Голые гладкие стебли его стояли так плотно, что, казалось, не было ни единого просвета между ними.

Вот так и жизнь Кулбатыра обмелела, как эта река. Ребячьи радости унеслись безвозвратно, да и всё остальное разлетелось по ветру.

Но изменилась не только река. Изменилась вся степь.

Кажется, еще совсем недавно на противоположном берегу Калдыгайты была стоянка его родного аула — Кокозэка. Теперь там все заросло травой. Нет и большого аула Аккагаз, располагавшегося неподалеку, только на этом берегу. От него осталось всего три-четыре кибитки.

«Да, не сравнить того, что было, с тем, что есть, — думал Кулбатыр. — Но если ты станешь вспоминать события, происшедшие в твоей жизни и совсем недавно, вынужден будешь оглядываться назад с такой же тоской».

Его глаза остановились на мелкой заводи, вытянувшейся вдоль берега прямо перед ним. На поверхности воды стайкой держались мелкие белые водяные жучки, точно щепотка пшеничных зерен, просыпавшаяся из кармана случайного прохожего. Только зерна не простые, а как бы ожившие. Не разберешь, правда, где хвост, где голова, да и движутся они как-то странно — по всем направлениям, но в пределах определенного круга. И хотя изредка некоторые, будто набравшись храбрости, отделяются от остальных, храбрости этой хватает ненадолго: стоит только столкнуться с каким-то препятствием, как пулями несутся

¹ Б о р и к — шапка, отороченная по краю мехом; боярка.

² К а м ч а — свитая из тонких сыромятных ремней плетъ.

к своим товарищам, чтобы занять место в привычном кружении.

Кипела жизнь и под водой. Вглядевшись, Кулбатыр обнаружил красновато-желтого жучка, который, угнув голову, двигался бочком и при этом умудрялся описывать замысловатые зигзаги. Потом вдруг рванется куда-то в сторону, хотя не было заметно, чтобы кто-то на него нападал или сам он преследовал кого-то. Чуть поодаль можно было обнаружить еще несколько его собратьев. Только, в отличие от белых жучков на поверхности, эти держались каждый сам по себе, порознь. Время от времени они поднимались вверх и снова ныряли в глубину — на-верно, всплывали для того, чтобы набрать воздуха.

Лето в этом году выдалось необыкновенно жарким. Воздуху не хватало не только тем, кто был под водой, но и тем, кто ступал по земле.

Где-то рядом прогудел овод. Было слышно, как в гуще рогоза возилась черепаха, запутавшаяся в стеблях. Высоко в небе одиноко висел стервятник.

Кулбатыр взнуздал жеребца, затянул покрепче подпругу и легко кинул в седло свое большое послушное тело. Потом пересек брод и направился в сторону Аккумов — Белых песков по едва заметной тропе в гуще зарослей.

Вскоре ивняк кончился, и дорога начала петлять вдоль песчаных холмов с редкими островками мелкого кустарника — караганника на склонах. Несколько часов он двигался так в полном одиночестве, пока не свернул к сопкам Кыземшек — Девичим грудям.

Теперь уже сплошняком пошли невысокие песчаные барханы. Взобравшись на один из них, Кулбатыр неожиданно увидел вдали человека. Встреча была нежелательной, а потому Кулбатыр резко повернул назад, спустился в низину, проехал по ней метров сто, оставил коня, а сам полез вверх, чтобы понаблюдать за пришельцем.

Человек вдалеке, похоже, кого-то искал — скорее всего, какую-нибудь потерявшуюся скотину. Приложив ладонь ко лбу, он оглядывался по сторонам, но, видимо, так ничего и не обнаружив, вскоре стал удаляться и скрылся за длинными рядами холмов.

Близился вечер. Жара понемногу стала стихать. Небо вновь обрело темно-голубой оттенок. И в этой голубизне

отчетливо прорисовались легкие, как лебединые перья, облака.

Кулбатыр спустился вниз, снял бешмет и расстелил его в тени ракитника. Потом из кожаных ножен, болтавшихся на поясе, вытащил довольно длинный кинжал и, присев на корточки, вонзил его во влажную почву. Рыл он споро. И вскоре на дне неглубокой ямки заблестела вода.

Кулбатыр подошел к коню, вынул из притороченного к седлу коржуна¹ мешочек с продуктами, достал из него немного курта и иримшика², уселся на бешмет и принялся жадно есть. С едой он покончил быстро. Вытер губы рукавом замызанной рубахи и склонился к своему родничку. Яма, вырытая им, была уже полна, вода в ней отстоялась и сделалась прозрачной. Зачерпнув ее пригоршней, Кулбатыр утолил жажду. Потом опять вернулся к ракитнику, в тень, закинул за голову руки и отвалился на спину. Он долго лежал так, прислушиваясь к задушевно-тихому перешептыванию ветра с веселой листво- вой.

2

Незаметно он задремал и очнулся оттого, что показало-сь, кто-то совсем рядом вскрикнул. Кулбатыр поднял голову и осмотрелся. Никого! Пригрезилось, что ли?

Над степью спускались сумерки. Кулбатыр перевел взгляд на коня, пасшегося неподалеку, и понял, что не пригрезилось: конь стоял подняв голову и наострив уши. В это мгновение вновь послышался крик:

— Жезде! А, жезде-е! Жезде-е!..³

Кулбатыр вскочил на ноги и быстро взбежал на вершину холма. Прямо в его сторону ехал Раис. Конь под ним трусил мелкой рысью.

— Ну, ты и спрятался, жезде! Сорок раз, наверное, обошел Кыземшек, а тебя не заметил! — еще издали крикнул Раис и, подъехав ближе, слез с коня.

Юношеское лицо его горело. Кулбатыр сразу понял, что это не от езды. От возбуждения. Впрочем, вообще нетрудно

¹ Кор жу́н — переметная сума.

² Курт, иримши́к — сухие продукты из молока.

³ Же́зде — вежливое обращение к зятю.

догадаться, что у парня какая-то срочная новость — иначе зачем было гнать сюда. Можно было подождать, пока Кулбатыр сам появится в ауле. А значит, ничего хорошего от его появления ожидать нельзя.

— Выкладывай! — коротко бросил Кулбатыр, стараясь за внешним спокойствием скрыть тревогу.

— Плохие новости, жезде...

Раис смотрел так, будто извинялся.

— Говори. Даже когда умирает отец — все равно общаются.

— Видно, не сбыться тому, что задумали... Голову тебе надо спасать. Кто-то пронюхал о твоём возвращении и сообщил в аулсовет. Сегодня туда всех активистов, какие есть, собрали...

Встретившись с затяжелевшим взглядом зятя, Раис невольно опустил голову и замолчал.

Кулбатыр чувствовал, как запылало его лицо, как бешеными толчками запульсировала в висках кровь, а пальцы невольно сжались в кулаки.

— Сволочи! — процедил он. — Вот сволочи! Снова ходят по моему следу, как ищейки. В заросли загнали, как затравленного зверя. Мало им! Выходит, и это для меня слишком большая роскошь?

Кулбатыра трясло от гнева. Внезапно он сорвался с места и кинулся вниз. Собрал лежавшие под раkitником пожитки и перенес все поближе к коню. Потом грубо крикнул застывшему наверху Раису:

— Иди сюда! Сюда, говорю, иди!

Пока Раис спускался в лошину, Кулбатыр успел оседлать коня, прикрепил коржун к задней луке седла, потом натянул на свои широкие плечи бешмёт и опоясался ремнем.

Парень, держа коня под уздцы, остановился рядом. Никогда еще ему не приходилось видеть своего зятя таким разгневанным. Нет, не таким он знал его в детстве. Память сохранила могучего и очень добродушного человека. Он, казалось, тогда постоянно похихатывал, а еще нравилось Раису, когда своей большущей рукой Кулбатыр похлопывал его по плечам, будто подбадривал. Нет, тогда гнева в Кулбатыре и в помине не было. Это теперь брови его будто навсегда наехали на глаза, а усы постоянно топорщатся в

неприязненной усмешке. Куда только подевалось былое добродушие!

Они стреножили коней, отошли к родничку, выкопанному Кулбатыром, опустились возле него, напились, зачерпывая ладонями холодную воду.

— Рассказывай. Все с самого начала рассказывай, ничего не убавляй и не прибавляй, — уже спокойно сказал Кулбатыр, хотя лицо у него оставалось хмурым.

— Я и не собираюсь ничего прибавлять... Только то, что слышал от Таната... — обиженно насупил Раис.

— От Таната, говоришь?

— Да, от Таната...

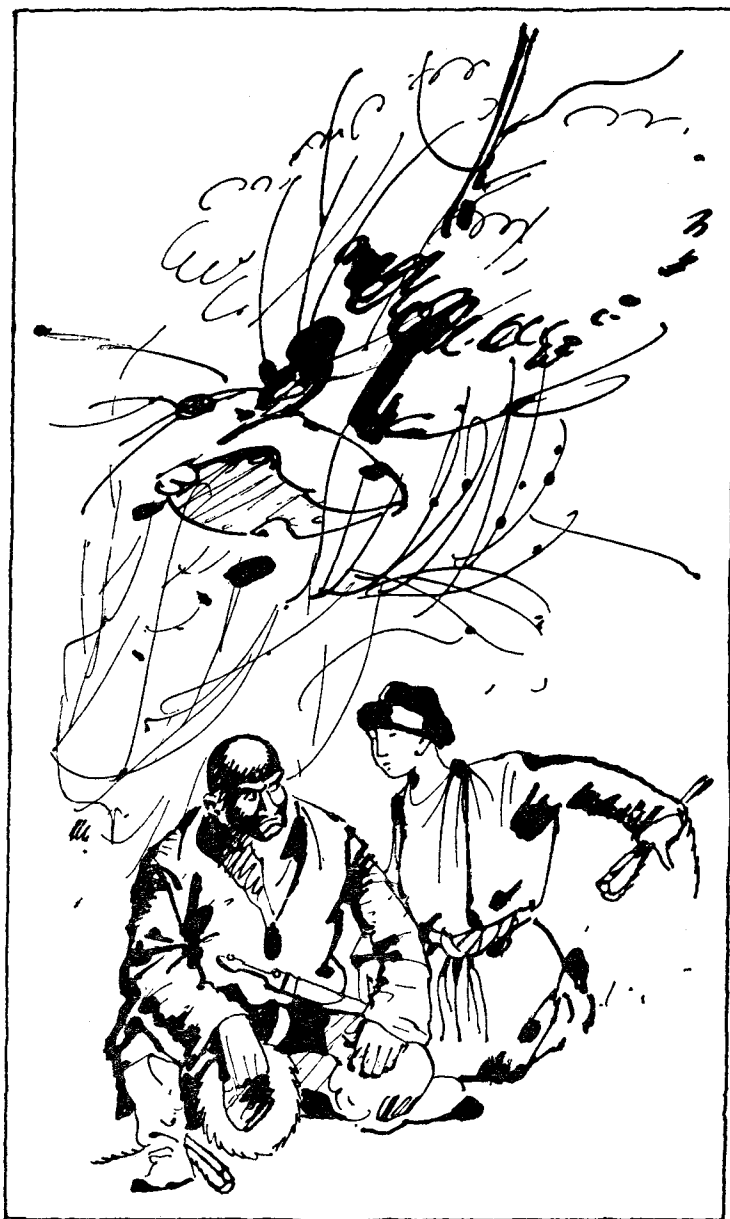
— Ладно. Что он там тебе принес?

— Танат сам пришел к нам. Раньше ведь он никогда не заходил. А тут заявляется. Мы, конечно, удивились... И вот стоило только матери выйти по хозяйству, он тут же спросил: где, мол, Батыр? Я сделал вид, что не понял ничего: «Какой еще Батыр?» Аккагаз-апа растерялась, но он и не смотрел на нее. Как ни в чем не бывало говорит мне: «Про Кулбатыра, про зятя твоего, спрашиваю». Я попробовал было отвертеться, прикинулся даже разозлившимся, сказал: «Тебе, видно, что-то приснилось, Танат!» Да только он лишь усмехнулся: «Хватит голову морочить! Вернулся Кулбатыр. Все об этом знают. Знают и то, что он поддерживает связь со своей женой в Жылкыкудүке. Узнал об этом председатель аулсовета Шанау и сразу же собрал всех своих активистов. И они уже вынесли решение: достать Кулбатыра живым или мертвым». Вот что сказал Танат. Мы с Аккагаз-апой так и охнули. А он говорит: «Сведения верные, племянник мне все рассказал, а он нынче в активистах ходит». И еще сказал, что в собрании участвовал и волостной судья...

Кулбатыр по-волчьи злобно взглянул на Раиса, будто это он был во всем виноват.

— Где Танат?

— Поехал в Нарулгэн. Там у него кто-то из далеких родственников умер. А на прощанье сказал, мол, специально заехал к вам, чтоб сообщить, мол, все же Кулбатыр товарищ мне, вместе кровь проливали, вот и хотел, чтоб его врасплох не застали. Так что я свое дело сделал, а об остальном пусть сам думает.

— И на том спасибо,— сквозь зубы процедил Кулбатыр.

— Да, вот еще что,— спохватился Раис.— Танат говорил, что на собрании решили засаду сделать и захватить тебя прямо у жены в юрте. Сегодня же ночью.

— Вон даже как!

Некоторое время Кулбатыр молчал, что-то обдумывая. Потом спросил:

— Шанау, это тот, с приплюснутым носом? Кто же судья?

— Судья — Ураз.

Кулбатыр резко вскинул голову:

— Не Хасэна ли сын?

— Да, он самый. Человек...

Но Кулбатыр не дал договорить.

— Человек? Кто человек?! — заорал он.— Ураз — человек? Зверюга он. Зве-рю-га!

— Но я... я совсем не знаю его,— залепетал Раис.

— Еще узнаешь! — Кулбатыр рывком вскочил.— Брежете, сволочи! — прорычал он.— Я вам покажу решения! Придется прежде с моим решением ознакомиться.— И посмотрел на Раиса: — Напрасно ты думаешь, что мне не удастся осуществить задуманного. Удастся.

Раис, поднявшийся следом за зятем, вглядывался в его лицо, пытаясь разгадать смысл его угрозы. Кулбатыр, видимо весь во власти мысли, внезапно пришедшей к нему, крепко сжимал рукоятку кинжала, на Раиса не смотрел.

Уже почти стемнело. Из степи веяло прохладой. На небосводе, подслеповато помаргивая, зажигались звезды. Округа наполнилась руладным стрекотанием кузнечиков. Неподалеку беспокойно фыркали кони.

— Что ты собираешься сделать, жезде? — спросил Раис.

— А по-твоему, что я должен делать? — уставился на него Кулбатыр.

— Наверно, уходить тебе надо,— неуверенно произнес Раис.— Если поймают — несдобровать.

Усы Кулбатыра покривила диковатая усмешка. И тут же исчезла. Брови его снова сошлись на переносье. Он думал. Потом выдохнул всей грудью, будто сбросил ка-

кой-то груз, сказал внятно, твердо и, как показалось Раису, с каким-то просветлением:

— Правильно думаешь, Раис. Правильно. Надо мне уходить. И я уйду. Только не один, а, как мы и решили, вместе с Аккагаз. Дети пусть пока у матери останутся — не выдержать им дороги. А к тебе у меня просьба. Сделай доброе дело, проводи нас, пока мы не уйдем подальше отсюда. (Раис с готовностью кивнул.) А сейчас поезжай к Танату. Нарулген — это же совсем рядом. Дорога много времени не отнимет. А раз Танат решил делать добро, пусть делает до конца. Пусть докажет, что он мне настоящий товарищ — протянет руку помощи в трудную минуту. Передай, что именно так я и сказал. Мы будем уходить в Туркмению. Пусть сопровождает хотя бы до половины пути. Пару дней проведем в Карагандыкумах: если начнется погоня, только в песках и можно сбить ее со следа... Сегодня же ночью вы с Аккагаз покинете аул. Прихватите все необходимое. Продуктов побольше: известно, что нам предстоит... В пески сразу не суйтесь, чтобы раньше времени не наследить. Переедете бродом Калдыгайты, ступайте к Жиделисая. Там безлюдно. А завтра вечером ждите меня в Батпакты, на той стороне туранговой рощи Котантал. Ты же бывал в тех местах? (Раис кивнул.) Танату скажи, чтоб ни в коем случае не заезжал в наш аул: попадется кому-нибудь на глаза — сразу разговоры пойдут. Пусть ждет меня завтра утром под Кыземшеком. А я еще одно дело сделаю... Все понял? Отправляйся в аул и передай Аккагаз все, что я сказал. Да уговорите там мать, чтоб не поднимала рева. Привлекать внимание людей не в наших интересах. Ступай, Раис...

— Хорошо, жезде.

Они сели на коней и направились к темнеющему в ночи силуэту Кыземшека. У подножия разделились.

— Да поможет тебе аллах, Раис!

— Будем надеяться, что встретимся живыми и здоровыми, жезде!

Парень повернул к своему аулу — Жылкыкудуку, а Кулбатыр — к Аккумам.

Северо-западнее Аккумов простиралась долина довольно внушительных размеров. Вдалеке она постепенно переходила в ровную степь, которая и упиралась в речку Калдыгайты. Здесь ставили свои юрты несколько аулов. Что же касается части ложбины, примыкавшей к Аккумам, она, как правило, была безлюдной: супесь с редкими уродливыми кустами карагання не привлекала скотоводов — слишком скудные земли.

Кулбатыр, петляя между приземистыми песчаными холмами, направлялся именно туда. Крепко стиснутые зубы, сведенные в одну линию густые брови, напряженность, с которой он держался в седле, — весь его облик выражал отчаянную решимость. Сейчас в нем не было ни переливающейся через край ярости, ни всепоглощающего гнева. В глазах его копилась тяжелая, черная ненависть. И хотя это чувство захватило, казалось, всего его, не давая думать больше ни о чем, Кулбатыр безошибочно следовал намеченным путем, все замечая в дороге и все узнавая.

Вот тут проходила некогда тропа караванщиков, направлявшихся в Кокжар. Вон там, за последними зарослями чагыра и карагання, поднимаются голые светлые вершины последних барханов Аккумов.

Высоко в небе стояла луна. Полная желтая луна, похожая на большое блюдо, которое хозяйка наполнила только что взбитым маслом. Мягкие лучи ее заливали округу серебристо-молочным приглушенным светом, оглаживали склоны холмов, проникали до самых днищ оврагов, ни одна былинка не оставалась без их нежной ласки.

Добравшись до лощины, заросшей полынью, одинокий всадник с рыси перешел на шаг. Возле некогда отвесного, а теперь осыпавшегося пологого склона он остановился и слез с лошади.

«Это где-то здесь», — подумал он.

Поднялся по склону наверх и начал оглядываться по сторонам, стараясь сориентироваться. Наконец глаза его остановились на небольшой купе кустов акации, и он не столько узнал место — узнать было трудно, — сколько догадался, что это именно там.

Пять лет назад, когда он был тут в последний раз, на месте буйно разросшихся сейчас кустов торчало лишь несколько довольно чахлых веточек. Он подошел к этим кустам, отмерил пять шагов на восток, потом сделал еще шаг вправо, скинул бешмет, опустился на колени и вонзил кинжал в мягкую, податливую, едва скрепленную корнями полныи землю.

Он не ошибся. На глубине сантиметров тридцати кинжал ткнулся во что-то твердое. Кулбатыр стал быстро откапывать находку и вскоре вытащил из ямы довольно длинный предмет, обернутый в старую промасленную кошму и перевязанный волосяным арканом.

Некоторое время сидел передыхая и отирая со лба выступивший пот. Потом взрезал аркан и развернул кошму. Перед ним лежала новенькая винтовка, вороненая сталь которой матово поблескивала в свете луны. Был тут такой же новенький наган и небольшой брезентовый мешок, наполненный патронами.

Из своего коржуна Кулбатыр достал большую тряпку и принялся оттирать с оружия масло. От времени масло заустело и крепко пристыло к металлу. Оттиралось оно плохо. Пришлось немало повозиться, прежде чем винтовка и наган были приведены в порядок. Кулбатыр зарядил и то, и другое, и грохот выстрелов распорол ночную тишину. Испуганный жеребец метнулся в сторону, чуть не порвав аркан, которым был привязан к кустам.

Револьвер Кулбатыр сунул за пазуху, винтовку кинул за плечи, оперевшись на стремя, легко бросил в седло свое большое тело и отправился в сторону Жылкыкудука.

Время перевалило за полночь и луна начала уже меркнуть, когда он добрался до берега Калдыгайты. Сдерживая коня, он неслышно подъехал близко к аулу и прислушался. Рядом с четырьмя юртами, приткнувшимися к песчаным барханам, можно было различить чернеющие силуэты коров и овец. Не доносилось ни звука — аул безмятежно спал.

Первый раз он приехал сюда трое суток назад, тоже под покровом ночи. Но сразу к своей юрте идти не посмел.

Несколько раз обошел стоянку, приглядываясь и чутко прислушиваясь. Теперь почему-то о том приезде вспомнилось с тоской. «Нет, не примет его родной аул, не

суждено ему пожить в покое, лаская детей и гоняя на пастбище скот.

Раис, наверно, уже давно вернулся из Нарулгена, забрал Аккагаз и отправился в условленное место. Аккагаз сейчас, конечно, слезами давится: какой же матери легко оставить своих детей! Не везет ей, бедняге. Так не везет! Она ведь и хорошего-то ничего в жизни не успела повидать. Одна билась, чтобы хоть как-то прокормиться, одна растила детей, и только лишь его обещание непременно вернуться поддерживало ее все эти годы. Да, он сказал ей: вернись. И вернулся. Но много ли радости принесло его возвращение?»

«Больше я не останусь без тебя,— сказала она.— Нет силы быть одной. Куда ты, туда и я, а там... может, аллах будет милостив...»

«Легко сказать: куда ты, туда и я,— думал Кулбатыр.— Разве по силам женщине выдержать ту жизнь, которую теперь ведет он? Да и куда поведет их дорога — она хоть в малой степени представляет это?»

Отчего-то забеспокоился жеребец, и Кулбатыр сразу же отринул свои нелегкие мысли. Будто и не было минутной ослабленности, он опять стал весь напряженный и сильный, а одновременно настороженный и холодно-расчетливый.

Оставив коня и винтовку, прихватив только револьвер, он крадучись двинулся к аулу. Если активисты уже здесь, то они наверняка загнали всех по юртам и сами затаились, так что от винтовки проку будет мало. Но если их даже нет, этих активистов, появляться в ауле с винтовкой все равно не следовало: к вооруженному человеку люди относятся недоверчиво. Не хотелось пугать и Аккагаз: вдруг они еще не уехали с Раисом? Пусть думают, что путь им предстоит мирный. Чем позже додумаются, какая опасность нависла над их головами, тем лучше.

Заслышав его крадущиеся шаги — видно, не спала, — из юрты показалась зареванная теща. Он, как мог, стал успокаивать ее, поглаживая по худеньким плечам.

Раис и Аккагаз, оказывается, уже уехали. Кулбатыр зашел в юрту, недолго посидел возле спящих детей. Провел рукой по их головкам, судорожно вздохнул и подался прочь.

Теперь он знал, куда ему ехать — к Айкái-шагб́лу. Здесь, в труднопроходимых песках, километрах в восьми от Жылкыкудука, было лишь одно место, чтобы миновать эти пески. Именно туда, в Косагáч, где и пролегла эта дорога, по которой только и могут проехать активисты, собравшиеся на его поимку, Кулбатыр и направил своего жеребца.

Для засады он выбрал небольшой, внешне неприметный бугорок, обросший кустами чагыра. Коня отвел в ложину неподалеку, спутал ему ноги, сам же залег в зарослях. Щелкнул затвором, посылая патрон в ствол, обломал нижние ветви с кустов для лучшего обзора, положил винтовку перед собой и затаился.

Брезжил рассвет. Ночь отодвигалась на запад. Стали видны сначала ближние, а потом и дальние холмы. Из ракитника, у края песков, подали голоса вороны. Но Кулбатыр ни на что не обращал внимания. Он неотрывно следил за дорогой, мстительно думая: «Никуда не денетесь, сучьи дети. Если проехали уже — сюда же и вернетесь, но вряд ли вы уже проехали».

Он был прав: активисты лишь приближались к тому месту, где он устроил засаду. Вскоре он услышал довольно громкие голоса, а потом показались и они сами.

Их было трое. Ехали спокойно. Ни ружей, ни винтовок за плечами, точно уверены были, что и голыми руками сумеют взять его. Правда, может быть, они вооружены наганями, только попробуй рассмотри с такого расстояния кобуру на поясе.

Судья Ураз приотстал. Чуть впереди него трусил коротышка Шанау, председатель аулсовета. И только едущего впереди усатого здоровяка Кулбатыр не узнал: «Может, не местный?»

Кулбатыр подпустил их поближе и взял на мушку Ураза.

Выстрел грянул громом. И гром этот вызвал замешательство среди всадников, но поразил лишь Ураза. Судья истошно вскрикнул от боли и вывалился из седла. Вторым Кулбатыр снял с коня незнакомого здоровяка, хотя очень хотелось прежде разделаться с Шанау. Но здоровяк, разворачивая коня, невольно заслонил председателя аулсовета, потому-то ему и досталась вторая пуля.

Теперь и Шанау деваться было некуда. Кулбатыр вы-

стрелил и тут же понял, что промахнулся. Передернул затвор и выстрелил во второй раз. И опять пуля прошла мимо. В третий раз он стрелял, уже с отчаянием понимая, что Шанау, бешено нахлестывающий коня, находится на недосягаемом расстоянии.

Только патрон зря истратил!

4

Крики, стенания, мужская ругань — все, что сопутствует отчаянию, охватившему аул Косагач, пошло на убыль лишь после полудня. Тогда же вернулись и последние всадники, рыскавшие по степи в поисках стрелявшего. И все же со стороны юрт, притулившись к горе Есенаман, нет-нет да и доносился безутешный плач. Это вдова убитого утром секретаря аулсовета Алдабергёна никак не могла поверить в свалившееся на нее горе.

Старухи, девчонки, аксакалы и джигиты — кажется, весь аул собрался у юрты Алдабергёна. То и дело из соседних аулов прибывали родственники и друзья покойного и, наскоро привязав коней к керме¹, заходили в траурную юрту, чтобы выразить соболезнование вдове, и, побыв там немного, присоединялись к тем, кто сидел у войлочной стены юрты, поодаль, у очага, или просто слонялся по аулу.

Рядом уже поставили еще одну юрту. Там теперь находились тела Ураза и Алдабергёна.

Страшную весть аул узнал утром, когда председатель аулсовета Шанау промчался галопом, крича во всю глотку: «Беда, беда!» Десяток джигитов во главе со стариком Сарыишаном тут же вскочили на коней и понеслись в сторону Айкайшагыла. Если не считать двух берданок и дробовика, всадники были вооружены лишь камчами. Но ни берданки, ни дробовика не понадобилось: Кулбатыра и след простыл.

На скрипучую арбу с впряженным в нее верблюдом положили тела погибших, поймали коней Алдабергёна и Ураза и отправили в аул. Но долго еще всадники обшаривали склоны барханов в поисках убийцы, однако старания их оказались тщетными.

Разговоры, которые велись теперь возле юрт, вертелись возле одного и того же.

— Только вчера, конечно же, вчера... нет, кажется, позавчера... Возвращались мы с деверем из Жылкыкудука... Дело было в сумерках. Видим, навстречу одинокий всадник, огромный такой... конь под ним игреновой масти... И направляется он именно туда, откуда мы едем. Я тогда подумал: кто бы это мог быть? Теперь-то ясно — Кулбатыр, кто же еще... Таких громил, как он, во всей округе не сыщешь...

— Выдумывать ты мастер... Я слышал, он давно уже вернулся.

— Мне-то что до того, когда он вернулся? Говорю, своими глазами видел.

— Нет, вернулся он совсем недавно. Четыре-пять дней назад, не больше. Днем скрывается в песках, а вечером отправляется под бок к своей жёнушке.

— Один он или с друзьями своими?

— Да вроде бы один...

— Тогда я тоже его видел. Ей-богу, правда. Вчера после полудня искал своего коня на той стороне Калдыгайты. Уже на обратном пути поднялся на Кыземшек — оттуда далеко видно. Гляжу, вроде всадник в песках. Мелькнул и тут же исчез. Мне даже потом подумалось, не померещилось ли? Но на всякий случай я домой подался, от греха подальше. Кто это был, всадник или зверь какой-то... Вчера после обеда это было.

— А ты и впрямь Кулбатыра видел.

— Все-таки боится попадаться на глаза — сразу скрылся.

— На его месте любой побоялся бы. Когда он в «Алаше»¹ был, много чего натворить успел...

— А что именно?

— Ой, об этом и говорить страшно. За ним столько записано — на десятерых по ноздри хватило бы. Покуражился над людьми, да и кровушки пролил... Долго его потом ловили. Тогда еще указ был: где бы и кто бы его ни встретил — расстрелять на месте. Только он хитрый

¹ Партия «Алаш» — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация в Казахстане (1917—1920). Алаш-Орда — казахская буржуазная автономия (1917—1920).

¹ Керме — коновязь.

волк, скрылся в песках, сбил погоню со следа, ушел.

— Говорят, он тогда к туркменам подался... А теперь, видно, и семью хочет туда забрать...

— А я слыхал — сдаваться он явился: надоело скитаться.

— Вот народ, вот народ! Все всё видели, все всё слышали. Потрепаться — языки будто салом смажут, а чтобы сообщить вовремя куда следует, нет их!

— За кого ты нас принимаешь? Если бы кто-нибудь точно что-то знал! А так — разговоры одни. Кто-то что-то видел, кто-то что-то слышал, кто-то о чем-то догадывается. Об этом, что ли, сообщать? Кому от таких сообщений польза?

— Все из-за нашей беспечности...

В стороне шел разговор, почти переплетавшийся с только что слышанным.

— Черт, видно, бережет этого Шанау. Отводит от него пули. Да и не только пули... Помните, в позапрошлом году он решил объездить жеребца? А ведь уже под сорок ему — та ли сноровка! Вот жеребец и сбросил его. Да не куда-нибудь, а прямо на кол для привязи скота. Другой бы тут же богу душу отдал, а Шанау хоть бы хны — жив-здоров.

— Ты прав, нечистая хранит его. Кулбатыр никогда промаху не давал, все знают, какой он стрелок, а тут тремя выстрелами свалить не сумел, будто его кто-то под локти подталкивал.

— Просто не суждено Шанау помереть, вот и не помер.

— А я думаю, нарочно Кулбатыр пустил пулю поверх его башки: мол, знай, с кем имеешь дело! Но убивать не стал...

— Скажешь тоже. Прямо как дитя рассуждаешь. Да попадись Шанау ему в руки, Кулбатыр не то что пристрелил бы его — живьем бы съел.

— А что ему Шанау сделал такого?

— Сде-е-лал!

— Да перестаньте вы! Кулбатыр такой же смертный, как и все остальные. И страх в нем есть, и совесть, наверное... Шутка, что ли, двух человек разом уложить? На третьего, видно, просто рука не поднялась. Видели же сами, и Ураз, и Алдаберген по пуле в сердце получили... Там

и расстояние было — в пятикопеечную монету попасть можно, не то что в толстопузого Шанау. Даже наш од-ноглазый Баймагамбет на месте Кулбатыра не промахнулся бы.

— А откуда у него винтовка взялась? Шанау говорит, мол, кавалерийский карабин — по звуку выстрелов узнал.

— Значит, все-таки стрелял. Да не попал. Кулбатыр, конечно, хороший стрелок, да, видно, ружья давно в руках не держал.

— Слушай, а что это ты так сокрушаешься по поводу промаха? Уж не сожалеешь ли ты, что Шанау уцелел?

— Ты что мелешь! С ума спятил, что ли?

— Как бы там ни было, а Шанау крупно повезло. Дуракам всегда везет — ведь ему все нипочем. Не побоялся же он утром смотаться туда со своим кошмовым мешком¹. Вполне опять мог с Кулбатыром встретиться.

— Да что там ни говорите, а Шанау есть Шанау. И добавить тут нечего.

Обсуждали происшествие и люди, столпившиеся возле коновязи.

— Нет, от судьбы не уйдешь. Судьба погнала на пулю несчастного Ураза.

— Да, бедняга... Царствие ему небесное!.. Только ведь как ни крути, а и он не без греха был. Многим от него досталось. Помнишь, наверное, как братья Имангали возвели поклев на единственного сына Айкуна: мол, тот шерсть воровал. Разве утрудил себя разбирательством покойный Ураз? Как бы не так! Присудил неповинному парню шесть лет — и взятки с него гладки. Да и только ли это? Мало от него другие плакали? Вот и отлились ему эти слезы. Наказал аллах.

— Не аллах, а Кулбатыр. Так вернее будет.

— Кулбатыр тоже под богом ходит. Всевышний направляет его руку.

— Ты правду говоришь. Крут был на расправу покойный Ураз... Прихожу позавчера в аулсовет и вижу: они вдвоем с Шанау Сатылгана пропесочивают. С двух сторон так и жмут: почему, мол, последний налог не оплатил? Ураз

¹ Сумка для деловых бумаг, сшитая из кошмы, которую председатели аульных советов двадцатых годов повсюду носили с собой.

и говорит: «Хочешь в Итжеккэн¹ отправиться, собак объезжать?» Так они его, видно, доняли, что, я смотрю, на Сатылгане лица нет. Попробовал вступиться за него: мол, заплатит он налоги, раньше платил и теперь заплатит. Так Ураз как поднялся на меня, как заорет: «А ну заткнись!»

— Так, значит, за это Кулбатыр на него зуб имел? Сатылган ведь вроде родственник ему?

— Какой он ему родственник? Треплется — не знаете ничего! Видно, только я могу просветить вас. За убийство своего отца отомстил Кулбатыр.

— Что же, выходит, Ураз его отца убил?

— Быть не может! За что?

— За что, за что! Чего только не было в то буйное время! Разве спрашивал кто-нибудь: за что?.. Когда Кулбатыр ударился в бега, Ураз и появился к его отцу. Он, конечно, не один был, целую ораву вооруженных людей с собой привел. Наверное, чтоб напугать старика. Подступил к нему: «Где прячется сын? У нас есть сведения, что ты знаешь об этом». А старик ему: «Ничего я не знаю. Но и знал, не сказал бы. Вам надо — ищите. А я вам не помощник...» Но Ураз, видно, решил все-таки выпотрошить из старика все, что тот знает, — начал грозить расправой. Только ведь и старик, если помните, порох был. Вспылел, схватил камчу — и на Ураза. Трудно сказать, что там у них произошло, только Ураз выхватил наган и пришел старика.

— Вот это да! А я и не знал...

— Будь я на месте Ураза, не стал бы Кулбатыру на глаза показываться. Отправил бы с Шанау своих помощников, а сам бы поостерегся в это дело вмешиваться.

— Судьба погнала. Зарвался человек. Власть, она ведь развращает: думал, наверно, век безнаказанным ходить. И везде сожалели об Алдабергене.

— Жизнь человеку лишь раз дается. Если успел детей нарожать да вырастить, если повидал да попробовал всякого — о чем жалеть, умирая? А вот Алдаберген совсем молодым ушел.

— Да... Что поделаешь?.. На роду, видно, было написано... Только разве это справедливо — погибнуть от руки какого-то бродяги?

— А какой крепкий парень был! А выносливый! Да на него хоть как на хорошего верблюда нагрузи — повезет. И лицом, и статью вышел. А характер? Просто золотой. Джигит хоть куда!

— Упаси боже от такой, как снег на голову, внезапной беды — вот о чем всем нам всерьез потолковать надо. Ведь у беды свое имя есть — Кулбатыр...

Солнце склонялось к закату, когда на дороге, что перевалила через гору Есенаман, поднялось пыльное облако. Люди давно поглядывали в ту сторону. Дорога вела в волостной центр Карá-тюбэ, и еще утром Шанау послал туда гонца.

Впереди ехали специально отряженные волостным руководством милиционеры и уполномоченные, человек пять. Их сразу можно было отличить по стволам карабинов за плечами. А чуть поотстав, трусило еще с десяток всадников — как все догадались, родственников Ураза, которые ехали сюда за его телом.

Сразу же по приезде уполномоченные собрали активистов в доме Шанау.

Волостной уполномоченный, молодой с виду парень — ему можно было дать не больше лет двадцати пяти, — резко сдвинул за спину складки гимнастерки под ремнем, окинул собравшихся недовольным взглядом и, уставившись на Шанау, который под этим взглядом как-то сразу съежился и, казалось, стал еще меньше ростом, заговорил с едва сдерживаемым гневом:

— И о чем только думает этот наш самоуверенный Шанау? Двух славных товарищей потеряли из-за него... Знать, что из себя представляет Кулбатыр, и действовать на авось! Как это называется? Что же вы думали, матерый бандюга вам просто в руки дастся — кинулись за ним почти безоружными и так беспечно?.. Допустим, у Шанау не было злого умысла. Допустим. Но ведь...

И оборвал себя на полуслове. Шанау сидел перед ним совсем потерянный, жалкий, и уполномоченный, видно, пожалел его. Стрельнул еще раз злыми глазами и отвернулся.

— Кулбатыр Сырма́тов хорошо известен, — продолжал он. — Алаш-ордынский офицер, кровопийца, который и глазом не моргнет, если понадобится укокошить кого-то...

¹ Север (просторечное).

Алаш-Орда уничтожена пять лет назад, но все еще бродят ее выкормыши по нашей земле, в норы прячутся, в песках петляют. И не думайте, что они отказались от своих намерений — нарушить покой аульчан, которые только-только избавились от проклятого прошлого и начали строить новую, счастливую жизнь. Пока не очистим землю от этой нечисти, нет нам покоя. И совесть должна нас все время грызть, что мы не достойны хлеба, который едим, если еще живы мерзавцы, подобные Кулбатыру.

Речь, видимо, взволновала его самого. Он с дрожью вздохнул и добавил:

— Разрешается расстреливать на месте без суда и следствия!

Затем слово взял другой уполномоченный. Был он пожилым грузным человеком, со свесившимися на глаза губами спутанными бровями.

— С нами вместе прибыл начальник милиции Салык Тулемисов и два его сотрудника, — кивнул он на трех милиционеров, сидевших у стены. — Нужно бы, конечно, побольше людей, чтоб действовать без всякого риска, но их негде взять — других дел хватает, все оперативники в работе. Потому-то мы и собрали вас: нужны добровольцы, три-четыре человека. Ведь Кулбатыр, возможно, и не один... Словом, кто возьмется помочь Тулемисову?

— Я согласен идти, — осипшим голосом быстро проговорил Шанау, точно боялся, что его кто-то опередит. Чувствовал свою вину Шанау. Чувствовал.

Пожилый уполномоченный вздохнул, помедлил немного, потом кивнул молодому своему товарищу:

— Пиши. Шанау, сын Барáка. Председатель аулсовета.

— И меня запишите, — сказал огромный одноглазый мужик, выдвинувшись вперед.

— Как зовут?

— Баймагамбет, сын Ескáры. Раньше батрачил. Большевик.

— Записывай, записывай, — согласился пожилой уполномоченный. — Я его хорошо знаю. Один из лучших активистов.

— Я бы тоже хотел, — подал голос невысокий, но крепко сложенный чернявый парень. — Киикбáй мое имя. Сын Койбагáра. Я здесь секретарь комсомольской ячейки.

— Подойдет, — согласился пожилой уполномоченный.

— И меня, если можно, — вызвался совсем молоденький парнишка, с мальчишески розовым лицом и слабым пушком под носом.

— Чей же ты будешь, такой прыткий? — улыбнулся, глядя на него, уполномоченный.

— Комсомолец я. — Парень покраснел.

— Что комсомолец — хорошо. А как зовут тебя?

— Куспáн, сын Сарыишáна.

Нашлись бы еще добровольцы — многих обозлило вероломство Кулбатыра, но уполномоченные сказали, что достаточно: два партийца и два комсомольца — хватит, не весь же аул посылать за этим бандитом.

Все разошлись. Остались лишь те, кому завтра предстояло пуститься в дорогу: надо было кое-что обсудить.

У Шанау и Баймагамбета имелись старенькие берданки. Киикбай и Куспан пообещали раздобыть дробовики.

Отряд собирался выступить на рассвете.

5

Они сели в седла, когда на востоке только-только замутнело небо. Негромкий перебор копыт в этой ранней тиши разносился далеко по округе.

Вчера вечером двое уполномоченных, начальник милиции Салык и председатель аулсовета Шанау остались и чуть ли не до утра обсуждали, где искать Кулбатыра. Бандит мог скрываться в любом ауле волости. Хотя эта догадка была почти сразу же отвергнута: вряд ли кто осмелится дать ему приют, особенно после того, что произошло здесь, под Косагачем, — в степи слух разносится быстро.

Значит, может затаиться лишь в нескольких местах: в песках Карагандыкум, в зарослях Калдыгайты, в горах Есенамана. Но и тут стоило подумать. Действительно, вокруг Калдыгайты заросли надежные, но ведь и окрестности реки густо заселены — того и гляди, попадешься на глаза. Горы Есенамана тоже не годятся. Горы — одно название. На самом деле это почти слившиеся друг с другом пологие холмы, лишённые растительности. Ущелья и глубокие овраги, где можно было бы укрыться всаднику,

по пальцам пересчитать. Выходило, что самое удобное место для Кулбатыра — пески: там уже некогда скрывался он. И все же для начала решено было заехать в Жылкыкудук — аул, где жила жена Кулбатыра: может, удастся разузнать, куда он подался.

Когда Косагач скрылся за пригорком, Салык придержал отряд и, строго оглядывая каждого, рассказал о ночном совете и принятом решении. Потом велел прекратить разговоры и двигаться будучи все время наготове.

Несчастье, которое свалилось вчера на головы аульчан, вопли женщин и детей, раздирающие душу проклятия судьбе, окровавленные тела погибших — все это не могло не леденить сердца людей. До разговоров ли тут было! Все ехали хмурые, сосредоточенные. Салык, Шанау и Баймагамбет, державшиеся чуть впереди, изредка еще перебрасывались короткими фразами. Куспан же, Киикбай и два милиционера, Абдулла и Сагынгалы, помалкивали.

Оставив позади верст двадцать, перешли на мелкую рысь. Теперь надо быть особенно осторожными: впереди показались пестрые холмы Айкай-шагыла.

Рассвет близился стремительно. Еще, казалось, совсем недавно небо на востоке лишь начало бледнеть, а сейчас свет разлился по всей степи, ярче и ярче становился он под напором наступающего дня, и вот между двумя четко очерченными на востоке черными курганами появился третий курган — красный сияющий диск солнца.

Вряд ли стоило прочесывать Айкай-шагыл — Кулбатыр наверняка ушел подальше от этих мест. Но могло быть и наоборот. Мог же он предположить, что они так и подумают — он ушел, и устроить очередную засаду! А потому маленький отряд рассыпался цепью и двигался с оружием на изготовку.

Приближаясь к месту вчерашней трагедии, Куспан и Киикбай чувствовали, как учащенно забились их сердца. Волнение их еще больше усилилось, когда они заметили, как Шанау подъехал к Салыку и концом камчи указал на холмик, откуда прогремели вчера выстрелы.

Прочесывание, как и предполагал Салык, результатов не дало. Отряд понесся к Жылкыкудуку; вскоре вдали показались блеклые юрты аула.

В Жылкыкудуке жил непутевый народ. Люди тут и

прежде не отличались дружкой и единством, а в дни революции и гражданской войны и вовсе разлетелись по белу свету. Из двадцати юрт аула остались лишь четыре.

Тесть Кулбатыра Жанбыршы был одним из тех, кто, дожив до глубокой старости, мог спокойно сказать, что до дна испил чашу горестей и радостей, всё испытал и всё перевидал, и на покой отправляется с сознанием исполненного долга. Примерно так в прошлом году перед смертью своей и сказал старый Жанбыршы. Теперь здесь жила его вдова с сыном Раисом и дочерью Аккагаз, женой Кулбатыра, и двумя ее детьми. Об этом и сообщил Салыку Шанау.

И опять из предосторожности не стали сразу заезжать в аул. Необходимо было проверить, нет ли там Кулбатыра. Но как проверить?

— Давайте я пойду, — вызвался Куспан. — Как-никак, а Раис мой друг. Да и тетушку Аккагаз я хорошо знаю.

Он выехал вперед, сияя от волнения своим мальчишески круглым лицом, снял дробовик, который в пути с неприщипки оттянул плечо, положил его поперек седла. Потом откинул назад болтавшуюся у ноги кривую саблю. Сабля была старая. Она издавна висела в их юрте, и, отправляясь в путь, Куспан прихватил ее с собой — оружие все-таки.

И петушиный вид, и слова мальчишки задели Шанау. Он бросил на него презрительный взгляд.

— Тоже мне, нашел тетушку! — заворчал он. — Может, и Кулбатыр тебе дядюшка? Смотри, как бы эти волки не сожрали тебя со всеми потрохами, если ты сунешься к ним. Нет, я не доверяю сосункам. Лучше ты иди, Баймагамбет.

У Куспана запылали щеки, он обидчиво поджал губы. Опять этот Шанау распоряжается! Давно ли его отчитывал сам уполномоченный из волости? Ни на кого не глядя, он повернул коня и присоединился к Киикбаю.

Тот поглядел на приятеля, и едва заметная усмешка собрала морщинки в уголках его черных красивых глаз. Он тоже знал всех в этом ауле. Вместе с Раисом, великолепным домбристом и певцом, они не раз отправлялись на всякие праздники. Он тоже хотел вызваться, но Куспан опередил его. И теперь Киикбай даже радовался, что не успел высунуться, а то бы и его одернули.

Куспан заметил его усмешку, поглядел хмуро: нашел чему радоваться!

Баймагамбет отделился от группы и не торопясь поехал к аулу. Достигнув крайней юрты, спешился, привязал коня и вошел внутрь. Через некоторое время он появился снаружи и помахал остальным: подъезжайте — спокойно.

Вчерашнее событие взбудоражило аульчан, поселило тревогу: мало ли чего теперь можно было ожидать! И появление вооруженных всадников, на лицах которых нельзя углядеть не только улыбки, но и простого доброжелательства, как бы подтверждало, что опасения не напрасны.

Как только отряд въехал в аул, из юрт высыпали все жители. Они стояли кучкой, будто показывая, что все они здесь родственники, и если придется отвечать, то ответят все вместе. Лишь вдова покойного Жанбыршы как вышла из юрты, так и опустилась на землю у порога, внезапно схватившись за сердце. Но именно к ней довольно грубо и обратился Шанау:

— Где Кулбатыр?

От его окрика она, казалось, еще больше сжалась, лицо ее помертвело.

— Не знаю, — застонала она. — Откуда мне знать! О аллах! Почему я должна отвечать за него? Пришел вчера ночью, потом ушел... И Аккагаз ушла вместе с ним... Детей вот оставили. Может, и они должны за отца отвечать? Тогда берите их, режьте, убивайте! И меня убейте!.. Горе мне, горе! Что вы от меня хотите? Откуда мне знать, куда они ушли! И этого непутевого Раиса нет, запропастился неизвестно куда. Ни одного мужчины в доме, некому защитить бедную старуху!

Тревога, появившаяся у нее с первого дня пребывания здесь Кулбатыра, ужасные слухи, уход Аккагаз, а теперь еще и приезд вооруженных людей — все это вконец истощило нервы бедной женщины. Она забилась в рыданиях, шаря по земле слепыми руками, и потеряла сознание.

К ней кинулись женщины, как всегда в суматохе не столько помогая, сколько мешая друг другу, брызгали в лицо водой, трясали, растирали щеки, но маленькое тело ее оставалось неподвижным. И, видя это, стоявшая у дверей юрты девочка лет десяти внезапно ударилась в такие слезы, такой крик отчаяния вырвался у нее из сердца, что все находившиеся вокруг невольно вздрогнули. Услышав крик сестренки, из юрты выскочил мальчишка. По виду он

был на год или на два старше ее. Юркнув между людьми, он подскочил к Шанау, подпрыгнул, цепляясь ему за ворот, и неокрепшим кулачком ткнул куда-то в щеку.

— Не трогай, не трогай бабушку! — кричал он, вцепившись в Шанау.

Ошарашенный Шанау едва оторвал его от себя и швырнул в сторону, сопроводив подзатыльником.

— Пошел вон, волчонок! Или, может, тебя вот этой штуковиной вытянуть? — пригрозил он камчой.

— Спокойнее, Шанау. Спокойней! — перехватил его руку Салык.

Подошел к женщинам, хлопотавшим возле старухи, велел унести ее в юрту, ласково подтолкнул следом плачущую девочку, потом поманил за собой Шанау, Баймагамбета и нескольких взрослых мужчин и повел их в сторону — обстоятельно расспросить о Кулбатыре.

Аульные ничего и не пытались скрывать, выложили все, что знали. Кулбатыр появлялся здесь ночью, ночью же и уходил. Вчера со стороны юрты покойного Жанбыршы, отца Аккагаз, доносились обрывки какого-то оживленного разговора и было там беспокойно... Впрочем, в последние дни это стало настолько привычным, что никто особого внимания не обратил. Только теперь начали догадываться, что Кулбатыр приезжал за женой, а куда они направились, это неизвестно. Трудно сказать и куда подевался Раис. Может, ушел вместе с сестрой и зятем, а может, отправился к родственникам в Кокжар, а оттуда на базар; он тут говорил, что нужно что-то купить. Между прочим, один из аульчан, пасший вчера овец возле Калдыгайты, видел двух всадников. Кто такие — разглядеть не удалось, были слишком далеко. Может, Кулбатыр с женой, а может, и нет, как знать? Во всяком случае, путь они держали мимо Кыземшека в сторону Аккумов...

Больше расспрашивать было не о чем. Да и задерживаться не имело смысла. Ясно: Кулбатыр ушел в пески.

Пока начальник милиции разговаривал с мужчинами, молодые парни его отряда походили по юртам, где их угощали свежим айраном¹, и между делом расспросили женщин и стариков. Те говорили примерно то же самое.

¹ Айран — кислое молоко особой закваски.

Салык приказал садиться на коней.

На другой стороне Калдыгайты они изъездили вдоль и поперек все окрестности, особенно тщательно обыскивали подножие Кыземшека. Но ни следов, никаких других примет проехавших недавно всадников обнаружить не удалось. Тогда преследователи направились к Аккуму — небольшой части песков Карагандыкум.

Салык сказал было, что неплохо бы пошарить здесь, в Аккумах, неподалеку от Косагача. Его поддержал и Шанау: бандит вполне может притаиться рядом с аулом, а потому нелишне как следует прочесать Аккумы. Но им возразил Баймагамбет. Местность он знал как свои пять пальцев, а потому заявил с уверенностью:

— Не станет Кулбатыр так рисковать. В случае чего, от погони ему в Аккумах не уйти. А теперь он к тому же не один, должен думать не только о своей шкуре. Если и можно где-то надежно укрыться, так только в Карагандыкумских песках. Они однажды спасли его.

Не согласиться с ним было невозможно. И лишь отряд двинулся туда, куда советовал Баймагамбет, как сразу же на северной оконечности Аккумов наткнулись на следы двух всадников.

Следы вели на запад. Салыку вспомнились слова пастуха из Жылкыкудука. Так вот они, эти пресловутые всадники, которых видел пастух возле Кыземшека!

Шаг следов был короткий. По всей видимости, всадники не торопили коней. Да и шли они по самому краю песков, где грунт не так зыбок, — очевидно, старались сохранить лошадей свежими как можно дольше. Теперь Салык уже почти не сомневался, что это Кулбатыр и его спутница — кому еще в этих местах ездить слишком далеко: коней-то берегли именно для дальней дороги.

Нынешнее лето выдалось сухим и жарким. Беспощадное солнце сжигало землю. Прежде эта окраина Аккумов курчавилась разнотравьем, нынче же к началу августа даже такие неприхотливые растения, как молочай, стали вялыми, безжизненными, осыпала свои почки полынь, не говоря уже о ковыле и пырее — те и вовсе сгорели.

Вот и сейчас путники чувствовали горячее дыхание суховея. Несмотря на то что еще, казалось, не ушло утро, рубахи намокли — хоть выжимай. Так и хотелось рвануть

их на груди, подставляя ее потокам холодного воздуха. Но прохлады не было. Жар обжигал лица и сушил глотки. От стелющегося по земле горячего ветра дребезжали и позванивали пустые оболочки высохшего чертополоха.

Двигались до самого полудня, пока зной окончательно не вымотал бойцов. Тогда и устроили привал. Люди падали прямо на землю и мгновенно окунались в текучую дрему. Но через два часа Салык снова усадил в седла свое войско. К вечеру отряд достиг окраины Карагандыкумов.

В неглубоком овраге, густо поросшем кустарником, путники обнаружили маленький, но живой ручеек, вытекавший из бочажка у подножия склона. Тут и решено было заночевать. Коней пустили на выпас, не снимая седел, лишь ослабив подпруги.

6

Прошлая почти без сна ночь сказалась на людях: спали как убитые, хотя днем и вздремнули немного. А потому после полуночи, когда пришло время, Куспан едва добудился Киикбая, чтобы тот сменил его на посту.

— И засоня же ты, — ворчал Куспан, — растолкать невозможно.

— Все спокойно? — спросил Киикбай.

Глаза его по-прежнему были закрыты, и он то и дело ронял на грудь голову.

— Спокойно, — недовольно откликнулся Куспан.

Все еще не открывая глаз, Киикбай протяжно зевнул, неверной рукой поднял с земли и повесил на плечо дробовик и неожиданно зябко вздрогнул всем своим коренастым телом: продрог, оказывается, на сырой земле.

Голова постепенно прояснялась. Киикбай с завистью глянул на похрапывающих товарищей, потер щеки ладонями, отгоняя остатки сна, и, внимательно вглядываясь в ночь, пошел вверх по склону оврага.

Чернели вдали массивные песчаные барханы, отрезавшие часть неба на горизонте, над их пологими вершинами перемигивались притуманенно звезды. Где-то внизу журчала вода. Еще вечером, выбрав место поуже, парни соорудили из песка небольшую плотину, но теперь, наверно, воды накопилось слишком много, и она прорвала плотину.

Там же, рядом с водой, пугливо всхрипывали и переступали кони. И страх их передался Киикбаю.

Он внимательно прислушался к темноте, стремясь уловить хоть какой-то отдаленный звук, потом, осторожно ступая, направился к лошадям. Обошел, пытаюсь понять, что их потревожило. Но вроде все было спокойно. Нахлынувший неизвестно отчего страх начал рассеиваться.

Киикбай опять зевнул, сладко, протяжно, и ему неожиданно вспомнился сон, который он видел до того, как его разбудил Куспан.

Сон был сумбурный, таких Киикбаю, кажется, и видеть никогда не приходилось. Может, это оттого, что накануне он сильно устал?

Сначала были какие-то звуки, будто где-то совсем близко ударили в бубен. Шум нарастал. И кажется, прямо из этого шума проступили вдруг сверкающие глаза куланов. Они мчались куда-то, грохоча непривычно большими копытами, перепрыгивали друг через друга, метались в страхе. Потом в отдалении, но будто совсем рядом, появились огромные прозрачные фигуры великанов. Фигуры эти колебались, меняли свои очертания... К чему все это?

Он так задумался, что чуть было не растянулся на земле, споткнувшись о какую-то корягу. Шепотом выругался. Постоял, чувствуя, как голову вновь заволакивает дрема. Встряхнулся: да что это со мной! Несколько мгновений до боли тер глаза, будто это могло отогнать навалившийся сон, но добился лишь того, что в них появились какие-то посверкивающие оранжевые круги да резь.

«Думай о том, где ты и зачем ты здесь, — приказал он себе. — Кулбатыр — серьезный враг. Как волк может подкрасться и перерезать всех».

Эта мысль заставила его подобраться. Неслышно ступая, он опять пошел туда, где спали товарищи, потом вернулся к лошадям и снова поднялся на взгорок. И уже ни разу не позволил посторонним мыслям отвлечь себя.

Он никогда лицом к лицу не сталкивался с Кулбатыром, даже издали видеть не приходилось. И все-таки он, казалось, очень хорошо знал его. По многочисленным рассказам легко можно было представить себе огромного, до отчаянности смелого и жестокого человека.

Рисуя в воображении портрет Кулбатыра, Киикбай буд-

то нарочно отбрасывал все, что могло быть притягательным в нем. И чем больше он сейчас думал о Кулбатыре, тем настороженней становился. Ему помимо воли казалось: бандит где-то рядом, вот-вот подкрадется и набросится, а он, Киикбай, даже крикнуть не успеет. И пальцы, подрагивая, все крепче и крепче сжимали ремень дробовика.

Но проходило время, и парню делалось стыдно: так поддаваться страху! Он с обидой на себя отгонял тревожные мысли и пытался спокойно рассуждать о том, что произошло накануне.

«Почему Кулбатыр столь жесток и безжалостен? — спрашивал себя Киикбай. — Ведь и Ураз, и Алдаберген были, в общем, хорошими людьми. Если не считать некоторых дурацких выходок Шанау, он тоже неплохой человек. Зачем же стрелял в них Кулбатыр? Или, может, здесь какая-то личная месть? Может, в прошлом между ними была такая вражда, о которой и сегодня они не в силах забыть?»

Киикбай слышал позавчера разговоры возле юрты Алдабергена. Раздираемые любопытством, они с Куспаном переходили от одной группы людей к другой, рассчитывая узнать от аксакалов что-то неожиданное. Порой сами вставляли словцо, направляя разговор в нужную им сторону. Но ничего такого, что открыло бы Кулбатыра как-то по-особенному, разведать так и не удалось.

Уполномоченные, собравшие активистов, сказали, что Кулбатыр — классовый враг. Только... к какому же классу он принадлежит! Если бедняк, почему же нападает на таких же бедняков, как сам? Но ведь и баем его не назовешь, всего-то богатства: конь под ним... Кто же он на самом деле?

Эти наивные мысли занимали его до самого рассвета.

Забрезжившее утро застало его на песчаном холме неподалеку от оврага, где спали товарищи. Он всматривался в начинающее бледнеть небо, с восторгом наблюдал, как, меняя краски, расцветает восток, как, постепенно вытесняя все остальные цвета, горизонт становится темно-красным, как, рассеивая и эту красноту, выкатывается, наконец, сияющий огромный шар солнца.

Отчего-то вздохнув, он вскочил на ноги и двинулся к оврагу.

Старшие уже поднялись. Салык проверял оружие, а Шанау и Баймагамбет будили молодых. Потом вместе отправились к ручью умываться.

Завтрак был коротким. Вчера, собираясь в дорогу, каждый захватил с собой по бурдюку айрана, по мешочку тары¹, по несколько пригоршней курта и иримшика. Бурдюки лежали опустошенные — вчерашняя жара заставила выпить все до капли. Но остальных припасов было еще достаточно, так что поели быстро, но плотно. Потом прополоскали бурдюки, наполнили их родниковой водой и сели на коней.

Карагандыкумы, куда вступил отряд, простиралась верст на сто пятьдесят в длину и на тридцать — сорок в ширину. Пустыня встретила преследователей огромными барханами, под каждым из которых мог быть похоронен целый аул вместе с кибитками, а впадины были так глубоки и обширны, что здесь мог спрятаться не только одинокий всадник, но и целое войско. Разве можно было сравнить эти пески с аккумулятивными? Там, считай, просто ветряной свей, поросший корявыми кустарниками. Дикая величественность Карагандыкумов вызывала оторопь. Одно тут хорошо: песок лежал так плотно, что почти по самому краю гребней можно взобраться на любую вершину — копыта лошадей вязли неглубоко.

Салык повел своих спутников на самый большой бархан, который только было углядеть вблизи. С вершины его открылась захватывающая панорама: бесконечные желто-коричневые песчаные волны уходили далеко-далеко, к еле видимым белесым облакам на горизонте.

Карагандыкумы — настоящая пустыня. Редко-редко лежит она вот так, неподвижно, будто застывшая навек. Но стоит подуть настоящему ветру, как зашуршит, завьется песок, и миг все потонет в желтом мраке.

В лощинах между хребтами невысоких сопков, изрезавших пустыню, нередко можно встретить острец и джугунь, бургень и верблюжьё колючку, но больше всего караганника и арчи, их, кажется, не может ни выжечь испепеляющее солнце, ни истребить секущая песком буря. Редко-редко попадаются полузанесенные песком кривоватые

березки или крохотные левадки низкорослых тополей, и зеленая листва их радует глаз.

Самые молодые в отряде с восторгом взирали на открывшийся им фантастический пейзаж.

Прибывшие из Каратюбе милиционеры не раз бывали в этих местах, поэтому их так не волновала картина, которая заворожала молодежь. Напротив, смотрели на нее с грустью. Однако из всех, кто стоял сейчас на вершине бархана, лишь бывалый Салык знал пустыню так хорошо, как свой аул, извездил ее вдоль и поперек.

— Я слышал, что где-то посредине Карагандыкумов есть озеро, — сказал Сагынгали, поглаживая поросший редкой щетиной подбородок. — Загадочное. Так, кажется, называется. Никто не знает, откуда там вода взялась и почему ее до сих пор не засыпало песками.

— Я тоже помню, — откликнулся второй милиционер, Абдулла, — говорили про это озеро. Вокруг, говорят, просто дебри камышовые. И волков там, и кабанов — видимо-невидимо. И рыбы в озере хоть ведром черпай. Это, я думаю, какой-то из рукавов Калдыгайты пробирается под песками, а там выныривает наружу.

Юный Куспан не стерпел и тоже ввязался в разговор. Указывая ружьем куда-то на север, он произнес, стараясь говорить весомо:

— Калдыгайты тут ни при чем. Вон там, — потыкал он стволом в пространство, — роща, даже настоящий лес. Соновым называется. В этом лесу берет начало речка Кзылшан, а потом пропадает в песках. Вот и утверждают, что благодаря этой речке возникло озеро.

Разгорелся спор. Одни говорили одно, другие — другое. Никто ничего в точности не знал. Да и что было взять с них: парни совсем молодые, пацаны считай, многим еще и двадцати нет, — далеко ли им пришлось ездить от своего аула? Потому-то каждый старался сообщить не то что видел, а что слышал от старших, но отстаивали свое мнение с таким задором, точно оно было самым верным.

Трое старших отъехали в сторону и о чем-то негромко говорили. Потом Салык подозвал молодых.

— Такое дело, ребята, — собрал он на лбу морщины. — Мы вот тут посоветовались и пришли к выводу: бандиту, кроме как в Карагандыкумы, деваться некуда.

¹ Т а р ы — жареное просо.

Уполномоченные сообщают во все аульные советы Уральского округа, чтобы там были начеку. Кулбатыр наверняка догадывается об этом — ума ему не занимать... Карагандыкумы — огромное пространство, тут много таких укромных местечек, спрячется — с собаками не найдешь. Потому и трудно предположить, где он может затаиться. Но мы идем по его следу — больше тут некому проехать — и каждую секунду должны быть настороже. Если заметите что-нибудь подозрительное, немедленно давайте знать остальным. Стреляйте, кричите, чтоб не застал врасплох. А сейчас растягиваемся все в цепь с дистанцией в полверсты и направляемся по следам... Удачи вам, джигиты! И еще раз предупреждаю: не будьте беспечными — нарветесь на беду.

Старшие двинулись посередке. Абдулла и Сагынгали отправились на правый фланг, а Киикбай с Куспаном — на левый. Ехали не слишком быстро, соблюдая дистанцию. Лошади поднимались на вершины барханов и спускались в низины, опять на вершины и опять — вниз.

Безжизненная земля не привлекала даже скотину. Вчера в Аккумах им нередко попадались на глаза и коровьи лепешки, и конские яблоки, и катышки овец. Здесь же ничего подобного не было. Здесь наткнулись лишь на полужансенные остовы лошадей, до известковой белизны вымытые дождями и выжженные нещадным солнцем.

Зайцу, мыши да тушканчику привольно в этих местах. Ну а там, где есть эта живность, конечно же, бродят и волк, и корсак. То тут, то там можно заметить характерный заячий треугольник, вдавленный в песок внушительный след волчьей лапы, веточки следов, оставленные воронами и воробьями, или струящуюся полосу от проползшей недавно змеи.

Спустишься в один распадок — он густо порос караганником; в другом, тут же, рядом, — ничего, кроме рябого ветряного свея. На макушке одного бархана неожиданно можно встретить неизвестно как прижившийся куст можжевельника, и только удивление возникает в душе, сколько упорства нужно проявить, чтобы суметь выжить в таком месте: куда, в какие глубины, ушли его корни, чтобы добыть зеленой кроне живительную каплю воды? А дальше опять коричневатый спрессованный песок и — пустота.

Сколько таких вот однообразных барханов и распадков

пришлось преодолеть отряду до полудня! Головы кружились от однообразия и текучего марева, как плавные волны колышущего воздух где-то в отдалении. Наконец собрались вместе, перекусили, утолили жажду, прилегли кто где мог. Один Сагынгали прохаживался по вершине бархана, под склоном которого устроились его товарищи, и наблюдал за округой.

Куспану показалось, что он только задремал, когда послышался негромкий, но властный голос Салыка:

— Вставайте, ребята. Вставайте. Некогда разлежаться.

С первого дня понравился Куспану и Киикбаю этот человек. Он казался им очень старым, хотя на самом деле ему лишь чуть-чуть перевалило за сорок. И, несмотря на это, не каждый бы здесь, в отряде, решился померяться с ним силами. Небольшого роста, крепкий, с упругими кривоватыми ногами, при одном взгляде на него становилось ясно: справиться с Салыком дело нелегкое. Но больше всего он нравился своей рассудительностью, умением подчинять любого одним, будто вскользь брошенным словом, а то и просто взглядом. Давно ли, кажется, познакомились, но даже умудренные опытом Баймагамбет и Шанау смотрят на него с почтением.

Отряд опять развернулся цепью и двинулся вперед. И снова перед преследователями лишь бесконечные волнообразные барханы, снова раздражающий глаза коричневатый цвет песка да вылинявшее небо над головой.

Вначале бойцы были настороже, как приказывал Салык, чтобы невзначай не попасть на мушку бандита, но вскоре всем стало казаться, что предосторожности напрасны, что Кулбатыр озабочен лишь тем, как подальше унести ноги, и внимание людей постепенно ослабло.

К вечеру, когда солнце уже склонилось к горизонту, пески остались позади. Впереди лежала степь, поросшая травами и кустарником. Следы Кулбатыра потерялись.

Самое большое разочарование было написано на лицах Куспана и Киикбая. Каждый из них мечтал непременно заметить бандита первым и вступить с ним в схватку. Молодости свойственно преувеличивать свои возможности: и тому, и другому хотелось верить, что попадись им бандит — ему уже не удастся уйти.

Отряд съехался. Все поглядывали на Салыка: лишь он может подсказать, как поступить дальше. Но и Салыку, до боли в глазах вглядывающемуся в землю, трудно углядеть следы беглецов в великой пестроте отпечатков копыт и копытец постоянно выпасаемого здесь домашнего скота.

Пока ничего не оставалось делать, как последовать совету все того же одноглазого Баймагамбета: отправиться в ближайший аул, чтобы как следует напоить и накормить коней, самим отдохнуть и запастись едой в дорогу.

К аулу они приблизились уже в ночной темноте.

7

Аул назывался Курайлысáй и принадлежал соседней Киндиктінской волости. Народ здесь жил оседло. Занимались не только скотоводством, но и пахали землю, растили хлеб.

Чтобы не тревожить спящих людей, свернули к крайнему домику.

Хозяином его был пожилой, лет пятидесяти, мужичонка, отнюдь не храброго десятка. Услышав топот и голоса всадников, внезапно появившихся среди ночи, он не скоро открыл дверь, выпрашивая, кто да откуда, и успокоился лишь тогда, когда воочию увидел знакомых ему Баймагамбета и Салыка.

Обрадовался, поднял жену, велел ей ставить самовар, выкатил из угла и поставил посредине комнаты низенький столик, набросал вокруг него одеял и подушек и, как те ни противились, усадил усталых гостей.

От чаю приехавшие отказались наотрез: слишком много беспокойства хозяйке, а время уже позднее. Съели по куску лепешки, выпили по большой пиале кислого молока, вышли во двор и прямо под звездами растянулись кто на поданной хозяином кошке, кто на попоне, а кто и просто на копейке соломы: казаху не привыкать спать там, где захватит ночь.

Поднялись рано. Теперь уже вволю напились чаю, приготовленного хлопотливой хозяйкой, наполнили свои бурдюки шалапом¹ и тронулись в путь.

¹ Ш а л а п — кислое молоко, разбавленное водой.

Ночью хозяин долго донимал расспросами Салыка. Узнав про гибель Ураза и Алдабергана, разохался: весть об этом еще не дошла сюда, но больше всего напуган был тем, что в окрестностях опять появились бандиты.

— Ох ты, господи,— причитал он,— ведь уверены были уже, что с бандами покончено, что наконец-то можно спокойно пожить. Только-только начали приходить в себя от этих банд и бесконечных кровопролитий, в артель вот объединились, чтоб совместными усилиями растить урожай,— и опять кому-то нейдет. Проклятый Кулбатыр! Знаю я его, этого негодяя. Во времена алашордынцев не раз налетал на аул со своими молодцами — дань требовал: мол, не хотите помогать нам лошадьми и довольствием, дома спалим и скотину перебьем! Такого страху нагонял, кровопийца проклятый!

Хозяин вспомнил и рассказал Салыку, что один из аульчан видел вчера в степи, километрах в десяти отсюда, двух незнакомых всадников, направлявшихся в пески, может, это и был Кулбатыр с кем-то из своих. Салыку хотелось бы знать подробности, но аульчанин, как на грех, уехал по каким-то своим делам в волостной центр Киндикты.

Салык не сомневался, что виденные вчера аульчанином люди — действительно Кулбатыр с кем-то из подручных. Все-таки ему удалось схитрить и сбить погоню со следа, выйдя из песков в степь. Но Салык был уверен и в другом: что в степи он долго не задержится — там и пастухов много, и проезжих,— а попадаться кому-то на глаза Кулбатыру было не с руки. Поэтому ему опять одна дорога — в пески. В глухие пески.

Он поделился этими соображениями со своими спутниками, и они согласились с ним. Отряд решил тоже двинуться наискосок к северу, пройти по степи верст десять — двенадцать, а потом уже вновь войти в Карагандыкумы. Примерно так должен был действовать и Кулбатыр.

Оснований для такой уверенности было довольно много. Правая часть песков тянется в сторону Каратюбинской волости и упирается в густые заросли на берегу реки Калдыгайты. А вот в левой их части, километрах в шестидесяти отсюда, среди песков растут сосновые рощи.

Полоса их узка, но простирается довольно далеко. За ними уже нет той пустыни, которой преследователи успели вчера с тоской налюбоваться вдоволь. За рощами же пустыня чередуется со степью. Кулбатыр, может, конечно, схитрить и на этот раз: во-первых, укрыться в роще, которая однажды когда-то уже спасла его; во-вторых, пройти ее вдоль, углубиться в степь и снова в неожиданном месте войти в Карагандыкумы. В прошлый раз он проделывал такие штуки, почему бы и теперь не воспользоваться тем же приемом?

По дороге преследователи заезжали в попадавшиеся на пути аулы в надежде узнать что-то новое. Но нигде никто ничего не видел и не слышал — Кулбатыр как сквозь землю провалился.

Когда они снова вошли в пески, здоровяк Баймагамбет остановил коня.

— Командир, предложение есть,— сказал он.

Салык и остальные попридержали коней.

— Если будем продолжать держаться вместе, опасаясь подвохов с его стороны, он совсем оторвется от нас. Слишком хитер, собака. Пески большие, лощин и оврагов хватает, и многие из них поросли таким кустарником, что если заляжет в них, пока не наступишь на спину — не обнаружишь. Будем ехать скопом, он вряд ли нападет, но и не обнаружит себя. А мы ведь с самого начала знали: идем на риск. Надо разбиться на группы, по два-три человека, и действовать по отдельности. Расстояние между группами — пять-шесть верст. Я думаю, что так толку будет больше.

Салык сказал, что сам подумывал об этом. Но тут вмешался коротышка и пузан Шанау:

— А как мы узнаем, обнаружил кто-то Кулбатыра или нет? А если он перебьет тех двоих или троих? Что, на овечьих катышках будем гадать или по падающим звездам судьбу определим?¹ — ехидно затараторил он.

С Баймагамбетом они были ровесниками, а потому могли и поддевать и вышучивать друг друга. До этой минуты напряжение не покидало отряд — слишком памя-

¹ В древности казахские гадалышки разбрасывали перед собой овечьи катышки и предсказывали по ним судьбу. Падающая звезда, по народному поверью, означала чью-то смерть.

тен для всех был день, когда Кулбатыр беспрепятственно расправился с Уразом и Алдабергенем, а потому никому и в голову не приходило шутить. И вдруг этот Шанау с падающими звездами... Все невольно заулыбались.

— Можешь не беспокоиться, с тобой ничего не случится, — оскалил крепкие зубы здоровяк. — Если бы случилось, так в прошлый раз бы не уцелел. Но видно, Кулбатыровы пули мимо тебя летают.

Киикбай и Куспан уже не сдержались, приснули со смеху.

Видно было, что Шанау разозлили и слова Баймагамбета, и смех парней.

— Если я за кого-то и боюсь, то лишь за тебя, ко-соглазого, — бросил он. — Какого тебе будет? Ты же только с одной стороны видишь. А вдруг Кулбатыр с другой окажется, тогда что? Трахнет тебя по башке чем-нибудь, ты и вспомнить не сможешь, какое у тебя сейчас пред-ложение было.

И Шанау захохотал, тряся своим большим животом. Последняя фраза с намеком на слова Баймагамбета: «Командир, предложение есть» — показалась Шанау очень удачной. У него как будто захохотали все морщинки широкого лица с приплюснутым носом. Но лишь один Абдулла присоединился к Шанау, да и тот, заметив, что остальным не понравился намек Шанау на физический недостаток Баймагамбета, тут же оборвал смех.

— Чтобы лучше видеть, я возьму с собой остроглазого Киикбая. Вдвоем, я думаю, мы все разглядим.

Баймагамбет говорил спокойно, давая понять против-нику, что препираться не намерен. Тут и Шанау посерь-езнел — догадался наконец, что нападки его неуместны.

— Тогда нужно вечерами сходитьсь, — уже по-делово-му предложил он.

— Я как раз об этом и хотел сказать, — посмотрел на всех твердым взглядом Салык. — Верстах в двадцати от-сюда есть рощица Котантал. Во-он в той стороне. Ее отовсюду видно издали. Там вечером и встретимся. — По-дождал, не возразит ли кто, но все закивали, соглаша-ясь. — Тогда вот что, — продолжил он, — если кто-то на-падет на след — непременно сразу сообщит остальным... по цепочке. Ясна задача?

Отряд разбился на три группы. Самое крайнее и долгое, обходное, направление выпало на долю Баймагамбета и Киикбая. Посредине должны были идти Шанау и Куспан. Салык же со своими милиционерами двинулся прямо к туранговой роще. Командир распределил людей с таким расчетом, чтобы возле молодого обязательно оказался че-ловек постарше и поопытнее.

Удаляясь от своих товарищей и углубляясь в пески, Баймагамбет и Киикбай невольно все чаще стали огля-дываться по сторонам. Они хотя и не признавались друг другу, на душе у обоих было беспокойно. Как только из виду исчезли остальные, они вдруг так остро почувствовали свое одиночество, затерянность в этих бесконечных песках, что невозможно было избавиться от ощущения на-двигающейся на тебя опасности, и нервы натянулись до предела, будто именно в них должны были полететь пули, посланные меткой и твердой рукой. Они крепились, ста-рались не выдавать своих чувств, однако держались ря-дышком, почти касаясь стремянами. Коню шли в ногу, не отставая и не вырываясь вперед.

То и дело они обменивались короткими фразами о своих наблюдениях: там куст в отдалении шевелился под ветром и был похож на залегшего человека, то мелькала какая-то неясная тень. Но постепенно смутная тревога приумолкла в душе, и они стали говорить все реже и реже.

Часа через два достигли того места, откуда им надле-жало повернуть к туранговой роще. Сначала решили пе-редохнуть, но потом передумали: путь предстоял неблиз-кий, времени терять нельзя.

Они покинули низину, испещренную следами зайца, бросавшегося из стороны в сторону, и гнавшейся за ним лисы, поднялись на холм и сразу же почувствовали про-хладный ветер. Постояли немного, не двигаясь. Ветер этот был точно влажное полотенце на пылающий лоб больного. Всадников совершенно изморила жара, и они сейчас об-радовались хотя бы тому, что прохлады осушит мокрые от пота лица, да и дышать стало полегче.

Иногда на пути им встречались такие крутые подъемы, что лошади противились идти. Тогда верховые пускали их в обезд по низинам и неизменно плутали, а потом долго

искали нужное направление. Вскоре им пришлось откататься от этих низин — так они и до ночи не доберутся до Котантала. Перед каждым холмом спешили и вели лошадей наверх в поводу.

Лишь после полудня они дали отдых себе и лошадям. Достали из коржунов курт, иримшик, вытащили бурдюки с шалапом и, пристроившись у подножия высоченного бархана, сели перекусить.

— Агá, можно тебя спросить? — сказал Киикбай, разжевывая затвердевший солоноватый кусочек курта.

— Спрашивай, — откликнулся здоровяк, тоже двигая крепкими челюстями.

— Правда, что вы с Кулбатыром друзьями были?

Баймагамбет уставился на спутника единственным глазом: чего надо этому парню? Но жевать не перестал.

— Кто тебе сказал?

— Люди говорят.

Баймагамбет отпил из бурдюка большой глоток шалапа, отер тыльной стороной здоровенной ладони губы, ответил неопределенно:

— Если говорят — значит, что-то знают.

Киикбай тоже попил, завязал горловину своего бурдюка, положил его в коржун.

— Почему он зуб заимел на людей нашего аула?

— Чего ему зуб иметь? Враждует просто, — опять не очень понятно сказал Баймагамбет.

— Просто так, не из-за чего?

— Просто, не просто! — засопел Баймагамбет. — Классовый враг он — вот почему!

— Какому классу он враг?

— Беднякам он враг — кому же еще?

— Как же так? Ведь он и сам бедняк!

— Что поделаешь? Оба мы самые настоящие бедняки.

Оба пасли коней у бая Жансары. Тогда и были друзьями. Да такими, что мечом не разрубишь. Потом, уж не знаю почему, он привязался к тем пустобрехам, которые хотели установить власть Алаш-Орды. Так и перешел на сторону баев. Они его, конечно, приласкали — сотником сделали. А я стал большевиком. Мне многих алашордынцев приходилось видеть из тех, что вовремя сложили оружие. А этот не унимался. Да и сейчас не унимается. Какая-то

затаенная злоба живет в нем, вот и продолжает лить кровь...

Для Киикбая, по существу еще мальчишки, кое-что начало проясняться. Ведь когда здесь хозяйничали алашордынцы, он был еще почти ребенком. И все же многое из того, что услышал он два дня назад, переходя от одной кучки людей к другой возле юрты убитого Алдабергена, осталось для него тайной.

— Скажи, а правда, что Ураз убил отца Кулбатыра? — напрямую спросил он. Это, казалось, мучило Киикбая больше всего.

— Эх, браток, — вздохнул Баймагамбет, — долгий это разговор, в двух словах ничего не объяснишь... Чего только не было тогда! Все перемешалось: кто прав, кто виноват... Но сказать по правде, Ураз был слишком скор на расправу. И вот как тут судить? С одной стороны, преданнейший нашему делу человек, голову в любой момент готов был сложить за наше счастье, не раз себя под пули подставлял, всю гражданскую прошел от начала до конца; с другой... любил наганом и ко времени и не ко времени размахивать — чего скрывать!

Баймагамбет вроде бы ничего не сказал прямо, но Киикбай понял: да, Ураз был повинен в смерти отца Кулбатыра.

— В ауле говорят, что Кулбатыр и на Шанау имеет зуб, это правда? — спросил он опять.

— Э-э, да кто зуба не имеет на Шанау! Собаки и те имеют на него зуб. Он ведь куда попало сует свой глупый нос, порядок ему, понимаешь ли, надо навести везде и всюду. Кричит, шумит, настроение всем портит!

Лицо Баймагамбета было сначала неприязненным — видимо, не мог забыть утренней стычки с Шанау. Но, по натуре добрый, он быстро отошел, даже заулыбался:

— А в общем-то, у каждого человека свой характер — у этого дураковатый. Но он ведь беззлобный, Шанау. Сперва наговорит, накричит, руками размахается, а через минуту уже забыл все. Правда, и за ним водится: если упрется в чем-нибудь, с места не своротишь. Но только если по делу. Это, я считаю, хорошая в нем черта!

Тут он, видимо, вспомнил, что толком не ответил на вопрос Киикбая. Глянул на парня виновато.

— Тогда, в первый раз, когда Кулбатыр покидал наши края, — сказал он, облизывая быстро сохнувшие губы, — не кто-нибудь, а именно Шанау преследовал его по пятам. Он тогда был членом Каратюбинского ревкома. И возглавлял отряд. Кулбатыр много дней водил их за собой, а потом точно по небу улетел. Так и не смогли его настичь... И знаешь, на земле люди всякие. Нашлись такие, кто обвинил Шанау, будто он просто не хотел ловить бандита и сам дал ему уйти. Потягали тогда Шанау, здорово потягали — едва оправдался. Может, только и спасло, что он батраком был. Так что сам понимай, за что мстит ему Кулбатыр... За ту погоню, наверно...

Баймагамбет достал кисет с насваем¹, заложил щепотку за губу. И внезапно спохватился:

— Э, паренек, засиделись мы с тобой. Как бы нам в потемках не пришлось ту рошу искать.

Они уходили в глубину пустыни. И чем больше удалялись от края ее, тем меньше и меньше становилось следов. Иногда вдруг попадется волчий или заячий, но потом и эти исчезли — лишь гладкий спрессованный песок, и больше ничего.

К вечеру они увидели темнеющую вдаль рошу. Поднялись на самый высокий бархан, оглядели округу — никого! И сразу же поняли, что пришли первыми. Подъехали к роше почти вплотную, разнуздали коней, а сами сели в ожидании остальных.

Они так и не наткнулись на следы Кулбатыра. Но что у других? Может, хоть им повезло? Возможно, и в схватку вступили. Все могло случиться. Разве нельзя допустить, что кто-то опять нарвался на засаду, устроенную бандитом? Что ни говори, а слишком на большое расстояние разошлись они друг от друга. Тут ни крика, ни выстрела не услышишь.

Эти мысли кружились в головах обоих, хотя ни Киикбай, ни Баймагамбет не заговорили об этом, даже делали вид, что ни о чем таком и не думают. Баймагамбет неожиданно вспомнил, что у пут его коня сломался стопор, достал из кармана нож, пошел к недалекому кусту можжевельника, срезал ветку потолще и, вернувшись к Киик-

¹ Н а с в а й — мелко растертый табак с золой.

баю, сел мастерить новый. Киикбай же, уперев приклад в песок и опершись на ствол дробовика обеими руками, сидел неподвижно, пристально вглядываясь в даль, откуда должны были появиться товарищи.

— А ведь я твоего покойного отца хорошо знал,— заговорил Баймагамбет, состругивая с вырезанной палки кору.— Давно это было. Ездили как-то вместе к дальним соседям выкуп требовать за угнанную породистую кобылицу. Отца-то помнишь? — неожиданно спросил Баймагамбет, и Киикбай кивнул: а как же! — Все-таки мал ты был. А Койбагар такой человек — хоть легенды о нем слагай. Сильный, прямо батыр, а взгляд... Если вдруг в гневе посмотрит — душа в пятки уходила. А как говорить умел — заслушаешься... Ну, в общем, приехали мы туда, встретили нас, как понимаешь, не с распростертыми объяснениями. Спорили до крика. Отец твой помалкивал. А потом сказал свое слово... Короче, сдались они, эти угонщики. И вернулись мы домой, ведя вместо одной сразу четырех кобылиц.

Осиротевший Киикбай воспитывался в семье деда. Он много слышал об отце всяких историй, но про эту — впервые. Надеялся, что Баймагамбет сейчас расскажет еще что-то, но тот заговорил совсем о другом:

— Учиться тебе надо, браток. Мы остались неграмотными. А теперь голова до того всяким хламом забита, что никакое ученье впрок не пойдет. А тебе — самое время. Советская власть сама предлагает — учиться. С грамотой человеку жить...

— Я и сам думал, ага,— с готовностью откликнулся Киикбай.— Мы с Куспаном уже договорились. На следующий год обязательно поедем в Уральск.

— Правильно сделаете.

Солнце клонилось к закату, прямо на глазах увеличиваясь в размерах, пока не превратилось в яростно сияющий огромный диск. На его фоне четко прочертились линии барханов на горизонте. Повеяло прохладой. А солнце опускалось все ниже и ниже, пока не исчезло совсем, оставив на небе яркие красные сполохи, будто кто-то забыл прикрыть горловину печки, из которой вырывалось пламя.

В это время и появились всадники. Едущего впереди остроглазый Киикбай распознал сразу. Это был Шанау на

своей сивой кобылке. Парень вскочил на ноги и начал призывно махать рукой с зажатой в ней шапкой. Всадники приближались. Чуть приотстав от Шанау, на сером в яблоках жеребце гарцевал Салык, группа которого, как стало известно чуть позже, совсем недавно присоединилась к Шанау и Куспану.

В этот день никому не удалось обнаружить следов исчезнувшего Кулбатыра.

Парни достали лопату, подаренную гостеприимным хозяином в Курайлысае, и принялись копать колодец на дне глубокой лощины.

Это лишь кажется, что пустыня безводна. Вода есть везде. Иногда, правда, залегает довольно глубоко, но знающий человек непременно отыщет место, где ее можно обнаружить на глубине нескольких десятков сантиметров.

Старшие сидели в стороне, строили догадки, куда мог подеваться Кулбатыр, но ничего путного придумать не могли. Спорили Шанау и Баймагамбет, Салык же вообще не принимал участия в разговоре. Достал из кармана гимнастерки сложенную в несколько раз газету, оторвал клочок, свернул толстую самокрутку и закурил. Нетрудно догадаться, о чем он думал: думы у всех были одинаковыми. Вот уже три дня все в отряде строят догадки, выдвигают предположения, а результатов нет. О чем еще говорить? Салык молчал, потому что пока не мог понять, где искать следы бандита. А может, и тогда они шли не по его следу — следы ведь не меченые.

Вода обнаружилась на полуметровой глубине. И вскоре в вырытой парнями яме ее набралось довольно много. Напоили коней, сами напились вдоволь и поужинали. Молодежь, забыв об усталости, забавлялась. Наскакивали друг на друга, валились наземь и боролись, пытаясь оказаться сверху противника. Старшие расположились возле небольшого костерка, давали отдых усталым телам.

Шанау не мог долго молчать, а потому, немного потомившись, оглядел всех и начал рассказ:

— В прошлый раз, когда мы гонялись за Кулбатыром... Но Баймагамбет не дал ему разойтись:

— Помолчал бы лучше. Тоже мне — герой! Гонялся он. И кого же ты догнал? Ветер в степи?

К костру подошли парни. Сели. Все знали, что Шанау

не упустит случая поддеть Баймагамбета: он никогда не прощал, если его задевали за живое.

— Что ж, Баймагамбет,— сказал он с нарочитым смирением, хотя широкое лицо его с приплюснутым носом в каждой морщинке затаило плутовство.— Я и вправду не догнал тогда Кулбатыра, и рассказывать мне не о чем. Лучше ты расскажи о чем-нибудь. Ну, например, как ты на скачках вышел победителем...— И, уже не в силах сдержаться, захохотал, широко раскрыв рот и колыхая своим брюшком.

Молодые насторожились: за намеком Шанау явно крылась какая-то веселая история, и они ждали перепалки, которая должна была возникнуть. Но Баймагамбет, видимо, не собирался отвечать Шанау, даже не посмотрел в его сторону, будто и не слышал ничего. Спокойно достал из кармана свою чакчу¹ с насваем, заложил щепотку за нижнюю губу.

— Что, не хочешь рассказывать? — не унимался Шанау.— Тогда я сам расскажу.— Полулежа, опершись на локоть, он хитровато подмигнул глядевшим во все глаза на него парням.— В прошлом году, перед тем как объединиться в артели, мы, покойный Алдаберген, вот этот самый Баймагамбет, твой отец Сарыишан,— кивнул он в сторону Куспана,— я и еще два джигита, возвращались из Каратюбе. Возвращались мы, значит, и тут кто-то шепчет мне на ухо: «Давай разыграем Баймагамбета!» — «Давай»,— отвечаю. Ехать-то ведь долго, скучно. Я и предложил: «Что, мужики, у кого самый быстроногий конь? Может, проверим?» Всем, конечно, надоело однообразие — почему не развлечься? А наш Баймагамбет раззадорился пуще всех. Возьми и ляпни: «Что же, проверим! Я на своего коня надеюсь!..» Ну и поскакали... Спустя немного я подмигнул остальным: мол, придержите коней. Те, конечно, поняли всё и стали помаленьку отставать. А Баймагамбет нахлестывает своего и нахлестывает! Сарыишан подзадоривает его: «Давай, Баймагамбет, нажимай, Баймагамбет!» А тот и рад стараться. Я скакал некоторое время чуть позади него, потом специально отстал. А Баймагамбет в момент перевалил пригорок и скрылся из глаз. Ну, мы хохотали тогда!

¹ Ч а к ч а — сосуд из выделанного рога.

— Мастак же ты врать, дорогой,— усмехнувшись, бросил Баймагамбет.— Ты сам старался во что бы то ни стало обогнать меня...

— Это я-то? Смотрите, до сих пор поверить не может, что лишь ради смеха затеяли мы эти скачки,— ткнул в Баймагамбета коротким толстым пальцем Шанау.— Я уже отстал от него, а он продолжает наяривать — с коня ошметьями мыло летит! У него и у самого единственный глаз, наверно, потом залило — не видел ничего вокруг, на слух ориентировался. Но где там! Топот копыт, скрип седла, ветер в ушах — ему и казалось, что за ним всю гонятся. Только за пригорком и остановился: совсем коня запалил. Обернулся, а позади — ни души. После этого так возгордился Баймагамбет, что не переставал рассказывать всем встречным и поперечным, какой под ним скакун ходит. Однажды на поминках вот такое понес: «Скачу во весь опор, оглянуться некогда — так во вкус вошел! Сначала вроде кто-то настигал меня, но где им всем — отстали безнадежно! Тут мне коня стало жалко, я и остановился. Отличный конь, цены ему нету!..» Эх, Баймагамбет, Баймагамбет, вся степь знает, что мы с тобой шутку сыграли, а ты все поверить не можешь! У тебя же не конь, а самая настоящая кляча, на нем только с овцами соревноваться! — засмеялся Шанау.

Остальные заулыбались.

— Трепач ты нечестивый! — беззлобно сказал Баймагамбет.— Наврет с три мешка и радуется.— И добродушно хохотнул, глядя на веселые лица остальных.

Из-за бархана выползла луна, и молочный свет ее залил округу. Все начали готовиться ко сну. Часовыми в эту ночь были Сагынгали и Абдулла.

8

И снова встала заря. И снова отряд двинулся в путь. Сегодня они во что бы то ни стало решили добраться до сосновых рощ. Как и вчера, разбились на группы все в тех же составах, но на этот раз Салык не разрешил разъезжаться слишком далеко — не больше двух-трех километров.

Кони вчера устали довольно сильно. Понятно: все время

в песках. За ночь отдохнуть как следует не успели, а потому теперь лениво перебирали ногами и прибавляли шаг лишь тогда, когда верховые подбадривали их пятками или слегка подстегивали камчой. Но действовало это все равно недолго.

Наконец-то кончились однообразные голые пески. Та часть пустыни, по которой двигались теперь Баймагамбет и Киикбай, оказалась самой богатой на растительность. То там, то тут встречались заросли тальника, растущего обычно по берегам, а это значило: вода неглубоко под землей. Тальник смело тянулся из низин к солнцу, видимо презирая нависшие над ним грозные барханы. Некоторые заросли были настолько густы и высоки, что конный там скроется бесследно.

Дорога Баймагамбета и Киикбая лежала между отдельными островками тальника, не успевшими слиться воедино, потом пошла на подъем, и вскоре они заметили группу Шанау. Шанау и Куспан взобрались на вершину бархана и из-под ладоней оглядывали местность. Наверное, старались уточнить направление.

Вскоре они скрылись из виду, и Баймагамбет с напарником опять остались одни в бесконечном пространстве.

Тальники кончились. Растительность опять оскудела, а потом и вообще почти пропала. Все стало как вчера: барханы, лощины между ними, опять барханы и опять лощины. Песок, песок, песок.

Они спускались со склона бархана в одну из таких лощин, когда ехавший впереди Баймагамбет неожиданно вскрикнул. Киикбай вздрогнул от этого крика, подсознательно поддал в бока коню и поскакал к товарищу.

— Смотри туда, — показал Баймагамбет на куст таволги, торчащий из песка.

Заметив белеющие под ним кости, Киикбай не сразу сообразил, что так взволновало Баймагамбета. Таких костей, опаленных солнцем и вымытых дождем добела, они на своем пути встречали множество. Чему тут было удивляться? И только приглядевшись, парень с содроганием понял, что перед ним останки человека. Прямо на него, уставившись большими пустыми глазницами, взирал и щерился зубастыми челюстями череп.

Верховые спешили и, ведя коней в поводу, подошли

поближе. Тут оказались останки не одного, а двух человек. Второй череп, почти засыпанный песком, показывал солнцу лишь лоб да темя. А рядом в беспорядке валялись ребра, позвонки, торчала из песка шишка берцовой кости.

Киикбай и Баймагамбет долго не могли сдвинуться с места. Кто были эти люди, навечно оставшиеся здесь? Влюбленные, решившие наперекор судьбе и людям отвоювать свое счастье и нашедшие смерть от рук преследователей? Разбойники, сводившие между собой счеты при дележе добычи и павшие под ударами кинжалов? А может, раненные бойцы, заползшие сюда, скрываясь от врага? Кто теперь об этом расскажет...

Баймагамбет и Киикбай собрали кости в одно место, и вскоре над ними вырос невысокий песчаный холм. Уже отойдя в сторону, Киикбай невольно оглянулся и увидел, что Баймагамбет опустился над свежей могилой на колени и читает молитву. Это вызвало насмешливую улыбку парня. Большевик, а никак не может избавиться от старых привычек! Но улыбка мелькнула и растаяла. На душе стало смутно от набегавших мыслей. Горько умереть в неизвестности посреди бесконечной пустыни. А если их ждет та же участь?

Баймагамбет все еще шевелил губами, потом провел по лицу раскрытыми ладонями, как бы омывая его, поднялся с колен и сунул ногу в стремя. Сидя на коне, достал, вздыхая, из чакчи щепотку насвая, заложил за губу и только после этого, кажется, немного успокоился.

Они почти не говорили друг с другом. Так, иногда перебрасывались короткими, ничего не значащими фразами. Мысли обоих были еще там, у оставленной могилы, которую скоро наверняка скроет песок, и, может, лишь много лет спустя оголит кости неумолчный шатун ветер.

Так они проехали еще верст десять, когда с вершины очередного бархана заметили вдалеке, еле видные отсюда, чернеющие сосняки. До них было не менее верст семи, просто марево, струившееся в воздухе, как бы приближало лес. Пора было дать коням хоть небольшой отдых.

Дул совсем несильный ветерок, но он не нес с собой прохлады. Во рту по-прежнему было сухо от раскаленного воздуха. По выцветшему от жары небу плыли вереницы

больших пушистых облаков. На какое-то время они заслоняли собою солнце, и тогда путникам становилось немного легче. Они лежали в тени кустов, закинув за головы руки, и смотрели на эти облака.

Спать не хотелось. Шли четвертые сутки, как они гнались за невидимым врагом. Но гнались ли? Может быть, двигались совсем не туда, куда нужно? Надежды и разочарования чередовались, не давали успокоиться ни на минуту. Одолевала жажда встречи с противником, желание броситься в схватку с ним. Но встреча эта не наступала, и неизвестность, что ждала впереди, постоянно томила душу.

Удручающе действовала и последняя находка — останки неизвестных людей, погибших в этих песках. Было почему-то горько оттого, что они, Баймагамбет и Киикбай, никогда не узнают, кого похоронили, кому сказали последнее прощанье. Да и никто этого никогда не узнает.

Как странно устроен мир! Иногда человеку, который, в общем, не заслужил ничего, кроме благодарности за то, что произвел на свет потомков, ставят мазар¹ в степи, а люди, героически прожившие жизнь, могут исчезнуть вот так, будто у них никогда не было ни имени, ни родины. Нет-нет, о таких слагают легенды. Пусть неизвестны их могилы, но людская память оставляет их живыми.

Плыли и плыли по небу большие пушистые облака, и казалось, вместе с ними плывет неумолимое время.

Баймагамбет смотрел на эти облака и почему-то думал о сосняках, которые недавно увидели с высоты бархана. Впрочем, в мыслях его была своя логика. В прошлый раз, когда Кулбатыру удалось сбить преследователей со следа, запутать их, говорят, он и скрывался в этих небольших лесках. Но тогда он был один. Все, кто уходил с ним, погибли в коротких стычках. Одному-то легче скрыться. А женщина в дороге, да еще в такой дороге, — большая обуза. На что же он надеется? Ведь надеется он на что-то! Какую же уловку он теперь придумал? Сосняки, кажется, единственное его прибежище. Но может, он заранее приготовил такое укромное местечко, о котором самому дьяволу не догадаться? Сосняки, конечно, леса. Но каждый

¹ М а з а р — у мусульман культовое сооружение над гробницей.

отдельный колок¹ не больше километра в длину, а в ширину и того меньше — тщательно прочесать их не составляет никакого труда. Разве надежно укроешься там? Но может, он вовсе и не пошел в пустыню, а двинулся степью от аула к аулу, где сохранились родственники или знакомые, которые могут надежно укрыть? И тогда отряд напрасно обшаривает пески в поисках его следов. Напрасно бойцы жарятся на солнце и глотают соленый пот. Если он здесь, неужели не обнаружил бы себя? Быть того не может! Значит, надо искать где-то в другом месте.

Жара совершенно добивала Киикбая, и думал он сейчас только о воде. Говорят, где-то неподалеку отсюда протекает Кызылшан. Да и Загадочное озеро, наверно, совсем рядом. Эх, искупаться бы сейчас! Нырять, плавать, плескаться вволю, а когда силы иссякнут, лечь на спину, раскинуть руки и лежать так долго-долго, ощущая лишь покачивание прохладных волн. Не выходить на берег до тех пор, пока холод не проберет до костей, пока зуб перестанет попадать на зуб. Вот это жизнь!.. Ничего, изловят Кулбатыра, вернутся в Косагач, он каждый день будет бегать на Калдыгайты купаться. А что, в самом деле? Всего шесть километров. Разве это — расстояние для молодого джигита? И наверняка он теперь каждый раз будет бросаться в воду, доныривая до самого дна, и оставаться там до тех пор, пока не иссякнет дыхание...

Потом его мысли вернулись к Кулбатыру. А вдруг бандит сам придет сдаваться? Такое может случиться! И Киикбай стал даже придумывать слова, которые произнесет бывший алашордынец. «Ошибался, — скажет, — заблуждался, поддался байской агитации и боролся, сам не понимая, за что. Быть мне бабой, если еще раз возьму в руки оружие. Вот бросаю его к вашим ногам, что хотите, то со мной и делайте!»

Киикбая даже растрогала эта сцена, и стало жаль Кулбатыра, когда он представил, как бандит опустится на колени и склонит голову. А что — ведь он тоже человек. Сейчас ему, наверно, не легко приходится. Он же знает: его ищут, а убежать, прятаться — что может быть страшнее и противнее этого?

¹ К о л о к — небольшой лесок в поле, в степи.

И в тот момент, когда он мысленно уже прощал Кулбатыра, окончательно разжалобившись его скорбной судьбой, перед его глазами внезапно возникли поверженные тела Ураза и Алдабергана, и Киикбай спросил себя: «А они? Они простили бы Кулбатыра? А те, кто рыдал над ними и над многими другими, кого вот так же лишил жизни этот негодяй, — где им набраться такого милосердия, чтобы забыть все? Нет, Кулбатыру не место на этой земле, потому что он уже перестал быть человеком».

— Давай-ка трогаться, братишка, — донесся до него голос Баймагамбета.

Они отъехали совсем недалеко, когда увидели скачущего им наперерез по балке Куспана. Конь его был в мыле. Левой рукой он придерживал саблю, видимо нещадно колотившую его по ногам.

— Сю-да! — вопил он охрипшим голосом. — Сю-юда! Нашли место, где они ночевали.

Все трое развернули коней и помчались туда, откуда только что прискакал Куспан. По пути он рассказал, как удалось найти стоянку Кулбатыра.

В полдень они с Шанау устроили привал. Совсем короткий. И тут же двинулись дальше. По пути они чуть разминувшись. Вот тут-то Куспан и обнаружил след. Он подозвал Шанау, и тот убежденно заявил: это они! Двинулись по следу дальше и в одной из лощин обнаружили место ночевки.

— Откуда шли следы и куда? — уточняя, спросил Баймагамбет.

— Оттуда вон туда, — концом камчи описал в воздухе дугу Куспан.

Стало понятно, что Кулбатыр направлялся совсем не в сторону сосняков. Но как знать, что у него в голове? Он и в прошлый раз петлял, как заяц, пока окончательно не запутал погоню.

Когда они приблизились к ложине, где было место ночлега бандитов, отряд уже собрался. Салыка с его милиционерами привел Шанау. Все с интересом разглядывали многочисленные следы. Не было никакого сомнения, что тут побывало несколько человек — весь песок был истоптан.

Лощину со всех сторон окружали довольно высокие

барханы, она поросла густым караганником. Там, где кусты, чуть отступив, образовали небольшую полянку, легко угадывались остатки костра, тут же валялись обглоданные бараньи кости. Все было засыпано песком, но довольно небрежно. То ли бандит торопился, то ли посчитал, что и этого хватит: в густых зарослях и так ничего не обнаружат. На дальнем конце лощины преследователи нашли и колодец. Он тоже был наскоро завален песком.

На выходе из лощины следов оказалось меньше. Теперь уже нетрудно было определить: в банде четверо.

— Что ж, час испытания настал,— задумчиво сказал Салык.— Несомненно, это бандиты.

— Я тоже уверен! — поддержал его Шанау.— Третий понятен кто — Раис! А вот кто четвертый, хотелось бы знать?

Когда на окраине Аккумов отряд обнаружил следы лишь двух всадников, стало ясно, что Кулбатыр уходит вместе с женой. Появление же сейчас новых следов озадачивало.

— Наверно, Шанау прав,— поддержал председателя аулсовета Баймагамбет.— Двое нам известны. Третий наверняка Раис, который взялся сопровождать зятя и сестру, четвертый — пока ничего невозможно предположить. Но понятно: встретились они где-то в условленном месте.

Положение усложнялось. Сражаться против одного, хотя бы и умелого Кулбатыра, было все-таки не так опасно, но подставлять отряд под дула сразу трех винтовок, да еще если они направлены из засады,— дело очень рискованное. Могут положить всех. А потому Салык распорядился, чтобы в авангарде шли Киикбай и Баймагамбет. В случае нападения отряд тут же подоспеет к ним на помощь.

Держа оружие на изготовку, Киикбай и Баймагамбет двинулись мелкой рысью вперед. Хотелось двигаться быстрее, но пошли опять заросли и трава, и след можно было легко потерять. Выручали песчаные проплешины, где следы проступали явственно. Иногда один из следов отрывался и, подобно волосяному аркану, тянулся на вершину какого-нибудь бархана. Наверняка это Кулбатыр уточнял направление, а может, просто оглядывал округу, чтоб ненадолго не нарваться на преследователей.

По следам легко было определить: бандиты уходили не

очень спешно. Может, Кулбатыр надеялся, что пока погоня наткнется на его следы, ей изрядно придется помыкаться по пустыне, а значит, выдохнутся и лошади, и люди. А может, он жалел Аккагаз, которой, конечно же, в седле трудно: все-таки женщина, не очень-то привыкла к коню.

Следы постепенно уводили на юг, и стало ясно, что Кулбатыр избрал свою излюбленную тактику — снова начал петлять.

Приближалась ночь, а отряд не только не достиг беглецов, но никто даже предположить не мог, где они теперь могут находиться. Оставалось одно: готовить себе ночлег. Выбрали место поудобнее и расположились своим небольшим лагерем.

Продукты кончались. Сегодня вечером Салык намеревался достичь речки Кызылшан и послать оттуда гонца к находившимся неподалеку чабанам. Но теперь река осталась далеко за спиной, о встрече с чабанами и помыслить было невозможно. А потому он посоветовал собрать оставшиеся припасы в один мешочек и сложить в коржун Баймагамбета. Теперь нужно строго экономить: мало ли еще куда уведет их Кулбатыр, могут оказаться так далеко от жилья, что ни о какой помощи продуктами и мечтать не придется.

Скудно перекусив, преследователи прилегли. Тела ныли от усталости. Лишь один Шанау не мог не поговорить.

— Вот и в прошлый раз Кулбатыр так же мотал нас по лощинам и оврагам. Покидал пески, возвращался, пока не наделал столько следов, что уже невозможно было разобрать, какие свежие, а какие давние. Так и удалось улигнуть. Видно, и теперь он собирается проделать тот же трюк.

Баймагамбет, заложивший за губу насвай, и Салык, дымивший самокруткой, промолчали. В разговор неожиданно вступили молодые, да так рьяно, что успевай только выслушивать.

— След нашелся, теперь торопиться надо. Появится луна — ночью его преследовать.

— От луны проку мало. Видал, какое небо облачное? В два счета заблудимся.

— Как бы там ни было, а упустить его и на этот раз мы просто права не имеем. И так без толку промотались столько дней!

Салык с усмешкой оглядел разгоряченных парней, сказал рассудительно:

— За кем бы другим гнаться — тогда и ночь не помеха. Но не забывайте, кто перед нами. Прوماху он не знает. И терять ему нечего. Если он вдруг обнаружит, что мы и ночью идем, сумеет устроить такую засаду, что ни один живым не уйдет. А ночью засаду не обнаружишь, если и днем-то ее обнаружить трудно.

Теперь заговорили наперебой. И Баймагамбет, и Шанау, и милиционеры, и юнцы.

— Просто пораньше вставать надо и преследовать, пока светло.

— Этому негодяю ничего не стоит напасть на нас прямо сейчас.

— Да, такое бывало. В прошлый раз, когда удирал от погони, столько народу перебил — не сосчитаешь. Трех беспечных агитаторов, подкравшись, ночью прямо в юрте прирезал. Никто и не пикнул. Правда, за точность этого не ручаюсь, но так говорят.

— Да, так оно и было, — вмешался Шанау. — Это были председатель Косагачского аулсовета Айдынгали и двое большевиков-агитаторов с ним. Прекрасные парни были, да вот оплошали. Как раз после Айдынгали меня и избрали председателем.

— Его бы самого прирезать!

— Мне одно не дает покоя, — задумчиво сказал Баймагамбет. — Кто же с ним четвертый? Если с Кулбатыром пришел, значит, тоже бандит отпетый. Но может, кто-то из местных присоединился? Кто?

— Вряд ли кто-то из местных поддержит его.

— Действительно, трудно предположить, чтобы кто-то из наших рискнул. Вернее всего, с собою кого-то привел Кулбатыр.

— Говорят, у него кровных родственников из мужчин никого не осталось. Отец убит, младший брат — в тюрьме. Лишь Раис может стать ему подручным, а кто четвертый?

— Интересно, где он столько лет пропадал? Может, за кордон уходил?

— Да нет. Одни говорят, у туркмен, другие — в Бухаре. А про то, что за кордон тогда ушел,— никто.

Проговорили до полуночи, пока не сморил сон.

Ночь выдалась беспокойная. Незадолго до рассвета выпала роса, и все продрогли. И лишь только забрезжил свет, двинулись в путь.

На этот раз в авангарде шли Шанау и Абдулла. Остальные, как вчера, держались в отдалении.

Погода стояла пасмурная. По небу ползли тяжелые, серые облака, и солнце редко-редко появлялось в пролетах.

Шагом и рысью продвигались вперед, проходили одну гряду барханов за другой, но конца следам пока видно не было.

Люди могли бы продолжать преследование, но лошади требовали отдыха. К полудню пришлось сделать небольшой привал.

Баймагамбет открыл коржун, выдал понемногу еды. Правда, оттого, что съели по кусочку курта да сжевали по пригоршне жареного проса, в желудках сытнее не стало, но никто не роптал — приходилось довольствоваться малым.

В момент покончив с едой, Киикбай отошел чуть в сторону и улегся немного подремать. Вскоре к нему присоединился Куспан. Он вытащил из ножен свою саблю, тщательно осмотрел лезвие и, что-то обнаружив на нем, принялся натирать песком.

— Чего ты возишься с этой саблей? Ложись-ка лучше, поспи маленько,— проворчал Киикбай.

— А мне не спится,— откликнулся Куспан.

Но только Киикбай опять стал задремывать, как над ухом раздался заговорщицкий голос Куспана:

— Слушай, Киикбай, если окажется, что Раис и правда вместе с Кулбатыром, примем мы его потом в комсомол или нет?

— А разве он собирался в комсомол?

— Да однажды при встрече говорил мне: ты вступил, и мне надо.

— Черта с два! — ругнулся Киикбай и отвернулся от друга.

Сагынгали, услышав их разговор, тоже подал голос:

— У нас в милиции про вашего Раиса не очень-то хорошо рассказывают. Упорно ходят слухи, что он лошадей ворует, а потом продает в Кокжаре.

— Что-то непохоже. У нас бы давно уже знали,— с сомнением покачал головой Куспан, но щеки его зарделись румянцем, будто это его уличили в воровстве.

— Не хочу утверждать,— откликнулся Сагынгали,— мы еще не убедились, но слишком многие люди говорят, а дыма без огня, как известно, не бывает...

Куспан промолчал, да и что тут скажешь!

А между тем небо над головой все больше и больше темнело. Еще недавно просто серые облака превратились в чернобрюхие тучи. Они ползли так низко, что казалось, задевали вершины барханов, а если смотреть вдаль, то уже невозможно было отличить неба от земли — сплошной мрак.

Отряд опять сел на коней: надо было торопиться — как бы не нагрянула гроза. Часа через два преследователи наткнулись на другой след. Он пересекал тот, по которому они шли: два всадника удалялись куда-то на север. Некоторое время стояли в раздумье, пока Баймагамбет внезапно не догадался:

— Да это же наш собственный след! Позавчера с Киикбаем мы проходили именно здесь!

— Тем хуже для нас,— хмуро сказал Салык.— Если у Кулбатыра и были какие-то сомнения, то теперь он наверняка поймет, что за ним идут. Видите, они останавливались, рассматривали следы, вертелись тут.

Через некоторое время преследователи обнаружили второе место ночлега беглецов. Все было как вчера: многочисленные следы, остатки костра, свежевыкопанный колодец, обглоданные кости. Но по всем приметам чувствовалось, что теперь бандиты спешили. Даже колодец закапывать не стали и в кустах забыли свиток аркана. Тут они ночевали, видимо, в прошлую ночь, но обнаруженное преследование заставило их поторапливаться. Если до этого беглецы ехали в основном шагом, лишь изредка пуская коней в рысь, то теперь уходили довольно быстро.

Из-за приближавшегося дождя вечер наступил раньше обычного. Правда, пока еще и не капало, но так стемнело, что продолжать погоню было бессмысленно, и отряд стал устраиваться на ночлег. Баймагамбет вынул из коржуна совсем отощавший мешок, оделил всех несколькими кусочками курта — на этом запасы исчерпались.

Ночь выдалась холодная. Да и днем особенной жары не было. А потом упал такой знобящий холод, что пробирал до самых костей. Поднялись голодными и неотдохнувшими.

Ветер гнал по небу черные, низкие тучи — до самого горизонта ни единого просвета, и было такое впечатление, что день никогда не наступит: по всей пустыне разливался туманный сумеречный свет. Лица преследователей были мрачными — под стать небу. Салык поглядывал на своих подчиненных, покусывая свесившиеся на губы кончики усов.

— Джигиты, — заговорил он, — я знаю, что вам трудно. Трудно и мне. Но человек потому и человек, что умеет пересиливать себя. Помню, в гражданскую мы как-то трое суток пробивались к своим. Ни одного сухаря не осталось. И все-таки выжили. Все выжили. И дело сделали... Может быть, уже сегодня мы встретимся с бандитами. Так что выше головы! Мы знали, что идем на трудное и опасное дело, и те лишения, которые выпадают на нашу долю, — это еще не самое страшное!

Конечно, Салык понимал, что его слов для настоящего воодушевления мало, но ведь и эти люди не из байских баловней. Наверняка каждому из них не раз приходилось терпеть и голод, и холод, и другие невзгоды. И ему нравилось, что никто не высказывал жалоб, не выдавливал из себя вздохов, не показывал раздражения.

Он сам поехал в авангарде вместе с Сагынгали. Кони отдохнули лучше, чем люди, и шли хорошей рысью, но верховые все равно поторапливали их.

Каждый раз, встречая более или менее высокий бархан, Салык направлял своенравного скакуна на вершину, надеясь обнаружить где-нибудь вдалеке беглецов. Но оставались за спиной километр за километром, а окрестности были такими же пустыми, как и прежде.

Кулбатыр наверняка понял — погоня за ним серьез-

ная,— а потому без нужды не будет нигде задерживаться. Это ясно как день. Беспокоило Салыка другое: не приведи бог, если поднимется сильный ветер или полетит дождь — засыплет следы, размочит их, тогда попробуй поим! Все придется начинать сначала, а Кулбатыр может уйти так далеко, что его уже не достанешь.

«Только бы не разгулялась злая погода, только бы опять засветило солнце!» — чуть ли не молился Салык. В этих краях нередко бывает: небо погрозит-погрозит дождем и бурей и утихомирится.

Однако на этот раз надежды его не оправдались.

10

Из-за сплошняком затянутого неба ночь падала стремительно, и вместе с ней, будто кто скомандовал, начал дуть с каждой минутой набирающий силу ветер. Начинаясь песчаная буря. Мелкие песчинки, еще недавно так плотно покоившиеся в барханах, внезапно поднялись в воздух, секли лица и руки, скрипели на зубах, перебивали дыхание. А еще через какое-то время на землю упали первые капли дождя.

Надо было торопиться, и бойцы Салыка принялись сооружать нечто вроде шалаша. Сгибали вершинами друг к другу высокие кусты ивняка, связывали их и накидывали сверху попоны.

Убежище получилось тесным, и все-таки, если вплотную прижаться друг к другу, можно было уместиться всем семерым. Только-только они успели залезть в свое скромное убежище, как ветер донес запах приближающегося дождя. Вскоре капли, будто для пробы, выбили первый перестук, а потом забарабанили с такой силой, что казалось, вот-вот пробьют плотные попоны.

Ярким росчерком расписалась на небе молния. Несколько секунд звенела ливневая тишина, и наконец гром встряхнул землю. И пошло, и пошло!.. Полыхание слепящего огня и удары адовых рокошующих барабанов. Ливень был такой плотный, что совершенно нельзя ничего различить в двух шагах. Кони, привязанные тут же, рядом с входом в шалаш, появлялись только при вспышках молний и снова тонули во мраке. Они прядали ушами и приседали

от страха, старались держаться вплотную друг к другу.

Наскоро сооруженный шалаш продувало со всех сторон. Попоны, накинутые поверху, сдерживали основные потоки, но спереди и сзади сыпало так, что вскоре те, кто находился в этом убогом укрытии, промокли до нитки.

— А ведь верно говорят, что всякое дело лишь тогда делается, когда на то дает дозволение всевышний, — сказал Баймагамбет. — Такая сушь стояла — и на тебе!

— В жизни не видал такого ливня! — поддержал его Куспан.

— Ливни такие бывали в этих местах, и не раз, — ворчливо проговорил Шанау. — Беда в другом: случилось то, чего, наверное, очень хотел Кулбатыр. Какие уже следы после этого? Размочит все к шайтану — ничего не найдешь.

На это возразить было нечего, и все угрюмо промолчали.

Гроза бушевала больше получаса, потом пошла на убыль. Вскоре дождь лишь шелестел над пустыней и наконец прекратился совсем. Небо роняло запоздалые капли.

Бойцы вылезли из укрытия и, не сговариваясь, побрели на вершину ближайшего бархана. Небо было совсем черным, но далеко на западе пробилась полоска угасающего света. Ветер пронизывал до костей, мокрая одежда леденила тела. Но недавнего светопреставления будто и не было: вода впиталась в песок, лишь кое-где остались маленькие лужицы.

Спустя какое-то время снова полил дождь, но теперь без той ярости, лишь далеко-далеко, там, куда ушла гроза, по-прежнему полыхали зарницы да что-то тихо бормотал гром.

11

На востоке сверкали молнии, разрезая небо на множество черных кусков, даже сюда доходил их мертвенный свет.

Беглецы, успевшие уйти за пределы песков, не без радости оглядывались на безудержно буйствующую стихию и подстегивали коней.

До вчерашнего дня Кулбатыра почти ничего не тревожило. Двигались не торопясь, приходило время отдыха —

расседывали коней, выставляли наблюдателя, раздумчиво перекусывали и ложились подремать. Ночи тоже были спокойными. Всадники успевали вдосталь выспаться и дать отдых лошадям, поднимались, завтракали и снова пускались в путь.

План Кулбатыра был прост: попетляв по пескам еще два-три дня, скрыться в густых зарослях Калдыгайты и по ним дойти до песков Тайсойган-Буйрек, и, если бы до этого ничего не произошло, путь в Туркмению был бы открыт.

Но вчера выяснилось, что за ними идет погоня. Теперь Кулбатыр ломал голову, где он мог допустить ошибку, ведь все было учтено в тот вечер, когда Раис принес пугающую новость о том, что за ним снаряжают людей.

Он не сомневался, что его будут преследовать, а потому и не стал рваться туда, куда хотел. Если красные узнают, куда он в самом деле направляется, достанут где угодно, не только в Туркмении, но и вообще на краю света или у черта на рогах.

Нужно было маневрировать, запутать погоню, сбить с толку. Так начались скитания. С Танатом они двинулись сначала к Аккумам, которые лежали в стороне от дороги, избранной Кулбатыром, оставили позади и Карагандыкумы. Он надеялся, что преследователи поверят — он скрывается где-нибудь в аулах, многочисленных на той стороне, начнут обшаривать их (на это уйдет несколько дней), а они тем временем будут уже далеко.

Стараясь не попадаться никому на глаза, они прошли по окраине песков верст десять, снова углубились в пустыню и тут же напрямик поехали в Батпакты, где к ним и присоединились Аккагаз и Раис.

Кулбатыр понимал, что погоня может не поверить в его первый маневр, а потому двинулся в глубь песков и не спеша совершил переход до Сосновых рощ. Здесь можно было еще немного попетлять и уйти на заранее намеченную дорогу.

Начало вроде складывалось удачно. Погоня, если даже она нашла первый след, теперь наверняка потеряла его. Он уже радовался, что все идет как ему хотелось, и вдруг вчера они нарвались на следы двух всадников.

Сначала Кулбатыру не хотелось верить, что это и есть следы тех, кто отправился за ним. В погоню должны были

собрать хоть небольшой, но отряд, а тут — всего двое, вряд ли кто-то решился гнаться за ним таким малым составом. Может, это какие-то случайные путники? Сбивало с толку и другое: почему они шли не по следам, а шарили наобум, где просто не могло быть ни одной приметы его пребывания... Однако вскоре они опять обнаружили следы: поверхность песка была сплошь испещрена ими. Теперь уже сомнений быть не могло. Если те двое всадников и были случайными, то здесь наверняка прошло несколько конных.

Кулбатыр встревожился не на шутку: из-за своей неторопливости он чуть было не угодил преследователям прямо в лапы. Его утешало лишь одно: погоня двигалась на север, он же шел в противоположном направлении — на юг. А это означало: пока они повернут за ним, у него будет немалый запас времени. И все-таки надо было торопиться. Кулбатыр приказал не жалеть коней.

Тревога терзала душу. И вчера вечером Кулбатыр отправил Таната на разведку. Тот далеко обошел оставленные беглецами следы, спрятался за одним из барханов и через несколько часов ожидания обнаружил вдалеке отряд. Когда, догнав своих, он сообщил об этом Кулбатыру, тот даже зубами скрипнул: на пятки наступают.

Сразу же после этого он решил уйти из песков. Но было пока рано. Приближалась гроза. Кулбатыр кожей чувствовал, что она непременно разразится, и продолжал плутать в песках. И ушел из них незадолго до ливня.

Гроза на какое-то время избавляла их от преследования. Кулбатыр решил использовать эту передышку с пользой. Поначалу он хотел повести своих к аулу Таскудук, где жили родственники его матери. Там можно было некоторое время скрытно передохнуть. А самое главное — раздобыть для Раиса и Таната хотя бы по винтовке или по берданке: преследователи, это было ясно, продолжат поиски и рано или поздно опять обнаружат след. Может так случиться, что им не избежать столкновения, тогда-то оружие очень понадобится. Но потом передумал. Нет, на время им придется разьединиться.

Для принятия такого решения причины были: не верил он ни в Раиса, ни в Таната. Случись настоящая заваруха — от них пользы мало будет.

Позавчера, устраиваясь на ночлег, Кулбатыр решил бы-

ло поговорить с ними откровенно, без остатка выложить все, даже рассказать про засаду в Айкай-шагыле, чтобы они поняли, на что идут и что их может ждать впереди. Но только лишь заговорил о возможности за ними погони, как сразу же заметил страх на лицах Раиса и Таната. Они старались спрятать этот страх: один сидел отрешенно отвернувшись, другой опустил голову и ковырял песок рукавчатой камчи. Кулбатыр понял: пока лучше помолчать. Но после того как была обнаружена погоня, оба окончательно скисли.

Уже перед самым ливнем Танат отозвал Кулбатыра в сторону и, не пряча, как обычно, глаза, сказал:

— Разговор есть, сотник!

Обычно при Раисе и Аккагаз он обращался с Кулбатыром на равных и называл его просто Батырекё, но, оставаясь один на один, никак не мог отвязаться от давившего на него прошлого и называл почтительно сотником, как звал его когда-то в бытность в Алаш-Орде.

Кулбатыр, конечно, догадался, о чем тот хочет вести речь, но не подал вида.

— Чего тебе? — небрежно спросил он.

Танат на секунду замаялся — видно, подыскивал нужные слова.

— Сотник, — наконец заговорил он, — ты знаешь, как я уважаю тебя. Да и как иначе? Сколько вместе пройдено, сколько пережито, какого только лиха нам не пришлось хлебнуть. Но... что прошло, то прошло... Прости, но я закончил с теми делами безвозвратно. Тебе известно, меня простили... Да я и уверен сейчас, что тогда мы затевали бесполезное дело. Но ты, видно, смотришь по-другому. Что ж, я уважаю твое мнение. И не уговариваю тебя: кончай! Молю аллаха, чтобы в степи побольше нарождалось таких неустрашимых сыновей...

Еще отъезжая вместе с Танатом в сторону, Кулбатыр дал себе слово выслушать до конца все, чего бы тот ни наговорил. Но последние слова все-таки вывели его из себя.

— Эй, Танат, — зло сказал он, — перестань городить чушь. Что ты мелешь, что ты ходишь вокруг да около, как лиса возле норы тушканчика. Выкладывай, чего тебе надо!

— Что ж, скажу, сотник, — не спрятал глаза Танат.

Кулбатыр рассчитывал окриком согнуть Таната, заставить его смеяться, но оказалось, это лишь придало ему смелости.

— Скажу, сотник, — говорил Танат. — Кто первый предупредил тебя об опасности? Я! Не отказался я и проводить тебя, и вовсе не считаю это услугой, за которую взыскивают долги. Я тебе — товарищ и сделал все, что было в моих силах. Теперь я хочу возвратиться к себе в аул: не дай бог там меня уже хватились! Не поздоровится мне тогда, подозрений не избежать. Но если пока не хватились, найду чем отговориться. Это несложно. А если все-таки дознаются, что я был с тобой, будет и мне, и моим детям... Гроза смывает следы. Пройдет немало времени, пока они тебя опять обнаружат, а может, не обнаружат и совсем. Так что, думаю, теперь ты и без меня обойдешься.

Кулбатыра душил гнев.

— Что-то не узнаю я тебя, Танат, — хрипло и грозно проговорил он. — Помнится, в прошлом ты не раз называл себя мужчиной и клялся пожертвовать жизнью ради земли родной, ради народа. А теперь что же — красные песни запел? Или просто шкуру бережешь? Знаю, много вас сегодня таких, кому стала лишь своя шкура дорога. Тогда придется тебе кое о чем напомнить, Танат. Зверь зверя и то в беде не бросает. А ты же не зверь. Ты же для меня не только боевой товарищ, мы с тобой и кровью повязаны. Говоришь, услугу мне оказал и благодарности за это не требуешь? Спасибо, благодетель. Только вспомни-ка лучше об Айдынгали, которого прирезал вместе с его гостями — агитаторами. Не я ли взял тогда эту кровь на себя? Ни одна живая душа в степи не знает, что это твоих рук дело. Так что же ты теперь несешь? «Ах, хватятся меня! Ах, пострадаю я и мои детки!» Ишь каким чадолюбивым стал! Заяц трусливый — вот кто ты! И нечего прятаться за слова, нюнить тут передо мной, как последняя бабенка: не дай бог хватятся, не дай бог хватятся! А ты, мол, Кулбатыр, уже в безопасности! Не забывай, Танат, что узун-кулак¹ может донести до кого следует, на чьей совести кровь Айдынгали, и не думаю, что тебе будет легче тогда, чем теперь со мной,

¹ У з у н - к у л а к — слухи.

когда у нас действительно появилась возможность оторваться от погони...

Кулбатыр уперся глазами в глаза Танату. И взгляд его был темен.

Танат трухнул порядком и уже не помышлял возвращаться к подобному разговору.

Кулбатыр понимал, что творится в душе его давнего сослуживца. И все же этот разговор оставил саднящую зарубку на его сердце. «Слаб, слаб стал Танат. Случись трудная минута — надежда на него плоха: в любой миг метнется в сторону. Да и Раис чем-то недоволен: ворчит, дует, прячет глаза. Оставалось надеяться только на себя. Но разве одному справиться с погоней? Надо что-то придумать».

И он придумал.

«Нет, не поедут они все вместе в Таскудук. Туда поедут под началом Таната Аккагаз и Раис. Он же отправится по ближайшим аулам, где больше всего надежды раздобыть оружие — знакомые у него везде есть. В таком плане есть еще одна выгода. Трудно сохранить в тайне его появление в аулах, а значит, рано или поздно слухи достигнут ушей тех, кто гонится за ними. Начнут их искать в степи, а они тем временем вернутся в пустыню. Послезавтра он будет уже в Таскудуке».

Так он сказал Аккагаз и остальным. Но сказал не все. На самом деле он отправлялся не только за оружием, ему нужно было во что бы то ни стало отыскать надежного товарища. Он уже знал, кого будет искать. О нем-то и думал сейчас Кулбатыр. Человек это был надежный, опытный и смелый, и если удастся его уговорить, Таната и Раиса со спокойной душой можно отпустить по домам — тогда они станут просто обузой.

На том и расстались. Трое поехали туда, куда указал им вожак, а сам Кулбатыр погнал коня совсем в другую сторону. И когда на небе взошла Утренняя звезда, он уже подъезжал к намеченному аулу.

Аул был погружен в глубокий сон. И все-таки осторожность не мешала: Кулбатыр снял с плеча карабин и прижал ногой к боку коня.

Баймагамбет и Киикбай всю ночь дрожали от холода. Вначале, когда выжали промокшую одежду, надели ее заново и ветер чуть подсушил ее, было еще ничего. Но ночной промозглый холод вскоре обручами сковал их тела. Наступало утро, из-за горизонта поднималось солнце, уже веяло теплом, а они все еще не могли согреться.

Лошади двигались неторопкой рысью, неся на себе усталых седоков. Они держали путь в аул Бесобá¹.

Сегодня ранним утром Салык снова разбил свой отряд на три группы. Нужно было побывать во всех аулах, лежащих западнее песков. По предположению Салыка, именно туда могли направиться бандиты. Ясно, что еще вчера они догадались: их хитрость не удалась — погоня идет по пятам. А значит, наверняка сменили направление, вышли из песков. Это во-первых.

Во-вторых же, они ни за что не пойдут в сторону Косагача или Каратюбе. Там им появляться нельзя: жители если сами не возьмутся за оружие, то, во всяком случае, постараются быстро сообщить кому надо. И Кулбатыру уже не уйти. Выходит, у него одна дорога — в Киндиктинскую волость. Там его мало кто знает.

Когда пески остались позади, Салык, взяв с собой Абдуллу и Сагынгали, отправился в Жанаконьс. Шанау с Куспаном двинулись в Курайлысай, а Баймагамбет и Киикбай — в Бесоба. Если там не удастся ничего узнать о бандитах, каждая группа обследует соседние аулы, а к вечеру все должны встретиться в Таласкúльском аул-совете.

Таким образом, недавние преследователи опять превратились в ищущих. Салык строго-настрого предупредил каждого: если невзначай нарвутся на бандитов, ни в коем случае не ввязываться в перестрелку, а тут же отправляться в соседние аулы, поднять вооруженных активистов и осадить банду. Но главная задача — расспрашивать, постараться выяснить, куда Кулбатыр мог уйти со своими людьми.

Наконец-то поднявшееся солнце вовсю принялось разо-

гревать землю. И Киикбай, нежась в его лучах, начал слегка подремывать. Разморенное теплом, тело мерно покачивалось в седле и, если посмотреть со стороны, казалось, не слушалось хозяина. Он то клонился вперед, то откидывался назад, съезжал на одну, на другую сторону, а голова была опущена так, что касалась груди. В конце концов он чуть не свалился.

Кажется, конь под ним споткнулся, и Киикбай едва успел схватиться за гриву. Едущий рядом Баймагамбет сиял своим единственным оком и похихикивал. Парню стало стыдно за себя: тоже джигит! Ночь не поспал — и уже расклеился. Краска бросилась ему в лицо — сна как не бывало!

Он остановил коня, сходил по надобности в заросли чия. Баймагамбет, дожидаясь его, подтянул подпругу, проверил, хорошо ли держится седло, и неожиданно заметил, как лошадь Киикбая, стоявшая в ожидании хозяина, потянулась всем телом.

— Браток! — крикнул он подходившему парню. — Твой конь потянулся — это к удаче!

— Ты веришь в приметы, агá? — пряча улыбку, спросил Киикбай и поставил ногу в стремя.

— Как не верить, если все сбывается! Не знаю, правда, насколько точен твой конь, а в моего без ошибки можно верить. В тот день, когда мы покидали Косагач, утром он ни с того ни с сего стал бить копытом землю. Тогда я и сказал самому себе: эх, долог будет наш путь! Так и выходит...

Киикбай не стал спорить. Разве переубедишь этого здоровяка? Он и в приметы верит, и над могилами молится. Пусть верит, если ему так нравится. К тому же в тот момент, когда он слушал Баймагамбета, неожиданно вспомнилось, как он чуть было не вылетел из седла. И ему опять стало не по себе.

— Агá, неужели тебе спать не хочется? — спросил он. Баймагамбет тяжело вздохнул и сознался:

— Если правду сказать, из последних сил держусь.

Очень это успокоило Киикбая, хотя он и подумал, что, может, Баймагамбет просто подбадривает его: мол, не стыдись, со всяким бывает!

Умытая дождем, посвежевшая степь млела под весе-

¹ Бесобá — буквально: пять курганов.

лыми лучами солнца. От облаков, которые так долго скитались над головами, пока не превратились в грозовые тучи, не осталось и следа. Небо было чистым, сияющим нежной голубизной, и сейчас уже плохо верилось, что вчера оно бесновалось молниями и громом.

Усталые кони, тоже дрожавшие всю ночь, теперь вяло перебирали ногами, и все же часа за два путники одолели около двадцати километров. Баймагамбет поднял плетъ и указал вперед:

— Приближаемся к аулу Бесобá. Во-он они, пять курганов, в честь которых назвали аул.

Только теперь Киикбай обратил внимание на эти курганы. Они стояли в ряд и сквозь марево едва виднелись. Аул, должно быть, и размещался где-то неподалеку от них, но рассмотреть его пока не удавалось.

Они подстегнули коней.

Киикбай не отрываясь смотрел на курганы. В первый раз он видел такие же еще в детстве, когда однажды дед взял его с собой в какую-то поездку. Тогда они тоже наехали на курганы. Дед спешил, не торопясь обошел каждый, ведя внука за руку, помолился, потом объяснил Киикбаю: «Это не просто кучи земли, поросшие травой, сынок. Это — могилы. Могилы наших предков. Только лучших сынов своих хоронил народ вот так — насыпая над телом курган... Мы не знаем их имен. Имена унесло время, но знаем другое, не менее важное: это были знаменитые воины, защитники родной земли, радители за народное счастье...»

И сейчас, глядя на курганы, к которым они держали путь, Киикбай отчетливо вспомнил эти дедовы слова, и то ли грусть, то ли легкая печаль прокралась в сердце.

Мысли его были просты и понятны каждому: нет, не зря предки насыпали эти холмы, видимые издалика. Должно быть у народа что-то такое, что каждый раз напоминало бы ему о добрых деяниях и славных свершениях навсегда ушедших людей.

Пять курганов. Пятеро равных по заслугам и славе предков покоятся там. Как бы хотелось знать Киикбаю, кто они были, эти люди, над телами которых рыдало столько людей. Что народу было много, сомневаться не приходи-

лось. Такой курган не насыпать и сотне человек. Здесь нужны тысячи.

Аул действительно располагался рядом с курганами, прямо у подножия хребта. Баймагамбет сказал, что с оружием идти туда не следует. Если враг наготове, он тут же начнет стрелять, увидев вооруженных. А без оружия — кто они? Просто путники.

Они спрятали оружие в гуще полыни и двинулись в аул налегке.

Активисты быстро собрались в юрте председателя аулсовета, здесь было довольно много знакомых Баймагамбета, кое-кого знал и Киикбай. Естественно, начались обычные приветствия, расспросы о здоровье родственников, о делах. И когда наконец все ритуальные обязанности были выполнены, прибывшие рассказали о цели своего приезда.

Выяснилось, что слух о происшествии в Косагаче достиг уже и этого отдаленного аула. Во время ливня все, понятно, прятались в юртах и головы наружу не высовывали, но сегодня, за это можно поручиться, никто из посторонних не появлялся ни в ауле, ни вблизи его.

Приехавшие поели, подзапасились провизией в дорогу, сменили коней, долго благодарили бесобинцев за гостеприимство и отправились дальше. Теперь их путь лежал в Кулакчий.

После недавней пустыни степь казалась райским уголком. Широко и раздольно раскинулась она перед путниками. Радовали глаз омытые вчерашней грозой типчак, островки трехостицы, заросли полыни. Солнце, поднявшееся уже высоко, будто озидало с голубых небес, покрытых редкими тающими облачками, свои помолодевшие владения, но для путников оно опять становилось палачом. Еще сегодня утром молившие светило послать на землю хоть немного тепла, они теперь страдали от парившей земли, от жара сверху, то и дело отирали вспотевшие лбы, поправляли ремни ружей, стволы которых теперь нещадно колотили по вспотевшим спинам.

К полудню наконец появились в мареве макушки юрт Кулакчия. Путники облегченно вздохнули. Аул раскинулся на берегу небольшой речушки, которая каждый год пересыхала, оставляя небольшой ручеек да старицы в глубоких впадинах. Окрестности аула густо поросли чием. В высоких

густых зарослях было легко укрыться не только пешему, но и конному. Если бандиты здесь, то лучшего убежища им не найти.

Баймагамбет и Киикбай, испытывая подспудное чувство страха, а потому постоянно оглядываясь по сторонам, медленно двинулись вперед и остановились у крайней юрты.

Во двор вышла женщина лет сорока. Она, видно, не слышала стука копыт и на мгновение смешалась, увидев обросших щетиной, осунувшихся всадников. Но тут же взяла себя в руки и поздоровалась доброжелательно:

— Здравствуйте, добрые люди. Мир вам.

Баймагамбет слез с седла, подошел к ней, завел обычный разговор о том, мол, как жизнь, какие новости, сказал, что вот проезжали мимо. Решили маленько передохнуть, воды испить. А между тем выпрашивал, как часто появляются тут чужие люди, много ли бывает таких гостей, как они.

Хозяйка оказалась словоохотливой, говорила, что хозяйство у нее бедное — еле-еле концы с концами сводит. Да и как иначе, если в доме нет мужских рук — муж погиб в гражданскую, вот она и мыкается одна с дочерью. Есть, правда, сын, да отправился он с караваном в далекий путь, и вестей от него уже давно нет.

Как и положено у казахов, она просила не побрезговать ее убогой юртой, угоститься чем бог послал. Мужчины не возражали. Из разговора стало ясно, что никто посторонний в ауле не появлялся, а значит, опасаться было нечего. Они разложили на солнце попоны, промокшие за ночь и еще совсем сырые, хотя их и выжимали. Она полила им на руки, они умылись и вошли в юрту.

В юрте, бедно обставленной, но опрятной, молоденькая девушка с изящной фигуркой и нежными глазами стелила одеяла. Увидев гостей, она так же доброжелательно поздоровалась, как и мать, и тут же, видно стыдясь незнакомых мужчин, выскользнула наружу.

Баймагамбет по-хозяйски расположился на *то́ре*¹. Киикбай сел рядом.

Вошедшая следом за ними хозяйка принялась накрывать *дастархан*² и опять завела бесконечный разговор об

ауле, его жителях. Наверно, не часто посещали эту юрту гости, потому и не удавалось ей вдоволь наговориться.

Баймагамбет был внимателен, все время кивал и поддакивал; мысли же Киикбая унеслись за пределы юрты, откуда доносились легкие шаги хозяйкиной дочери, которую он только что видел и которая, чего греха таить, сразу покорила его сердце. Он долго маялся, не зная, под каким предлогом выйти из юрты, наконец сказал, что пойдет посмотреть коней, и нетерпеливо двинулся к двери.

Девушка, откидывая назад длинные косы, которые ей все время мешали, возилась у глинобитной печурки. Вот она поднялась с корточек и направилась было в юрту, но Киикбай заступил ей дорогу. Он улыбался, сам не зная чему, — на душе стало как-то радостно.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил он ласково.

— Инка́р, — просто ответила девушка, но глаза ее озорно сверкнули. — А тебя?

— Киикбаем.

Девушка прыснула стыдливым смешком, еще раз хитровато оглядела симпатичного джигита, стоявшего перед ней, и, обойдя его, исчезла за юртой.

Киикбаю очень хотелось дожидаться ее и еще хоть немного поговорить, но в это время из дверей показалась хозяйка, и он, испугавшись неизвестно чего, кинулся обратно в юрту.

— Твой дядя, сынок, кажется, очень устал, — говорила хозяйка. — Видно, трудная была у вас дорога. Спит он. Говорил, говорил да и уснул на полуслове.

И в самом деле, Баймагамбет, подрагивая широкими ноздрями, смачно похрапывал. Борик сдвинулся ему на глаза, большущая рука была приподнята и оперта о ковшу, на которой он лежал.

Киикбай примостился на прежнее место и под храп здоровяка все время прислушивался к тому, что происходило за войлочными стенами юрты, при каждом скрипе взглядывал на дверь: ему просто не терпелось, чтобы сюда вошла Инкар. Но девушка больше не показывалась.

Хозяйка принесла самовар, поставила на край скатерти. Киикбай растолкал Баймагамбета, и тот сел, протирая свой единственный глаз толстым указательным пальцем, все еще клонил голову, не в силах освободиться ото сна.

¹ То́рь — почетное место.

² Да́с та́р хан — скатерть, стол с угощением.

Только приступили к чаю, как в юрту вошел мужчина, с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой и глубоко сидящими маленькими острыми глазами.

Хозяйка пригласила его к дастархану, предложила место рядом с Баймагамбетом, однако он отказался и сел поближе ко входу, как будто давал понять, что не относится к числу особо почитаемых гостей.

А вот насчет поговорить, он был почище хозяйки. Тут же засыпал всех словами, ни к селу ни к городу стал рассказывать какие-то, по его мнению, смешные истории, хихикал, потом, пылливо взглянув на Баймагамбета, осведомился, будто между прочим, куда гости изволят путь держать.

— Едем вот, — неопределенно отвечал Баймагамбет, делая вид, что не обратил внимания на особое любопытство нового гостя.

Но тот не удовлетворился ответом, поболтал о том, что, мол, это совсем безобидный обычай — расспрашивать гостей об их путях-дорогах, потом опять прищурился на Баймагамбета, но обратился будто бы к хозяйке:

— Не в настроении что-то твои гости.

— Если не в настроении, наверное, причина есть, — грубовато ответил Баймагамбет: видимо, его раздражала прилипчивость неожиданного пришельца.

Бородач, наверное, понял, что ничего путного от приезжих он не узнает, а потому опять принялся болтать о каких-то пустяках, пока вдруг не вспомнил, что у него какое-то спешное дело, и не умелся из юрты.

Поев и попив чаю, они тоже поднялись.

— Пора, хозяйшюка, пора. Благодарим за угощение, — рассыпался Баймагамбет.

Во все время их пребывания здесь Киикбай не столько пил и ел, сколько ждал появления Инкар. Но девушка будто нарочно дразнила его — не появлялась. Не было ее и возле юрты. И Киикбай совсем потерял надежду увидеть ее.

Злясь неизвестно на что, он принялся седлать коня и уже затягивал подпругу, когда, неожиданно бросив взгляд на юрту, увидел Инкар у дверей, и ему показалось, что в глазах ее была грусть. Значит, и он чем-то задел ее сердечко. От этого открытия вся душа его возликовала,

но он напустил на себя строгий вид — не пристало мужчине показывать своих чувств! — лихо вспрыгнул на коня и уже оттуда, с седла, попрощался:

— Счастливо оставаться! — Помедлил секунду: «Сказать или нет?» — и добавил: — До скорой встречи!

И, не оборачиваясь, пустился следом за Баймагамбетом.

Баймагамбет, конечно же, заметил все, что творилось с его напарником, и не упустил случая поддеть его.

— Что, прищемила тебе сердце девчонка? — хитро глянул он своим единственным глазом. — Выходит, не случайно твой конь потягивался сегодня утром, а?

— Да бросьте вы, агá! — отмахнулся парень, но тут же отвернулся, почувствовав, как бросилась в лицо краска.

— А что? — не унимался Баймагамбет. — Девушка, прямо скажем, замечательная. Если бы мне в молодости такая попалась, я бы тоже не прошел мимо. Но учти, вздумаешь сватов засылать, вспомни в первую очередь меня. Договоришься?

— Агá, хватит уже! — окончательно смутился парень. — И что ты из ничего целый пожар раздул? Сдалась мне эта девушка!

А у самого из головы не выходила Инкар и перед глазами маячил ее милый облик.

13

Новость, сообщенная мальчиком, пасшим овец, в один миг заставила Баймагамбета и Киикбая забыть о девушке и о недавнем разговоре. Оказывается, мальчик видел верхового, который на игреневом коне быстрой рысью направлялся в сторону Тушикары. Мальчик не смог описать лица незнакомца, было слишком далеко, но сказал, что человек этот огромный, побольше даже Баймагамбета, и на здешнего не похож. Что-то он не встречал таких здесь, да и по коню узнал бы, если бы человек был местным.

Новость заставила их призадуматься. По приметам выходило — Кулбатыр. Во-первых, огромного роста. Во-вторых, жеребец игреновой масти. А именно о таком игреневом жеребце с белым пятном на лбу им и говорил один из жителей Жылкыкудука. Ходкий, выносливый конь, и принадлежал он Кулбатыру.

Но почему он один? Они же знали, что бандитов было четверо. Может, отправился на разведку, а может, просто едет впереди своей группы, остальные где-то сзади. Но мальчик никого больше не видел. Опять загадка!

Баймагамбет, заложив за губу насвай, вопросительно поглядывал на своего спутника: мол, что будем делать? Наконец смачно сплюнул:

— А, была не была, терять нам нечего! Поедем за этим загадочным незнакомцем. А вдруг да повезет!

Они тронули коней.

Не больше десятка верст разделяло Кулакчий и Тушикару. Там жил сват Баймагамбета — Кошым. Так что дорога ему была хорошо знакома — не раз по ней езжено!

День начинал клониться к вечеру. Жара спадала. И все же кони под всадниками были в мыле, когда они приблизились к аулу. Только здесь перешли на неторопкую рысь.

Непривычно высокого игреневого коня, стоявшего на привязи у одной из юрт, они заметили сразу. Но не подали виду, проехали мимо, направляясь к юрте Кошима.

Сватья заметила приближение Баймагамбета еще издали — остроглазая женщина — и пошла навстречу, шумно приветствуя его. В мгновение ока возле нее оказались сыновья, взяли лошадей под уздцы, проводили вместе с матерью до юрты.

После надоевших им за сегодняшний день расспросов, кто, что да как, они опорожнили по большой пиале кумыса, и Баймагамбет скроил очень серьезную физиономию.

— Мы тут по срочному неотложному делу, сватья. Где Кошекé, очень нужно его повидать.

— Да вот-вот должен вернуться, — говорила сватья. — Пошел к Нигмету, к тому гость какой-то приехал...

— Ждать — время терять, — строго сказал Баймагамбет. — Нигмета я, слава аллаху, знаю — сами пойдем туда.

И поднялся с места. Киикбай встал следом.

После того как они увидели игреневую коня, направляясь в дом Кошима, были почти уверены, что Кулбатыр именно здесь, а слова сватьи о Нигмете укрепили эту уверенность еще больше.

До революции Нигмет ходил в любимчиках бая Жансары. Не раз пускал в ход кулаки и плетъ, если кто-то отважился сказать о хозяине худое слово. Промышлял

и барымтой¹, всячески угождал своему покровителю. Воровал коней для него, но и себя не обижал. Позже снюхался с беляками, появившимися в окрестностях. Правда, больше ничего про него известно не было. Если и числились за ним какие-то темные дела, об этом никто не знал. С тех пор как прочно установилась Советская власть, Нигмет жил тише воды ниже травы. Но поговаривали, что наотрез отказался вступить в артель, хотя тут не было ничего особенного: многие пока не стремились объединяться в артели.

Все это Баймагамбет выложил Киикбаю, пока шли к юрте Нигмета.

— Убежден, Кулбатыр там, — говорил он. — Но не подавай виду, что именно по его душу явились. А там посмотрим по обстановке, как поступить.

У парня учащенно стучало сердце, точно он предчувствовал, вот прямо сейчас начнется схватка с врагом, и еще неизвестно, на чьей стороне окажется счастливая судьба. В голове был переполох, думал, как они будут говорить с этим головорезом, а может, и не придется говорить, может, он уже прознал все про них или догадался и теперь держит их на мушке. Появились и сомнения: зачем самим лезть в лапы врага и тащиться в эту юрту, если нет сомнения, что там — именно Кулбатыр? Ведь Салык же приказывал ни в коем случае не связываться с бандитами, а сразу ехать в Таласкүль и предупредить остальных.

Киикбай несколько раз порывался сказать обо всем этом Баймагамбету, но почему-то не хватало духу. Как бы здоровяк не заподозрил его в трусости.

И опять шли бесконечные путанные мысли. «Возможно, после того долгого прочесывания песков Баймагамбет решил воочию убедиться, что там они видели не чьи-то следы, а точно следы Кулбатыра. Да и мало ли на свете игреневых коней! Это еще не доказательство, что тут стоит конь, который им нужен. Говорит: посмотрим по обстановке... Что он этим хотел сказать? Что, если удастся тут же и повязать бандита?.. Ладно, хватит обо всем этом. Двум смертям не бывать», — подбадривал себя Киикбай. Но решительности, которой хотелось бы, в сердце не чувствовал.

¹ Барымта — угон лошадей целыми табунами.

Когда они подошли к самой юрте, подростки, стоявшие здесь и любовавшиеся красавцем конем, настороженно оглянулись на них. Один из пацанов двинулся было наперерез, но Баймагамбет перехватил его, вцепившись в рукав рубахи.

— Да ты же Нигмета сын! — точно очень обрадовавшись, воскликнул он. — А почему не здороваешься? Не хорошо не узнавать старших!

И снова, будто дружески, отстранил подростка с дороги.

— Ассалаумалейкум! — вошел он в юрту.

То же самое повторил шагнувший следом Киикбай.

За дастарханом сидело пятеро мужчин, пили чай, отирая от пота шею и лбы. Киикбай сразу же устался на смуглого здоровяка с наголо остриженной головой и подковообразными усами. Он небрежно развалился на торе и смотрел на вошедших тяжелым, волчьим взглядом. Лицо у него было каменным.

«Наверняка этот верзила и есть Кулбатыр, — отводя глаза, подумал Киикбай. — У него и рожа бандитская!»

Справа от него, рядом с женщиной, разливавшей чай по пиалам, сидел, по-турецки сложив ноги, тоже не очень приветливый мужчина, с выпуклыми, как у лягушки, глазами и низким лбом. Было еще трое, кроме этих, но Киикбай рассмотреть их не успел.

Сидящие за дастарханом смотрели на вошедших отчужденно и на приветствие ответили с натугой. Только один из них, что помещался напротив лупоглазого, издал радостный возглас:

— Сваток, дорогой, какими судьбами! Все ли благополучно, здоровы ли жена и дети?

Киикбай догадался, что это и есть Кошым. Но он был единственным, кто порадовался приезду гостей, остальные были напряжены и явно обескуражены их появлением.

Первым зашевелился смуглолицый верзила. Он отодвинул подушки, на которые опирался, и, выпрямившись, сел, поджав под себя ноги.

— О-о, Кулбатыр, да не ты ли это? Вот так встреча! — живо отреагировал на его движение Баймагамбет.

Киикбай был прямо поражен находчивостью своего товарища. Он бы никогда так не смог.

Кулбатыр не торопился отвечать. Он взял полотенце,

лежавшее рядом с ним, отер лицо, шею, руки. Все это делал не спеша, как бы с ленцой, и лишь потом насмешливо глянул на Баймагамбета.

— Хоть ты и слеп на один глаз, а видишь хорошо! — весело сказал он и отбросил полотенце.

— Ты совсем не изменился, — говорил Баймагамбет, тоже весело поглядывая на верзилу. — Когда приехал?

Только теперь все находившиеся в юрте зашевелились, задвигались, теснясь и освобождая место вновь прибывшим.

— Проходите, проходите, садитесь, — приглашал хозяин.

Все начали протягивать вошедшим руки. Баймагамбет, наигрывая радость, пожимал их, Киикбай держался скованнее. И когда жесткая и шершавая, как дерево, ладонь верзилы коснулась его руки, он чуть было не содрогнулся от чувства отвращения и не выдал себя. К счастью, бандит, кажется, ничего не заметил.

— Вот встреча, вот встреча! — продолжал восхищаться Баймагамбет. — С каких же пор ты здесь?

— Зачем спрашивать, с каких пор... — взял с дастархана пиалу Кулбатыр. — С родными местами сердцем никогда не расстанешься... Сам-то как здесь оказался? Уж не заблудился ли, случаем?

— Мне блуждать тут не положено. Тут у меня сват живет! Но скажу честно, не к дорогим сватам ехал. Был у меня жеребец, за которого в прошлом году отдал двух дойных коров с телятами, а дней десять назад какой-то сукин сын увел его. Всю округу обыскал — никак не могу найти. Видно, опытен вор, придется домой ни с чем возвращаться. — Он огорченно покачал головой. И было это так натурально, что Киикбай опять невольно восхитился. — Ну, раз в этих местах оказался, как к свату не заехать? Узнает, обидится же, что стороной обошел. Правда, сват?.. Приехал, а сватья говорит: Кошым у Нигмета, к нему, мол, гость приехал... Нигмет — тоже не чужой человек, да и с гостем не грех познакомиться, разузнать, где и как люди живут... В мыслях не держал встретить тебя, а если бы знал, конечно, сразу бы зашел, как-никак столько лет не виделись! — вдохновенно врал Баймагамбет.

Но Кулбатыр был серьезен. Откинувшись опять на по-

душки, он мелкими глотками пил горячий чай и неотрывно смотрел на Баймагамбета. Во взгляде его прямо читалось: а не хочешь ли ты меня провести, дорогой, что-то складно сочиняешь?

Но Баймагамбет будто и не замечал этого. Опорожнив свою пиалу, он тут же протянул ее женщине, чтоб наполнила снова, и продолжал радостно улыбаться, открыто поглядывая на подозрительно и пытливо вперившегося в него Кулбатыра.

— Неожиданная встреча, как у нас говорят, двойная радость! — восклицал он. — Помнится, ты давно ушел из наших краев. Где обосновался, как дела идут? Чем теперь занимаешься?

Последний вопрос вызвал у Кулбатыра кривую усмешку.

— А ты сам, как думаешь, чем я могу заниматься? — И тут же смуглое лицо его опять сделалось жестким и злым. — Чем занимается лихой джигит в вольной степи? Чем занимается волк, рыская в поисках добычи? Вот и я промышляю чем бог пошлет... Ты, Баймагамбет, расскажи-ка лучше, чем сам занимаешься. Слыхал я, партийным заделался? Правда или нет? Не понимаю только, за что тебя приняли в эти партийные. Раньше, если мне память не изменяет, у тебя ума хватало лишь на то, чтобы байский скот пасти, а теперь ты что ж, поумнел, значит, народом руководишь?

— Э-э, плохие слухи ты собираешь в степи, Батыреке. Видно, ты только моих завистников слушал. А у зависти черный язык. Что партийный я — это правда. Но вот народом руководить... Какой из меня руководитель!

Он помолчал, морща лоб и будто собирая воедино мысли, и заговорил так, что было непонятно, то ли обиделся на Кулбатыра за его издевку, то ли смирился с ней:

— Видит аллах, ни у кого не занимал я ума. Мне хватало своего. И правду люди говорят, если тебе природой не дано, то и, сделавшись ханом, останешься дураком. А я ведь не хан, всего лишь активист... Только вот что я тебе скажу, Батыреке, пас я байских коней не оттого, что ума на большее не хватало, а оттого, что некуда было больше ни голову, ни силы приложить. Да ведь и ты тогда тем же самым занимался. И не с кем-нибудь, а вместе со

мною. Если у тебя было больше ума, зачем же ты это делал?

Последнего, видно, Баймагамбет не хотел говорить, само с языка сорвалось: не удержал ненависти к бандиту. Наверно, теперь жалел, но было уже поздно.

Кулбатыра эти слова явно задели за живое. Даже сквозь смуглость было видно, как лицо мгновенно налилось черной кровью.

— Так, так, Баймагамбет, — сказал он тихо. Но было заметно, что спокойствие дается ему с большим трудом. — Только вчера был убогим человечешкой — пары слов связать не мог, а теперь, видно, коммунисты ума прибавили? И человеком себя почувствовал, вижу? И неужто счастлив ты, что такой же полуграмотный и вдобавок дураковатый Шанау водит тебя за узду? Или, может, ты готов прыгать от радости, что Советы оседлали тебя, как старую клячу, и теперь только повод поддергивают: или туда, или сюда?

— Ты к Советам свои руки не протягивай, Кулбатыр! — Баймагамбет тоже начал терять самообладание. И лицо его также потемнело от прилившей крови. Он видел, конечно, Кулбатыр в ярости, но бандит задел такое, за что Баймагамбет готов был ему глотку перервать. — Ты не трогай Советы, Кулбатыр! Если хочешь знать, что мне Советы дали, скажу, слушай только. Смотри на меня. Смотри на мой вытекший глаз. Вот и все, что я заработал у бая Жансары. Или ты не помнишь того дня, когда я бился с барымтачами?¹ Вместе с тобой ведь бились. Только тебе повезло, а я глаза лишился. И что же получил я в благодарность за это? Если бы не революция, так бы и умер в рваном полушубке... А ели мы с тобой хоть раз досыта? Как же! А чем платил нам бай Жансары за верную службу? Вот этим! — Он скрутил кукиш и показал его Кулбатыру. — Ты не смей трогать Советы. Они меня человеком сделали, одели и обули, дети теперь мои сыты и здоровы, а я перестал зависеть от капризов таких, как бай Жансары, волостной Темирбек.

Все за дастарханом давно позабыли о чае. Правда, Кошым пытался восстановить мир, урезонить спорящих, то

¹ Барымтач — конокрады.

и дело обращаясь к ним: «Перестаньте! Да остановитесь вы! Зачем горячиться?» Но его не слушали.

— Бреешь, собака! — уже не сдерживая бешенства, крикнул Кулбатыр. — Тоже мне — человек нашелся! А ну-ка покажи, может быть, уже рога на лбу выросли? Ничего, наступит для тебя день, как для той безрогой козы, которая вымаливала себе рога¹. — Он буквально дрожал от ярости. — Удавиться готов, защищая свои Советы. Твоя Советская власть — это ублюдок Шанау, который отправил на десять лет гнить в тюрьме моего младшего брата лишь за то, что я однажды переночевал у него. Твоя Советская власть — это Ураз, который походя расстрелял моего отца. А вы кровопийцу назначаете судьей — хороша власть, нечего сказать! Да и тебя только за нос водят, похваляют, какой, мол, хороший! А ты и рад до смерти — надулся как индюк! Смотри, не пришлось бы пожалеть! — Кулбатыр готов был, кажется, испепелить Баймагамбета — глаза его горели адовым пламенем.

— А сам ты кого защищаешь, мерзавец? И чью кровь льешь? — зло выпалил Баймагамбет.

Лицо Кулбатыра исказила судорога.

— Кривая собака! — заорал он. — Ты у себя под носом только и видишь — не дальше! Если я и убивал кого-то — за дело! Такого, например, негодяя, как твой Ураз, для которого не существует закона, да таких подлецов, как ты, продавших за кусок хлеба свой род и племя. Чьи интересы я защищаю, спрашиваешь? Народа своего интересы. Народа! Хотел, чтоб Алаш стал самостоятельной ордой и не зависел от каких-то гяуров², на которых ты молишься. Но твою глупую башку разве посетит такая мысль, что я за свободу бился? Пусто в ней, в башке твоей. И на то она только пригодна, чтоб расколоть ее, как пустой орех.

Кулбатыр явно напрашивался на драку. Это был человек, которого природа оделила большой силой. Баймагамбет и сам дай бог мужик, да к тому же отличался таким упрямством, что был готов противостоять любому противнику. И брось этот вызов Кулбатыр где-нибудь в другом

месте, неизвестно, чем бы кончилось. Скорее всего, оба пустили бы в ход ножи. Но здесь... Здесь Баймагамбету противостоял не один Кулбатыр, и он заставил себя сдержаться. Но смолчать он не мог — гордость не позволяла: слишком обидными были слова, брошенные ему в лицо Кулбатыром.

— Ты прав, я вижу только одним глазом, но умею различить — что хорошо и что плохо. А у тебя и душа слепая, и сердце незрячее. Смотрите-ка, заступничек нашелся, радетель за народ! Родина, земля родная! Свобода от гяуров! Так почему же эта родина не поддержала вас, когда вы установили свою алашордынскую власть? Да потому, что не за народ вы радели, а защищали таких богатеев, как Жансары и Темирбек. Вот и получили свое. Крепко получили. И бродите теперь, как бездомные псы.

Кулбатыр вскочил на ноги:

— Говоришь, жеребца потерял? А не тот ли это жеребец, что стоит сейчас перед тобой? Не за мной ли ты гонишься, рыскаешь по степи? — Он сунул руку за отворот бешмета, что висел на стене позади него, и выхватил из кармана наган. Дуло его заплесало на уровне груди Баймагамбета, схватившегося за свой нож. — Пристрелю сейчас, как паршивую собаку!..

Все, кто был в юрте, повскакивали на ноги. Женщина, разливавшая чай, упала Кулбатыру в ноги, подняла крик. Кошым заслонил собой Баймагамбета, старался перекрыть возникший шум:

— Успокойтесь, успокойтесь, люди! Образумьтесь же! Что же это такое? — В голосе его были слезы.

— Плохая примета, Батыреке, если за дастарханом прольется кровь, — сказал и Нигмет: он понимал, какими могут быть последствия, если что-то действительно случится.

Понял это и Кулбатыр. На скулах его играли желваки, но наган он опустил.

— Благодарю этих людей, свинья, — бросил Баймагамбету. — И убирайся, пока цел. Считаю, на этот раз тебе повезло. Только не вздумай больше попадаться мне на глаза. Прикончу, хоть ты и был мне другом когда-то. — И, повернувшись к бледному, испуганному Киикбаю, добавил: — А ты, щенок, что здесь потерял? А ну, проваливай!

¹ Имеется в виду казахская поговорка: коза вымаливала у бога рога и лишилась ушей.

² Гяур — неверный; человек, который не исповедует ислам.

Парень вспыхнул от обиды. Но Баймагамбет и Кошым уже вытаскивали его из юрты.

У Кошым они задержались лишь на столько, чтобы оседлать коней, хотя выехали из аула медленным шагом: знали, что за ними наблюдают. И, только достав из зарослей чия спрятанное оружие, пустились галопом к Таласкулю, где их должны были ждать товарищи.

14

В Таласкуле они застали только группу Салыка. Шанау и Куспана еще не было. Сказали в местном аулсове, куда отправляются, сели на коней и двинулись к Тущикаре.

По дороге Баймагамбет в нескольких словах рассказал о стычке в юрте Нигмета, высказал предположение, что люди, которые там находились, кроме Кошым и Нигмета, вполне могли оказаться приспешниками бандита, хотя, занятый больше Кулбатыром, он их не очень-то рассмотрел.

До Тущикуры они доскакали быстро — расстояние небольшое, верст шесть. Салык приказал взять оружие на изготовку, с налету окружить юрту Нигмета и предложить бандитам сдаваться.

Завидев галопом приближающихся всадников, из юрт высыпал весь аул. Кошым тоже высунулся из своей юрты и, с удивлением заметив среди скачущих Баймагамбета, поднял в приветствии руки.

— Еще раз добро пожаловать, сват! — крикнул он.

— Спасибо, сват, — на ходу ответил Баймагамбет. — Кулбатыр еще там?

Кошым усмехнулся:

— Так он будет вас дожидаться! Скрылся, как только вы уехали.

Верховые осадил коней.

— Один? В какую сторону? — разгоряченно спрашивал Киикбай.

Кошым подумал.

— В направлении Ханкуля, — сказал уверенно. — И был он один.

— Один-то один, но вооружен до зубов, — загалдели собравшиеся вокруг старики.

— А Нигмет?

— Что Нигмет? У себя. Куда ему деваться?

Нигмет в самом деле был у себя и, услышав приближающихся конных, вышел навстречу. Появились и двое, сидевших за дастарханом, когда в юрту заходили Баймагамбет и Киикбай. Но что было неожиданным, вместе с ними вышел и тот самый бородач с глубоко посаженными глазами, которого они встречали еще в Кулакчье.

— Куда отправился Кулбатыр? — жестко глянул на Нигмета Салык.

Нигмет развел руками:

— Бог послал гостя, я его встретил и накормил. О путях-дорогах не спрашивал.

По всему чувствовалось: Нигмет знает достаточно, чтобы навести отряд на верный след, но он ничего не скажет. И Салык, проклиная его про себя и давая клятву разобратся с этим типом, когда все кончится, велел своим скакать в указанную Кошым сторону и сам прищпорил коня.

До Ханкуля было километров пятнадцать, не меньше. Аул расположился вдоль вытянутого озера, рожденного небольшой речонкой. Зимой земли вокруг него пустовали, зато с наступлением лета население увеличилось в несколько раз. Людей тянули сюда обильные пастбища, раскинувшиеся на большие расстояния по ту и другую стороны реки и озера.

В дороге Салык размышлял: «Кулбатыр, как выяснилось, был в Тущикаре один, поэтому можно было предположить, что остальные как раз и дожидаются его в Ханкуле. Но ведь могло быть и по-другому. Вполне вероятно, что, обнаружив погоню, Кулбатыр своих людей распустил, а жену отправил домой. Какой же из вариантов верен? — спрашивал себя Салык. — Если второй, то поиски значительно усложнятся. Одному бандиту скрыться куда легче, чем группе».

Солнце уже склонялось к закату, когда на горизонте они увидели поблескивающее озеро Хан. Далеко позади остались небольшие песчаные барханы, окружавшие Тущикуру, давно уже началась ровная, будто укатанная степь с такой разнообразной растительностью, что здесь действительно было раздолье и для овец, и для лошадей, и для коров.

До аула оставалось минут десять хорошего хода. Преследователи так торопились, что Салык совершенно позабыл о находящемся неподалеку, чуть в стороне, мазаре. И возможно, не вспомнил бы о нем, если бы случайно не оглянулся.

— Стоп! — скомандовал он Сагынгали и Абдулле. — Надо осмотреть его. Остальным вперед!

Сагынгали и Абдулла отделились от группы, другие же поддали плетей и без того мчавшимся наметом лошадям. Но неожиданный резкий хлопок заставил резко осадить их. Пока поворачивали коней, пока соображали, что и где, раздался еще хлопок и следом за ним полный боли и отчаяния крик Абдуллы.

Нога Абдуллы застряла в стремях, испуганный конь волок тело хозяина по земле. Сагынгали, настегивая своего жеребца, мчался во всю прыть от опасного места и что-то нечленораздельно кричал. Наконец до скачущих ему навстречу уже внятно донеслось:

— Назад, назад! Там — Кулбатыр!

Лишь минуту растерянность владела Салыком, в следующую, как не раз бывало с ним в прошлом, когда приходилось ходить в конные атаки, он уже полностью владел собой.

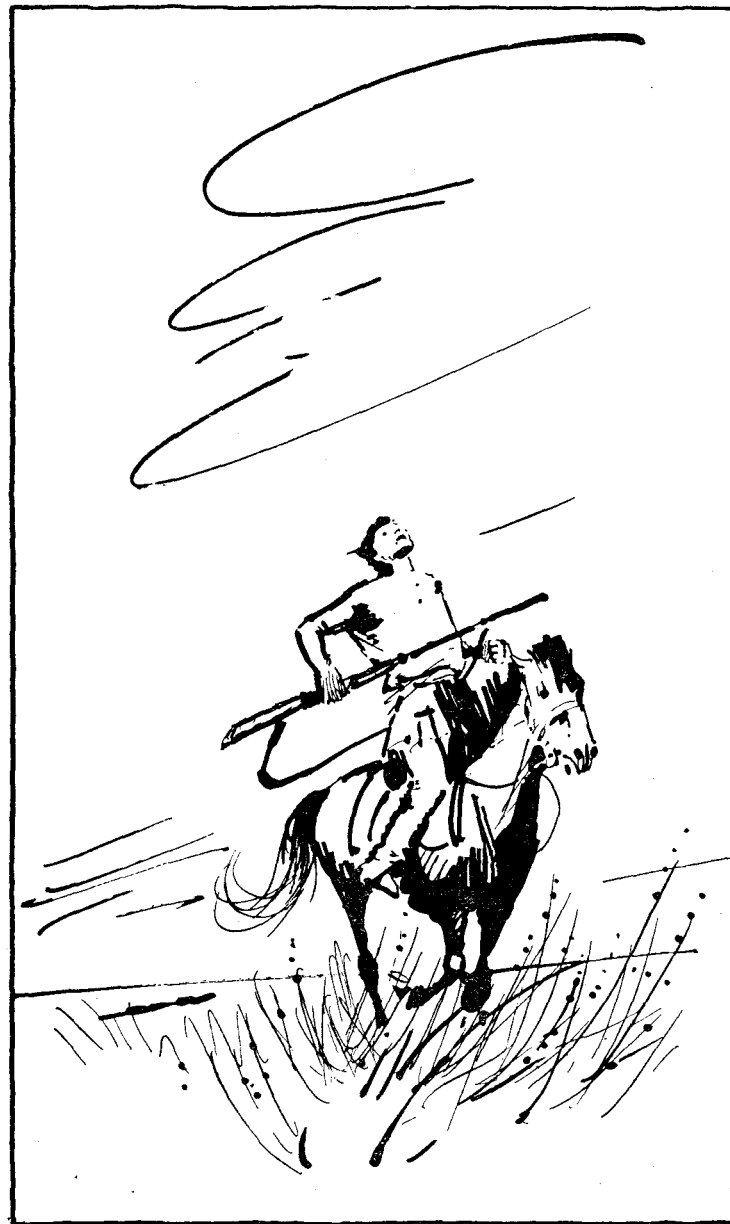
— Ловите коня! — приказал он.

Сам же, на лету выхватив карабин из рук Сагынгали, соскочил на землю и, петляя, побежал к мазару, залег на расстоянии выстрела и открыл беглый огонь по входному проему.

Мазар был старый, с потрескавшимися от времени стенами, сложенный из глиняных с конскими волосами кирпичей. От времени он пришел в такую ветхость, что готов был, казалось, рухнуть под напором первого ветра. Но еще стоял и вот теперь давал прибежище бандиту.

Перепуганного коня бойцы вскоре поймали. Баймагамбет полоснул ножом по кожаной привязи, к которой крепилось стремя, и освободившаяся нога Абдуллы бессильно упала на землю. Киикбай глядел на окровавленное тело милиционера, и злые слезы ползли у него по щекам.

В это время сзади послышался конский топот. Им на помощь мчались Шанау и Куспан. Оказалось, еще издали услышали выстрелы и повернули сюда. Они были

возбуждены, встревожены, а увидев тело убитого, невольно опустили головы.

Расстреляв обойму, к отряду вернулся Салык. Он понимал, что теперь начнется длительная осада. Бандит просто так не даст себя повязать. Оставалось одно: держать под прицелом вход, не давая Кулбатыру возможности высунуться. Рано или поздно он нарвется на пулю.

— Отвези в Ханкуль, — показав глазами на тело убитого, приказал Баймагамбету Салык. — Остальным залечь на расстоянии выстрела и не спускать со входа глаз.

Баймагамбет взвалил на спину коня тело погибшего и уехал. Отряд рассыпался цепью и пополз к мазару. С разных сторон стали раздаваться хлопки выстрелов, лишь ружья Куспана и Киикбая ухали, как пушки.

Местность была открытая, но мазар служил отличным убежищем Кулбатыру.

Вскоре стало ясно, что днем его не взять — слишком опасно: стоит более или менее приблизиться — и Кулбатыр перешелкает всех по одному. Нужно было выждать.

— Прекратить стрельбу, — по цепи передал Салык. — Стемнеет, подберемся поближе, и тогда он никуда от нас не денется.

Бойцы, залегшие друг от друга в пятнадцать — двадцати шагах, молчали: не выходила из памяти гибель Абдуллы и еще разбирала злость, что Кулбатыр постоянно уходит от расплаты. Только за последние дни он убил уже троих, а его пока даже не царапнуло. У Киикбая сердце немело от отчаяния, что никак не удастся рассчитаться с бандитом.

День кончался. Солнце, казалось, никак не хотело уходить с горизонта. В другое время скрывается, точно монета, брошенная в воду, а тут, как назло, висело и висело в небе, будто позабыв, что его ждут в других местах.

Спрятавшийся в мазаре вместе с конем, Кулбатыр не подавал признаков жизни. Было понятно: он тоже прекрасно видел, что близко никому не подобраться, и теперь сквозь щели мазара наблюдал за теми, кто был перед ним. Сам же оставался совершенно невидимым.

Салык догадывался: Кулбатыр тоже ждет не дожидается темноты, чтобы улизнуть. Но что он может придумать в этой ситуации? Салык ставил себя на место затаившего-

ся Кулбатыра, но придумать решительно ничего не мог.

«Нет, на этот раз ему не уйти. Может, конечно, убить еще кого-то, но со всеми справиться, даже при его ловкости, не удастся».

Долго, очень долго в этот день наступали сумерки. Но и они пришли наконец. И Салык приказал бойцам, пользуясь надвигающейся темнотой, понемногу продвигаться к мазару.

Ползли медленно: метр-два — и остановка. Пристально всматривались во входной проем мазара, но оттуда не доносилось ни звука. Салык медлил, приказывая подбраться поближе, ждал, когда совсем стусится тьма. Вот он, зияющий проем, почти сливающийся с надвигающейся ночью. Совсем близко. Салык уже поднял руку, чтобы скомандовать: «Огонь! Вперед!» — как в ту же секунду из мазара, точно демон, выскочил огромный конь с припавшим к его шее всадником и бросился прямо на подползших людей.

— Уходит, уходит, стреляйте! — кричал вскочивший на ноги Шанау и выпустил вслед заряд.

Началась беспорядочная стрельба. Внезапно конь взвился на дыбы, потом раздалось его протяжное ржание, и тут же он ударился о землю.

Все бросились к нему, держа оружие наготове. Конь был еще жив, взбрыкивал ногами, голова его поднималась и обессиленно падала. Рядом лежал человек. Он не шевелился. К нему-то в первую очередь и поспешили.

Но то, что представлялось человеком, когда конь вылетел из мазара, теперь, пока к нему бежали люди, оказалось просто коржуном, замотанным в попону и привязанным к седлу и гриве коня. Салык застонал от досады и в сердцах хлестнул по траве камчой.

Кто-то бросился к мазару, кто-то бежал отвязывать уже коней, но Салык знал: все бесполезно. Кулбатыру и на этот раз удалось обмануть их.

Велико было разочарование. Упустить бандита, который, по существу, был уже в руках! Салык от бешенства скрежетал зубами.

Ясно: пешком Кулбатыр далеко не уйдет. Что же он попытается предпринять? Напрашивался лишь один ответ: ему во что бы то ни стало необходимо добыть коня. А потому он должен направиться в один из ближайших аулов и либо выпросить лошадь у кого-то из знакомых, либо просто украсть ее.

Салык послал Шанау и Куспана в Кулакчий, Киикбая — в Ханкуль, сам же и Сагынгали отправились в Тушикару. План был прост: поднять активистов и выставить охрану у всех трех близлежащих аулов. Где-то ведь должен обнаружить себя бандит!

Несмотря на поздний час, весь Ханкуль был взбужден убийством Абдуллы. Баймагамбет успокаивал людей, говорил, что на этот раз бандиту деваться некуда, больше ему не позволят бесчинствовать. Каково же было его изумление, когда от Киикбая он узнал, что произошло в степи у мазара!

Теперь действительно ничего не оставалось, как собрать активистов и выставить вокруг аула посты.

Ночь прошла без сна. Кулбатыр не появлялся. Очевидно, он направился куда-то в другое место.

Измученных бессонницей людей председатель аулсовета пригласил к себе на чай. Оставалось ждать вестей из Тушикары или из Кулакчия.

Однако не успели гости выпить и по пиале, как в юрту ворвался Мусир. Ночью этот молодой парень из местной комсомольской ячейки стоял вместе со всеми в карауле.

Парень был возбужден. И сначала все посмотрели только на него, никто не заметил, что за спиной Мусира мнетя пожилой мужичонка. Парень отступил в сторону и подтолкнул его вперед.

— Вот он... это наш родственник, — сбивчиво заговорил Мусир. — Он только что вернулся из Егиндикуля... По дороге видел Кулбатыра.

Это была неожиданность. От Ханкуля до Егиндикуля не менее сорока верст. Кому же могло прийти в голову, что Кулбатыр поспет в такую даль пешком?

— Расскажи-ка все потолковее, — попросил Баймагамбет. — Где ты его видел, когда?

Мужичонка повел рассказ неторопливо, обстоятельно, чем немало раздосадовал Баймагамбета и Киикбая. Заго-

ворил о том, как утром, совсем рано, чтобы добраться сюда до наступления жары, он выехал из Егиндикуля. Отъехал примерно километров пять, и тут же ему показалось: кто-то кричит. Огляделся и увидел человека на вершине холма. Хоть и далеко было, но слышно, что человек кричал и махал руками — звал на помощь. Мужичонка рассказывал, что он было тронул к незнакомцу свою телегу и даже подъехал довольно близко, когда увидел в руках махавшего винтовку. Вот тут ему и стало все подозрительным: как это в такое раннее утро человек без коня в пустой степи, да еще с оружием. Сразу же вспомнил слухи о том, что в Каратюбинской волости появились какие-то бандиты, что убили кого-то. Испугался и поскакал прочь. Приехал в аул, а тут, оказывается, вон что творится: милиционера убили. Слава аллаху, надоумил его не поддаваться жалости и не подъехать, ведь точно это Кулбатыр — кому же еще быть!

Попросив председателя аулсовета сообщить родственникам о смерти Абдуллы, Баймагамбет с Киикбаем немедленно отправились в Тушикару.

Салыка они встретили в пути. С ним была и группа Шанау. Услышав от Баймагамбета новость, они тут же повернули коней к Егиндикулю.

По дороге обсуждали вчерашнее происшествие.

— Жаль, черт побери, — с досадой говорил Шанау. — Не ушел бы он вчера, сегодня уже по домам бы все разъехались.... И луна, как назло, появилась слишком поздно.

— Да чего сваливать на луну? — сердито отозвался Баймагамбет. — Сами виноваты. Все было на нашей стороне. Некуда ему было деваться. И все-таки проворонили.

Это «проворонили» Шанау принял на свой счет, полагая, что Баймагамбет намекает на то, как он всполошил всех вчера: «Стреляйте, стреляйте, уходит!» — но, вопреки ожиданиям, возмущаться не стал.

— Верно, верно, все из-за меня, — со вздохом признался он. — Но откуда было знать, что на скакуне вовсе не человек? Кто мог предположить, что он такую хитрость придумает? У всех ведь уверенность была — никуда не деться ему. Разве не так? Деваться ему и в самом деле было некуда.

— Ладно. Хватит пустой болтовни, — прервал излияния

Шанау Салык. — Все мы виноваты, нечего все на себя взваливать. Знали же, есть у него на плечах голова, он это уже не раз доказал. А мы были слишком самоуверенны. И попали впросак. Как опростоволосились и сегодня. Опять ведь простаком его посчитали — решили, что обязательно сунется в ближайший аул. А он понял, что именно так мы и подумаем, взял да и махнул в Егиндикуль. — Он помолчал. — Мне вот что не дает покоя: какого беса ему нужно было в Ханкуле? Просто отвлекающий маневр: мол, уведу в Ханкуль, им и в голову не придет, что ждут меня в Егиндикуле. А тут — мазар на пути. Если бы мы проехали мимо него, Кулбатыр дождался бы ночи, и тогда — ищи ветра в поле.

Слова о мазаре всколыхнули в памяти воспоминания о гибели Абдуллы.

— Нелепо погиб, — сказал Баймагамбет, покачив головой.

— Что поделаешь, — думая об Абдулле, задумчиво сказал Салык. — Мы знали, на что идем. Он погиб за благородное дело...

— Да не о том я толкую, командир. Мне больше всего жаль, что Кулбатыр врасплах его застал...

— Не забывай, мы воюем, — откликнулся Салык. — Пусть это маленькая война, но все равно — война. А на войне без смертей не бывает...

Наконец-то остались позади вытянувшиеся к северу пески. Отряд прищпорил коней. Хотя людям и не удалось отдохнуть ночью, лошади под ними были свежими...

К полудню верховые уже въезжали в Егиндикуль. Аул был небольшой — несколько десятков юрт, и жители обрадовались приезду красного отряда. Они видели в этом спасение свое. Оказалось, утром появлялся вооруженный человек, самым беспардонным образом надел узду на самого лучшего коня, пасущегося невдалеке от одной из юрт, быстренько снял путы, вскочил на него — и был таков.

Пока Нурсейт, хозяин коня, хватился пропажи, бандюга ушел далеко. Однако Нурсейт не из тех, кто спускает обиду. Этого коня он держал для скачек. Они с братом оседлали других лошадей, взяли ружье и кинулись в погоню.

— В сторону Мыншункыра они ускакали, — подсказывали жители.

Отряд снова пустился в путь, нещадно настегивая коней.

Окрестности Мыншункыра изобиловали холмами и оврагами. Казалось бы, за зиму скапливалось немало снега, а значит, и влаги было много, однако природа вела тут себя странно: растительность бедная, ни деревца вокруг, лишь чухлая трава да кое-где кусты таволги.

Салык понимал, что бандиту здесь не спрятаться, да и в Мыншункыре он вряд ли остановится, и все-таки надо было заехать в аул: кто-нибудь видел же!

Оказалось, и в самом деле видели. Мужчина лет тридцати пяти — сорока, со смуглым лицом и глазами, от взгляда которых всякому становилось не по себе, подъезжал к крайней юрте. Напился айрана и тут же уехал. Сивый конь под ним был, похоже нурсеитовский, и вскоре это подтвердилось, потому что почти следом прискакали Нурсеит с братом Нурсултаном. Расспросили, куда скрылся смуглолицый, и бросились следом.

Отряд пересек несколько сопок и оказался в долине, где старик с внуком пасли стадо коров.

— Дед,— обратился к старику Салык,— не встречал ли ты тут конных?

— Как же, как же, все видел, все слышал! — заохал старик.— Тут такое творилось...

Он рассказал, что около часа назад услышал неожиданно выстрелы. Заподозрил неладное, решил подняться на сопку и потихоньку посмотреть, что происходит. Сразу же увидел двух всадников. К этому времени выстрелы уже прекратились. Пригляделся — знакомые: Нурсеит и его брат Нурсултан. Спросил, когда приблизились, чего это они стрельбу подняли, а те стали жаловаться, что какой-то конокрад прямо из-под носа увел сивого скакуна. Они гнались, а вот тут, неподалеку, он устроил засаду. У него — винтовка, а у Нурсеита с братом — дробовики, попробуй тут потягаться! В общем, братья решили не рисковать головами и отправились в Актыйский аулсовет, чтоб попросить помощи и вернуть скакуна. Издалека видел старик и того одинокого всадника, устраивавшего засаду. Он поскакал в сторону Таскудука.

До Таскудука было рукой подать. Сытые и свежие кони быстро оставили позади несколько верст. Преодолев оче-

редной перевал, бойцы увидели вытянувшиеся заплатками по степи пятна песков и впритык к ним стоящие юрты аула. Увидели они и другое, что значительно больше заинтересовало их, а именно уходящих в сторону песков всадников.

— Смотрите, смотрите, это они! — воскликнул Куспан, вглядывавшийся в даль из-под ладони, приставленной козырьком к бровям.

— Четверо! — не удержался Киикбай, хотя и все остальные это видели.

Бойцов настолько распалила близость врага, что они, не дожидаясь команды Салыка, погнали коней в долину.

— Нажимай!.. Не отставай!.. Не уйдешь, гадюка!.. — неслись крики взволнованных преследованием людей.

Беглецы тоже заметили их и тоже надали. За ними поднялось облако пыли. Оно тянулось за ходко удаляющимися бандитами, ясно указывая их путь.

Погоня бросилась напрямик, аул остался у них слева. Бандиты стремились уйти в пески. Но шли они не так быстро, как им хотелось, а потому расстояние между погоней и беглецами быстро сокращалось.

Впереди на высоком сивом коне скакал Кулбатыр. Его издали можно было отличить по молодцеватой посадке. Ему все время приходилось сдерживать своего резвого жеребца, потому что его спутники заметно отставали. Следом за ним скакала женщина. Ее можно было отличить по белому платку на голове. Наверняка Аккагаз. Кто были двое других — разобрать трудно.

Бойцы приготовили оружие. Вскоре они были уже так близко от бандитов, что их стало возможно достать выстрелом. Салык вскинул на скаку карабин и нажал на спусковой крючок. Сделали по выстрелу и другие. Но пули прошли мимо. Никто из уходящих не пострадал.

Беглецов крепко напугали эти первые выстрелы. Об этом нетрудно было догадаться: их кони стали кидаться из стороны в сторону. И все-таки преследуемые вскоре достигли первых барханов и скрылись за ними.

Салык хотел было удержать свой отряд, но не успел и рта открыть, как из-за бархана грохнул залп. Застонав от боли, Сагынгали уткнулся в гриву коня, а когда тот остановился, свалился на землю. Он был ранен.

Но все это преследователи увидели лишь мельком. Вы-

рвавшись на бархан, преследователи дали по уходящим ответный залп. Пуля вырвала из седла одного из бандитов и кинула на землю.

Беглецы резко повернули коней и стали уходить по узкой извилистой ложине, прячась за барханами. Преследователи разделились на две группы, чтобы охватить их с флангов.

Баймагамбет, Шанау и Киикбай двинулись слева и через несколько секунд оказались возле убитого. Это был Раис. Выпавший из его руки наган воткнулся стволом в песок, который медленно всасывал алую горячую кровь, текшую из разорванной вены на шее Раиса.

Они задержались, казалось, лишь на мгновение возле убитого, но Салык и Куспан тем временем ушли далеко вперед.

Баймагамбет и остальные, нещадно настигая лошадей, вскоре выскочили на один из гребней и ударили по скакавшим в ложине бандитам. В то же мгновение прозвучали выстрелы Салыка и Куспана. Но на этот раз беглецам повезло — смерть обошла их стороной.

Преследователи возобновили погоню, пытаясь взять бандитов в тиски, не дать им выйти из ложины.

Баймагамбет с товарищами внезапно наткнулся на бархан, преодолеть который коням оказалось не под силу. Пришлось объезжать его. Когда же они сделали это, глазам их предстала неожиданная картина: бархан, который они только что обошли и въехали на него по пологому склону, оказывается, преградил путь и беглецам: ложина кончалась тупиком, и бандитам ничего не оставалось, как повернуть обратно. Тут-то они и напали на пули Салыка и Куспана.

Сползавшую с седла женщину подхватил Танат. Его преследователи узнали еще после первой стычки. Он перекинул ее тело перед собой и помчался дальше.

Увлеченный погоней, Баймагамбет не сразу заметил, что конь Салыка остался без хозяина. Увидел он это лишь через несколько секунд и сразу же повернул к командиру. За ним последовал и Шанау.

Тем временем бандиты уходили все дальше и дальше. И гнался за ними лишь Куспан. На какое-то мгновение он остановился, прицелился в Кулбатыра, подзадержавшегося,

чтобы пропустить вперед Таната и Аккагаз. То ли старенькое ружье дало осечку, то ли кончились патроны, только в следующую секунду ружье полетело в сторону, а парнишка выхватил из ножен саблю и, помахивая ею над головой, пустился за бандитами. Конь его шел карьером, и всадники быстро сближались.

Кулбатыр то и дело оглядывался, но ходу намеренно не прибавлял. Киикбай догадывался о замысле врага, но даже крикнуть не мог, чтобы остановить Куспана — не услышал бы парень его крика.

Куспан мчался вперед, охваченный азартом погони и, конечно же, даже не подозревал, что ему готовит бандит. Но в тот момент, когда их лошади поравнялись и Куспан уже занес для удара саблю, из-под руки Кулбатыра выскочил короткий ствол карабина и тут же изрыгнул короткую вспышку.

Медленно-медленно падала из рук Куспана сабля. Да и сам он так же медленно и неуклюже сползал с седла кружившей на месте лошади.

К другу подскочил Киикбай. Куспан был еще жив. Прерывисто, всхлипом втягивал в себя воздух открытым ртом, юное лицо его, с нежным пушком над верхней губой, все больше серело и, казалось, вытягивалось, теряя привычную округлость.

Киикбай зажал рану в боку друга собранным в комок подолом рубахи. Ему чудилось, когда он вглядывался во вздрагивающие веки Куспана, что парень вот-вот придет в себя. Но тело Куспана содрогнулось, начало вытягиваться и в следующую секунду обмякло в руках Киикбая. Куспан больше не дышал.

Баймагамбет и Шанау еще оставались возле тяжело раненного командира, Киикбай же никак не мог прийти в себя, поддерживая коленом и руками уже мертвого Куспана.

Бандиты скрылись в песках.

Как только окончательно оторвались от преследования, Кулбатыр приказал Танату остановиться. Тот смотрел на вожака расширенными от страха глазами и тяжело дышал.

Кулбатыр бережно снял с его коня жену и осторожно положил ее на песок. Потом сдернул с себя бешмет, свернул его и подsunул ей под голову.

Все время, прикрывая Таната с тыла, он думал лишь об одном: хоть бы рана оказалась неопасной! Но теперь, склонившись над женой, он понял: жить ей осталось недолго. Пуля вошла в грудь, и вся одежда на Аккагаз пропиталась кровью. Губы ее, еще недавно такие сочные, взялись мелкими морщинками и казались обветренными, ссохшимися. Кулбатыр достал из кармана платок, смочил его водой из бурдюка и приложил ко рту Аккагаз.

Танат, не дожидаясь команды, поднялся на вершину ближайшего бархана, откуда вся округа просматривалась как на ладони.

Погоня отстала. Мирно белели под лучами уходящего солнца пески, где происходила недавняя схватка; повсюду, куда доставал глаз, было тихо и пусто.

Танат прислонил берданку к довольно высокому кусту караганника, уселся на землю и принялся чистить песком испачканную кровью одежду. Недавний страх прошел. Танат чувствовал себя опустошенным.

...Аккагаз умирала тяжело. Ее, видимо, мучили боли, и она постанывала, страдальчески морща лоб, покрытый бисеринками пота.

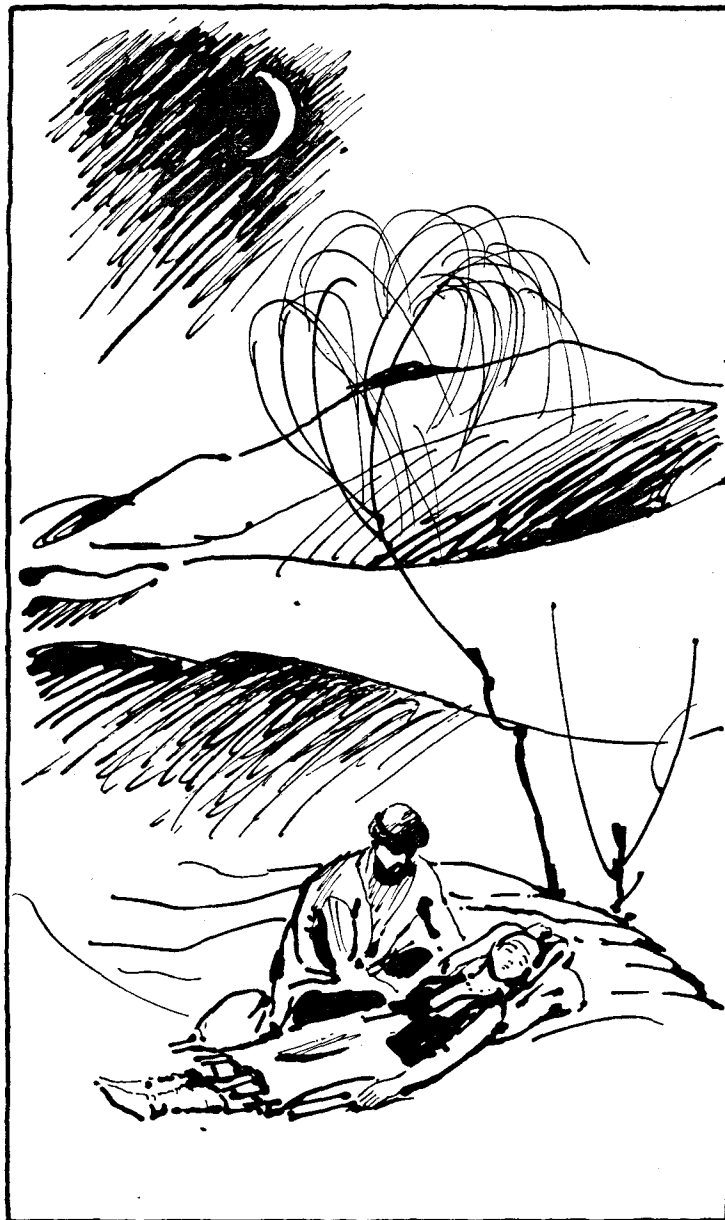
Кулбатыр перевязал рану вытащенной из коржуна разорванной рубашкой — больше он не в силах был помочь ей ничем — и теперь сидел рядом, зажимая в себе рвущиеся наружу рыдания и опустив голову. Время от времени он неожиданно вскидывался, ударял себя кулаком в лоб, а потом долго в отчаянии мотал головой.

— Милая ты моя, — шепотом говорил он не слышавшей его Аккагаз. — Погубил я тебя, солнышко ты мое. Думал, для счастья увожу тебя с собой, а увез к беде... Нет мне прощенья, голубка моя... Не будет мне и счастья больше...

Когда начало смеркаться, Танат оставил наблюдательный пост и спустился вниз. Бросил беглый взгляд на бесцветное лицо женщины, побежденной болью, и тихонько, будто собиравшись сообщить тайну, позвал:

— Сотник.

Кулбатыр отчужденно повернул голову и посмотрел на Таната такими глазами, будто видел его впервые.

— Сотник, а что, если мне привезти лекаря? — вкрадчиво спросил Танат.

Кулбатыр смотрел на него все так же отчужденно и, казалось, не понимал, о чем говорил стоящий перед ним человек. Потом произнес:

— Где ты его найдешь?

— Конечно, дело трудное, — заторопился Танат. — Но попытаться стоит. Тут, в Актáе, у меня родственник, он знает, где в этих краях лекарь есть.

Кулбатыр верил и не верил. Но ему так хотелось верить, что Танат привезет лекаря, тот поможет Аккагаз, и он сказал даже как-то просительно:

— Тогда торопись. Бери моего сивого, он покрепче, и не жалей его.

Таната не нужно было уговаривать. Он тут же вскочил на сивого и исчез в ночи.

Аккагаз слабела на глазах. Недавняя надежда, вспыхнувшая было в Кулбатыре, когда он отправлял за лекарем Таната, теперь почти погасла. Он уже понимал, что никакой лекарь, появившись он даже прямо сейчас, не сможет воскресить человека. А ведь Аккагаз нужно было именно воскрешать.

Немало крови повидал на своем веку Кулбатыр. В стольких сражениях пришлось участвовать, что и не припомнишь все. И он хорошо знал: даже крепким мужчинам не всегда удавалось выбраться живыми от ран куда менее тяжелых, чем у его жены. Где же побороть смерть такой слабой женщине! И все же он гнал от себя эти мысли, приказывая себе верить, что еще не все потеряно, будто именно эта вера и должна была помочь умирающей Аккагаз.

Господи, как же он жалел сейчас ту, которая лежала перед ним и на которую с такой неумолимостью надвигалась вечная мгла!

«За что? — мысленно спрашивал он неизвестно кого. — За что? Ведь она никогда и никому не делала зла. И теперь мучается лишь оттого, что любила и страдала, что хотела и дальше любить, готова была идти на любые невзгоды, но быть рядом с ним, с Кулбатыром».

Думал Кулбатыр и о детях: «Никогда больше не узнать им материнской ласки. А если погибнет и он — кто за-

ступится за бедных сирот? Бабка стара. Младший брат неизвестно когда вернется, да и вернется ли вообще? Им на долю остались оскорбления всякого, кто захочет поглотиться над детьми врага.

Враг! Будто он никогда не любил свой народ, не боролся за его счастливое будущее. И что же получил в благодарность? Скитания по чужим краям, жизнь бездомного пса.

Исчезает род Сырма́та, твой род, отец! Может, и хорошо, что ты не узнаешь этого, а за твою смерть он, Кулбатыр, отплатил сполна. Ни на кого больше не поднимет свою поганую руку проклятый Ураз.

Но почему, почему судьба так жестоко обошлась с ним? Да и только ли с ним? Сколько надежных друзей было у него! И все они, не щадя жизни, бились против проклятых красных и обманутых ими всяких баймагамбетов, чтобы хозяевами были на родной земле, чтобы никто не указывал, как им жить и что делать.

Где же они теперь, его друзья, его сподвижники? Вся округа, бывало, дрожала от страха, когда они налетали на аулы. Казалось, нет такой силы, которая могла бы сломить их. А вот никого не осталось, кроме этого трусливого Таната. А кости тех, кто действительно достоин счастливой доли, рассеяны теперь по степям и пескам».

Неизвестно почему, вспомнились ему жучки, которых он видел несколько дней назад в тихой воде Калдыкайты. «Ни переда, ни зада, ни головы, ни хвоста. Крутятся по замкнутому кругу, мечутся из стороны в сторону, редко-редко кто осмелится выйти за пределы этого, будто заколдованного, круга, в котором они обречены вращаться всю жизнь, да и тот спешит обратно, столкнувшись с первым препятствием.

Не такую ли бессмысленную жизнь ведет и его народ? Все заняты своими маленькими заботами, дрожат, трясутся за свою жизнь и не ведают, что у них давно отняли свободу, право быть самими собой, им уже не вырваться за пределы круга, очерченного красными болтунами. И ведь счастливы! Счастливы! Не обманывал же его Баймагамбет, когда говорил там, в юрте, что он счастлив, что уверен в своем будущем! Пусть Баймагамбет дурак. Но не все же дураки даже среди тех, кто сейчас старается поймать его. Неужели

и они не видят и не понимают: у них отняли самое главное, отчего бывает счастлив человек,— его свободу и свободу земли его отцов? Но может быть, их ведет какая-то другая правда, о которой не дано знать Кулбатыру? Но какая же другая правда может быть, кроме той, за которую он боролся всю жизнь? Какая? Нету другой правды! Нету! Просто случилось так, что народу стала не нужна эта правда, потому он и отверг Кулбатыра и тех, кто был рядом с ним, свел на нет или изгнал с родной земли. Но ничего. Они еще вспомнят о Кулбатыре, вспомнят и о погибших, сражавшихся рядом с ним. Вспомнят и горько пожалеют, что были так слепы, что не сумели отличить белое от черного, правду от лжи».

И вдруг он спросил себя: «А может, это я принимал ложь за правду и всю жизнь служил этой лжи?.. Нет, нет, нет! — попытался оттолкнуть он от себя эту мысль.— Это было бы слишком страшно и несправедливо!

Так почему же с такой яростью кричал на него бывший его друг Баймагамбет и с такой ненавистью смотрел этот мальчишка, что был рядом с Баймагамбетом?»

После полуночи из-за хребта показалась луна. Свет ее был мягок и чист. Аккагаз слабо простонала. Кулбатыр востепенел, сразу забыв обо всем, что только что сдавливало сердце. Теперь перед ним и в нем была только одна она, Аккагаз, и только о ней хотел он думать, только ей помогать.

Он приподнял ее голову и дал ей попить из бурдюка. Она сделала несколько маленьких глотков и слабо покачала головой: мол, больше не надо.

Вскоре он заметил: она смотрит на него. В лице ее уже не было боли. Ему померещилось даже, что Аккагаз силится улыбнуться.

— Ты со мной, мой Батыр,— прошелестели ее губы.— Мне хорошо.

И тут снова сознание покинуло ее. Она начала бредить.

— Умерли... Все умерли...— явственно разобрал он.

Ему вспомнилась фраза, брошенная ею на бешеном скаку, когда в них палили со всех сторон: «Мы пропали!»

Может быть, теперь, в бреду, ей кажется, что все они погибли, и ее терзает отчаяние?

— Аккагаз! — чуть не плача, сказал он.— Аккагаз, милая, открой глаза. Я здесь, я с тобой. Я жив. И ты будешь жить. Ты должна жить. Мы не умрем. Мы будем счастливы. Открой же глаза. Милая, ну, погляди же на меня!..

Через какое-то время бред прекратился, но в себя Аккагаз не приходила. Кулбатыр долго смотрел на измученное лицо своей жены, и ему хотелось, чтобы хоть часть ее боли перешла к нему — так невыносимо видеть ее страдания.

Тихо было вокруг. Лишь вели свою бесконечную песню кузнечики, да редко-редко где-то в отдалении вдруг испуганно вскрикивала какая-нибудь птаха, и снова тишина поглощала все.

Мысли Кулбатыра ушли в воспоминания. Он вспоминал Жылкыкудук, вспоминал алтыбакан¹, где впервые он произнес слова любви...

Он познакомился с Аккагаз на большом празднике, проводившемся в Косагаче. В игре кыз-куу² принимали тогда участие лишь очень молоденькие девушки. Им выделили лучших скакунов. Парни же сидели не на таких резвых конях.

Среди тех, кто умчался вперед, была и Аккагаз. Ей было тогда шестнадцать. Кулбатыру пришлось приложить немало стараний, чтобы догнать ее и поцеловать в щеку.

А потом он специально поехал в Жылкыкудук и во время игр опять встретил ее. Была такая же лунная ночь. Они взобрались на качели, и Аккагаз запела тоненьким, еще не окрепшим голоском. А потом смеялась и подтрунивала над ним, пока окончательно не покорила Кулбатыра. Тогда-то он и сказал первые святы слова любви.

Она призналась, что сама выделила его среди других парней. Этот разговор произошел, когда они покинули качели и, взявшись за руки, брели, сами не зная куда, по ночной степи.

— Милая,— говорил он, и сердце так колошматило ему

¹ Алтыбакан — качели.

² Кыз-куу — казахская национальная игра «догони девушку».

в грудь, что казалось, вот-вот пробьет ее,— милая, я так хотел увидеть тебя, что не мог больше терпеть.

Несмелой рукой он обнял и прижал ее к себе. Она не сопротивлялась, только шептала, пряча от него лицо: я твоя, Кулбатыр, я твоя, а ты мой — навеки. Тогда-то, залитые волшебным лунным светом, они поклялись, что будут любить друг друга, пока не разлучит их смерть.

— Нет, и умрем мы вместе! — воскликнула она.

— Вместе! — ответил он.

И теперь, вспомнив ту давнюю клятву, Кулбатыр вытащил из ножен, болтавшихся на поясе, кинжал и без всякого страха взглянул на его поблескивающее в лунном свете острое лезвие.

«Кажется, настало время исполнить клятву,— подумал он.— Что еще может удержать на этой земле?»

Лишь сознание того, что она жила и ждала его, давало силы Кулбатыру, когда он нанялся батраком к жадному туркменскому баю. Пять лет терпел унижения — ни слова не произнес в ответ. Гордость позабыл, чтобы только дожидаться часа, когда сможет снова воссоединиться с Аккагаз. И вот они опять обрели друг друга, обрели для того, чтобы так нелепо расстаться.

«Ты толкнул ее на эту смерть, ты! — горько упрекал себя Кулбатыр.— Своими руками толкнул. Может, не появившись ты здесь опять, она потеряла бы надежду, но продолжала бы жить.

Чего же теперь колебаться, на что оглядываться, чего ждать? Давно заткнулись те краснобаи, которые бросили клич об отделении казахов и образовании самостоятельного мусульманского государства. Их уже и не помнит никто, а кто и помнит, старается забыть. Да они, может, и сами, если кто-то жив, предали бы забвению собственные имена, потому что имена эти проклял народ. Да, они достойны такого проклятия потому, что, спасая свои шкуры, бежали за границу или попрятались, теперь и носа не высовывают на люди. Но за что проклинать его, Кулбатыра? Он же не отступил. Он до последней возможности защищал то, во что верил. Но теперь уже некого и нечего было защищать».

От него уходила и Аккагаз, рвалась последняя ниточка, связывающая его с этой жизнью.

Он долго, не мигая, смотрел на острие кинжала, не испытывая ни страха, ни сожаления. Но внезапно рука его дрогнула. Ему вспомнилась другая клятва, та, которую они давали в Уиле после окончания офицерской школы алашордынцев. Прежде чем разъехаться по аулам, они были выстроены во дворе училища и поклялись: «Будем биться с Советами до последней капли крови!»

«А я ведь целовал этот самый кинжал, давая клятву», — подумал он.

И вдруг его охватила ярость. «Вести такую паршивую жизнь и кончить ее, убив самого себя? Ну уж нет! Он еще поживет. Он еще оплатит Советам и за отца, и за брата, и за тех парней, сложивших свои головы, и за Аккагаз! Они еще отпробуют его ненависти и не раз поплачут, как он плакал сегодня!»

Металлически клацнул кинжал, посланный в ножны твердой рукой.

...Аккагаз умерла под утро, так больше и не приходя в себя. Кулбатыр заметил это не сразу: он задремал. А когда проснулся от какого-то тревожного толчка изнутри, Аккагаз была уже почти холодной.

Нет, он не бился в истерике, не проклинал небо, отнявшее у него самое дорогое, что оставалось в жизни. Он долго и неподвижно, как истукан, сидел возле того, что недавно еще было его любимой Аккагаз, и, кажется, ни о чем не думал: думать было не о чем — теперь он уже навеки оставался один в этой безбрежной степи.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда наконец поднялся. Растреножил коня Таната и тут только вспомнил о нем. Вспомнил и понял: поиски лекаря были хитрым поводом, чтоб улизнуть.

«Несчастный трус,— подумал он про Таната.— Напрасно ты стараешься спасти свою поганую шкуру. Те, кто шел за нами, наверняка узнали тебя. Они и посчитаются с тобой».

Кулбатыр положил тело жены поперек седла и, взяв коня под уздцы, неспешно направился туда, где вдалеке виднелся высокий курган.

Когда он приблизился к нему, уже совсем развиднелось. Кулбатыр осторожно снял тело, аккуратно положил на расстеленную попоны. У южного подножия кургана, с той

стороны, которая смотрела на Жылкыкудук, он опустился на колени и тем самым кинжалом, которым еще совсем недавно хотел покончить с собой, начал рыть могилу, выгребая землю руками.

Когда глубина ее достигла примерно метра, он сделал сбоку нишу. Прежде чем положить туда Аккагаз, он умыл ей лицо, насухо вытер своим платком, поцеловал в лоб и только потом опустил в могилу. Засыпал ее землей, нагреб небольшую горку поверху, обстучал ее ладонями и поднялся.

Постоял немного, потом поднял с земли и закинул за плечо карабин и взобрался на коня.

Ехал так же неторопливо, как все делал в это, теперь разгоревшееся всюю, утро, и шагов через сто оглянулся. Свежая могила была хорошо видна. Курган возвышался над ней как памятник.

Он смотрел на чернеющую среди желтеющей травы землю, и сердце его комкала тоска, а глаза застилали скорбные слезы.

17

Танат добрался до Таскудука под утро. Первым человеком, который увидел его, был Нурсултан, брат того самого Нурсеита, у кого вчера угнали сивого. Он вышел по нужде из юрты и уже собрался обратно, как внезапно заметил верхового, приближавшегося из степи к аулу. Нурсултан невольно разинул рот. Да и было отчего: верховой был на их собственном скаковом жеребце.

Но в следующую секунду он уже действовал. Ворвался в юрту и принялся тормошить спящего брата:

— Нурсеит, Нурсеит! Да проснись же, поднимайся скорее!

Они ночевали в чужом ауле и в чужой юрте. Вчера, когда были в Актайском аулсовете, туда дошла весть о схватке с бандитами, и активисты, собравшись, отправились на помощь в Таскудук. Братья увязались за ними.

Едва только до Нурсеита дошел смысл слов, сказанных братом, как сон будто смахнуло с него. Оба пулями вылетели во двор.

Нурсеит сразу узнал своего жеребца. И сидел на нем,

118

кажется, вчерашний конокрад. Только без карабина. Нурсейт повернулся к брату и негромко спросил:

— Где моя плеть?

Между тем Танат подъехал к самому аулу. От ближайшей юрты отделились двое и двинулись ему навстречу. Ничего не предвещало их намерений, и Танат вежливо поздоровался. Поздоровался первым, хотя был старше тех, кто шел к нему.

— Ассалаумагалейкум!

— Уагалейкумассалам! — ответил Нурсейт.

— Вы и есть те самые преследователи? — спросил Танат.

— Да, преследователи, — не без тайного смысла ответил Нурсултан.

— А где ваш начальник?

— Здесь, — сказал Нурсейт.

— В какой юрте?

— А тебе-то что?

— Дело к нему есть.

— Какое дело еще?

— Скажу только начальнику, — заносчиво бросил Танат. И это решило его участь, но он даже не подозревал об этом.

— Нам, значит, не желаешь говорить?

Нурсултан подошел вплотную и готов был в любой момент схватить коня за повод — только бы Нурсейт знак подал.

— Только начальнику скажу! — Гонору у Таната было столько же, сколько и трусости. — И отойди в сторону, моего коня напугаешь, он с норовом.

У братьев, едва сдерживавших себя, при словах «мой конь» лопнуло терпение. С дружным возгласом «Ап!» они споро стащили Таната с седла. Нурсултан ударом в челюсть опрокинул его наземь, а Нурсейт уже лежащему угодил сапогом по зубам. Из рта бандита хлынула кровь.

Братья не жалели ни кулаков, ни плети, ни сапог. Так катали по земле Таната, что он вопил не своим голосом. Они отступились лишь, когда заметили, что их враг перестает подавать признаки жизни — вот-вот дух испустит.

Танатовские вопли переполошили весь аул. Отовсюду бежали люди.

— Нурсейт, Нурсултан поймали вчерашнего бандита, — несло из конца в конец.

Но когда все сбежались, удивило совсем не то, как лихо отделили братья Таната, а то, что увел-то жеребца не он. Здесь многие знали Кулбатыра в лицо и никак не могли перепутать его даже с избитым Танатом.

Братья до того обрадовались возвращению скакуна, что напрочь забыли того, кого отмутили, и обихаживали своего сивого с такой нежностью, будто разлука с ним длилась целую вечность.

Люди подняли Таната, отнесли в тень юрты. Шанау и Баймагамбет, находившиеся здесь, попытались было говорить с ним, чтобы выяснить, куда девался Кулбатыр, но Танат лишь мычал да постанывал, и вскоре они отступились.

А между тем прежде чем попасть в Таскудук, Танату пришлось пройти через немалые испытания.

Несказанно обрадовавшись тому, что хитрость с лекарем удалась, он, петляя между барханами, выехал в степь, закинул врученную ему накануне Кулбатыром берданку в заросли чия и во весь опор погнал сивого, чтоб поскорей добраться до родного аула.

Страх, оттого что впутался во всю эту историю, ни на секунду не оставлял его. Дело принимало серьезный оборот. Поначалу он почему-то думал, что проводы Кулбатыра будут всего лишь небольшой прогулкой, и легко согласился сопровождать его.

Впервые он заподозрил неладное еще у подножия Кыземшека, когда перед ним предстала грозная фигура Кулбатыра с винтовкой за спиной. Танат понял сразу: Кулбатыр не хочет сдаваться без боя. И тут у него затряслись поджилки.

Кулбатыру терять нечего. Если попадется — стенки ему не миновать. Но зачем это Танату, который и так лишь недавно обрел душевное спокойствие.

Мысли металась в голове, как преследуемый охотником барсук. Стоило Танату на мгновение представить себе вьедливые глаза Ураза, к которому он неминуемо угодит, если хоть одна живая душа узнает, что он был с Кулбатыром, как сердце его провалилось куда-то, а на его месте возник ледяной холод. Ураз снился ему и ночью. Танат не

знал, что тот стал жертвой Кулбатыра. И ночью судья был еще страшнее.

«Расстрелять его!» — выговаривали тонкие жесткие губы судьи.

Танат вздрагивал и просыпался. Мысли и сны доводили его до иступления.

Дорогой он только и думал, как отстать от Кулбатыра, уйти, пока еще никто не знает, где он. Много раз Танат порывался сказать об этом своему бывшему сотнику и — не смел. И набрался наконец храбрости лишь перед ливнем. Но Кулбатыр тут же осадил его, напомнив о прошлом, которое Танат всеми силами старался выкинуть из головы, утешая себя тем, что никто ничего не знает, да и не узнает никогда. Сотник же сказал: «Узнают!» И Танат съежился от его слов.

Снова мысли о побеге возникли, когда Кулбатыр отправился по аулам, а Танат повел Аккагаз и Раиса к Таскудуку. Весь день он беспокойно обдумывал, как бы осуществить свой замысел. И вечером уже было решено. Пошел к своему стреноженному коню, а кончил тем, что вернулся обратно.

«Подожду до завтра», — перед самим собой оправдывая свою трусость, думал Танат. Он даже сам не понимал, кого больше боится — Ураза или Кулбатыра. «Не появится завтра, тогда уйду», — решил он про себя.

Но Кулбатыр назавтра появился. И появился не на своем коне. Вид у него был страшен. «Собирайтесь, да поскорее! Погоня наступает на пятки».

Многословностью он никогда не отличался и на этот раз ничего объяснять не стал. Даже с братом своей матери, дядей Ураком, с которым не виделся несколько лет, лишь поздоровался, но в разговоры вступать не стал. Взял стоявшую в юрте Урака берданку и отдал ее Танату, Раису протянул вынутый из-за пазухи наган.

Танат, вспомнив о вчерашнем своем намерении, хотел было отказаться. Но взгляд Кулбатыра был до того свирепым, что не было никаких сомнений, что под горячую руку он запросто может пристрелить. У Таната отнялся язык.

Не успели они оседлать коней, как на перевале появилась погоня.

Кончилось все известной схваткой в лощине.

Устроив себе на холме наблюдательный пункт и счищая с одежды кровь, Танат думал о том, что лишь случайность помогла ему выйти из боя живым. Пули свистели ужасно, казалось, деваться было некуда, а его даже не задело. Но продолжаться это долго не может, рано или поздно его все равно ухлопают. Выход один — бежать. Бежать, и как можно скорее. Тогда-то ему и пришла в голову счастливая мысль о лекаре.

Танат говорил с Кулбатыром и обмирал от страха: а вдруг догадается? И успокоился лишь тогда, когда проскакал несколько верст.

Сколько раз по дороге он проклинал себя, что не сбежал еще в Таскудуке. Тогда бы, наверно, никто не догадался, что он был с Кулбатыром. А теперь попался на глаза преследователям. Его, конечно же, узнали.

От страха за будущее его познабливало. Какая радость: ушел от одного волка, как бы не попасться в зубы другому. И он лихорадочно стал придумывать оправдания.

«Скажу, что боялся Кулбатыра, вот и вынужден был скитаться с ним», — думал он. — Давно хотел уйти, да как уйдешь, если этот негодяй следил за каждым шагом. А если спросят, почему стрелял, скажу, что он пригрозил меня самого застрелить, если не возьму в руки оружия. Кто не знает Кулбатыра! Он ведь расправится с каждым, кто вздумает перечить ему! Но целился я всегда мимо, чтоб никого не задеть, потому что к Советам ничего не имею, наоборот — рад служить им верой и правдой. Пусть потом Кулбатыр говорит сколько хочет, мол, это не так, доказать он все равно ничего не сможет».

Что Кулбатыр попадется, Танат теперь не сомневался ни на секунду. Через день, самое большее — через неделю его все равно поймают. Но Танат в это время будет уже дома. И если его арестуют, пусть арестовывают в родном ауле, без Кулбатыра... Советы всегда делали снисхождение тем, кто добровольно сложил оружие.

Конечно, как и угрожал, Кулбатыр наверняка разболтает, что тех большевиков-агитаторов зарезал Танат. Но и тут у Таната найдется что ответить. Он скажет: это — месть. Месть за то, что не хотел быть рядом с бандитом, за то, что сошел с кривого пути, желая лишь одного —

жить нормальной человеческой жизнью, как все живут.

Была еще одна надежда у Таната: Кулбатыр не из тех людей, что поднимают руки перед врагом. Скорее всего, он будет сражаться до последнего, и его попросту убьют. Тогда Танату вообще бояться нечего: убийство большевиков так и останется за Кулбатыром.

Он успокаивал себя, но где-то под ложечкой все равно сосало. «Нет, дорогой, так просто тебе на этот раз не выкрутиться. Однажды тебя уже простили, а ты снова полез в банду... Тут, пожалуй, не помилуют, сколько ни прикидывайся невинным ягненком». И Танат ломал голову, как бы все-таки выбраться невредимым.

«Придется, видно, сказать так: прошлое — прошлым, время тогда было переменчивое, слишком сложное для понимания темного человека. Многие тогда метались из стороны в сторону, а он и вовсе дураком был. Поддался агитации человека из Алаша, который призывал всех мужчин Каратюбинской волости сесть на коней и взяться за оружие. Наслушался его речей, вот и взыграла молодая кровь — захотелось стать воином, свое геройство показать, а во имя чего показать, он тогда и не думал вовсе».

Люди это знают. Знают, что, когда с Алаш-Ордой было покончено, Танат сам отдался в руки правосудия, душой не кривил. И с тех пор делает все, что предписывают Советы. И в артель вступил, живет тихо, никаких грехов за ним не числятся...

Но снова ужалила страшная мысль: «А вдруг дознаются, что это я предупредил Кулбатыра, когда того собирались схватить?.. Проклятый Кулбатыр! Пропадал столько времени и вот свалился на голову!»

И опять успокаивал себя: «А как дознаются? Кто об этом скажет, кроме самого Кулбатыра? Раиса ведь уже нет. И Аккагаз тоже наверняка сдохнет. Разнюнился ты, Танат, как последняя бабенка. И с Кулбатыром еще один аллах знает, как все решится, так что нечего себя раньше времени хоронить».

Он всю настигивал коня, чтобы к следующему вечеру быть уже в Косагаче. Его все время преследовал какой-то запах. Он время от времени принюхивался, но никак не мог определить, что это? И только когда успокоился, отвязался от мучивших его мыслей, наконец догадался: да это же

запах крови! Да, да, крови! Крови Аккагаз, которой пропиталась, кажется, вся его одежда, как он ни старался счистить ее.

Он ощупал себя. И штаны, и бешмет — все было в засохших жестких бляхах. Только этого ему и не хватало! Явится он в Косагач, его первым делом спросят: «Откуда эта кровь?» Да разве только в Косагаче спросят? Любый встречный задаст этот вопрос. Попробуй тут оправдаться — немедленно поволокут к властям.

И Танат, не долго думая, решил заехать к своему родственнику Избасáру, жившему в Актае, чтобы переменить одежду.

Попал он туда около полуночи.

— Танат? — удивился Избасар. — Откуда это ты? Один?

Танат догадался, почему Избасар спрашивает, один ли он.

— Они бросили меня, убежали, — коротко ответил он, не вдаваясь в подробности.

Старуха Избасара вздула лампу, протянула ему пиалу айрана. И пока он пил, оба расширенными от страха и подозрений глазами разглядывали его одежду.

Старик не стал скрывать, что знает все. Под вечер, говорил он, в ауле все переполошились оттого, что дошла весть, мол, в окрестностях гуляет банда. Под Таскудуком произошло сражение. Бандиты убили двух милиционеров, а еще одного ранили. Председатель местного аулсовета послал человека, чтобы сообщил об этом в волостной центр Киндикты, а сам, собрав активистов, отправился в Таскудук на помощь преследователям.

Старик своими ушами слышал, как примчавшийся из Таскудука гонец говорил, что бандой командует некий Кулбатыр, известный в прошлом алашордынец, а в банде его жена Аккагаз, ее брат Раис да еще Танат из Косагача.

— Я сразу понял, что Танат из Косагача — это ты, — сердито говорил старик. — Как же ты дурак, впутался в эту страшную историю?

Избасар долго молчал, потом еще больше взъерился:

— И на кой черт тебе эта банда сдалась? Мало тебя по следствиям таскали — еле оправдался, так опять

куда-то потянуло? Хочешь оставить жену вдовой, а детей сиротами?

Танат сидел опустив голову, согласно кивал на каждое слово Избасара.

— Понял, агá. Это было большой моей ошибкой,— сказал он, когда старик выговорился.— Только вот одежду надо сменить. У тебя ничего не найдется, чтоб переодеть меня?

Как и рассчитывал Танат, Избасара тронули его покайнные слова, старик, видимо, думал, что он наставил-таки на путь истинный своего непутевого родича. Смягчился, отыскал штаны, рубаху, бешмет и тут же начал выпроваживать незваного гостя:

— Давай, давай, уходи, нечего тебе тут...

Танат и не сопротивлялся.

Ночь не пугала его. Ночью в степи вряд ли кого встретишь. А заблудиться он не боялся: легко определялся по звездам, а потому дорога его лежала прямо на Косагач. Он был уверен — звезды приведут куда надо; не был уверен он в другом. В сознание его, после разговора с Избасаром, когда он узнал об убийстве двух милиционеров и ранении третьего, опять стал закрадываться страх. Еще недавно так тщательно продуманная защита теперь летела прахом. Снова перед глазами Таната всплывало жуткое лицо Ураза.

«Так, значит, говоришь, мимо стрелял? — вопрошал он своим вкрадчивым голосом. И гремел: — Оставь эти сказки для дураков! Что же, по-твоему, один Кулбатыр убил всех? И ты хочешь, чтоб мы поверили в эти басни?»

«Да, да, стрелял,— признавался Танат.— Но попробуй не выстрели, если Кулбатыр самого все время держал на мушке? Только всего два раза стрелял. Первый раз, когда входили в пески, и второй, когда вырывались из лощины...»

Ураз поднимался и, сурово глядя на сжавшегося в комок Таната, торжественно произносил:

«Именем Казахской Автономной Республики... Танат Тлеумбетов...»

Нет, даже мысленно Танат не мог повторить, что скажет Ураз. Мурашки ползли по коже, лишь только на мгновение представишь это.

И опять, мечущийся от страха, он начинал придумывать оправдания.

«Да я и не стрелял вовсе. Когда мне было стрелять? Я подхватил раненую Аккагаз и умчался. А стрелял Кулбатыр. Все знают, как он умеет стрелять. А из меня и стрелок ведь никудышный — каждому известно».

На некоторое время страх вроде затихал, а потом вновь взрывался отчаянием: «Ох, не поверят! Не поверят же! Разве их убедишь?»

Как ему хотелось найти что-нибудь такое, что очистило бы, отодвинуло от него скверну. Но не было больше мыслей, лишь одна: не поверят!

«А я на своем стоять буду, — думал Танат. — Упрусь и буду стоять на своем. Стрелял не я, а Кулбатыр. Почему они должны мне не поверить?»

И все-таки сомнения не оставляли его. Надежда сменялась ужасом перед неотвратимой расплатой. В степи уже поднимался свежий предутренний ветерок, когда наконец Танату показалось, что он нашел самое правильное решение. Он резко повернул коня и погнал его в сторону Таскудука.

Возможно, все прошло бы без сучка без задоринки, если бы Танат нечаянно не нарвался на братьев, у которых угнали сивого.

...Придя в сознание возле юрты, где его положили, Танат долго сидел, ощупывая свое ноющее тело и охая от боли. Лицо распухло, во рту не было половины зубов, язык нащупывал лишь острые осколки, торчавшие из кровотока десен... Вокруг ходили люди, но никто из них не бросил в его сторону ни одного жалеющего взгляда. Это больше всего пугало и угнетало Таната. Оглушенный неожиданной встречей, он теперь был окончательно растерян. Вокруг прыгали ребятишки и, кривляясь, кричали:

— Пленник, пленник!

Танат не был слабаком. На состязаниях по борьбе во время празднеств не раз побеждал довольно сильных противников. Конечно, он не смог справиться с двумя здоровенными братьями, извалявшими его, как им хотелось. Тело болело, но Танат чувствовал, что ему, кроме зубов, ничего не повредили, а синяки — это дело заживное. Он продолжал охать и постанывать, пока перед ним не появились Шанау и его люди.

— Ты тут, что ли, начальник, Шанау? — едва шевеля

разбитыми губами и плохо выговаривая слова, спросил Танат. Говорить ему действительно было трудно.

— Допустим, я. Чего тебе надо было?

Шанау решил, что после ранения, а потом и смерти Салыка отряд должен возглавить он — как-никак председатель аулсовета!

Танат, пошатываясь, поднялся на ноги, попросил кумган, чтобы смыть кровь, долго умывался, потом несколько раз прополоскал рот, лишь потом решил отозвать Шанау в сторону.

— Нечего нам куда-то ходить! — грубо ответил Шанау. — Говори при всех — здесь чужих нету.

Баймагамбет в это время занимался похоронами погибших. Рядом с Шанау стояли два активиста из Актая да Киикбай.

Танат шмыгал носом, из которого только недавно перестала сочиться кровь, смотрел на Шанау запухшими глазами.

— Я не зря звал начальника, Шанау. Пришел, чтобы смыть с себя вину. Никто меня не заставлял, сам убежал от Кулбатыра, а теперь что хочешь, то со мной и делай.

Коротышка напустил на себя суровый и одновременно важный вид, осмотрел Таната с головы до ног, будто оценивал, и насмешливо заметил:

— Перепуганная утка ныряет хвостом вниз. Ты — то же самое.

— Я признаю свою вину, — заторопился Танат. — Но не просто прошу помиловать меня. Я пришел помочь вам.

— Помочь? — опять свысока усмехнулся Шанау. — Как же ты собираешься нам помочь, хотелось бы знать?

На самом деле коротышка сразу понял, что Танат и правда может оказаться полезным.

— Честное слово, помогу! — взмолился Танат.

— Ладно. Выкладывай. Послушаем, — бросил на него полный отвращения взгляд Киикбай.

Но Танат ожидал слов Шанау.

— Тебе же сказали — говори! — прорычал разгневанный коротышка и вскинул камчу. Хотел огреть Таната, чтобы тот не очень-то набивал себе цену, но, видя, как тот сжался, передумал, опустил руку.

— Я все сделаю,— в голос захныкал Танат.— Кулбатыра помогу поймать, только простите меня!

От спешки он совсем плохо выговаривал слова беззубевшим ртом.

После смерти Куспана и Салыка оставшихся бойцов отряда охватила растерянность. И вот снова вспыхнул огонек надежды — Кулбатыр все-таки не уйдет.

— Еще раз спрашиваем: как ты собираешься нам помогать? — спросил Киикбай.

— Я знаю, где он, и прямиком выведу вас. Баба у него ранена — не бросит же он ее, а везти куда-нибудь нельзя. Но если он и уйдет, я все равно знаю куда. Через Тайсойган, к туркменам. Я сказал ему, что поеду искать лекаря, а сам двинулся к вам. Давно надо было уже организовать новую погоню... да вот эти... набросились, измолотили меня...

На Таната было противно смотреть.

— Слушай ты, собачье отродье, ты правду говоришь или же задумал нас за нос поводить? — Шанау никак не мог поверить, что лишь вчера стрелявший в них бандит теперь и правда станет помогать.

— Готов на Коране поклясться, если нужно! Правду я говорю, чистую правду! — затрясся Танат.

К ним подошел Баймагамбет, прислушался к разговору.

— У тебя слишком руки грязные, чтоб держать в них Коран,— сердито сказал он.

— Да что же вы от меня хотите? Я же сам шел к вам с повинной! Но если не верите — дело ваше! — Танат скорчил обиженную физиономию: понял, что одним хныканьем ничего не выиграешь, надо как-то понезависимее себя держать.

— Хорошо. Давайте собираться,— решил Шанау.— Но если ты врешь, скотина, и Кулбатыра мы не найдем, пеняй на себя: собственными руками будешь себе могилу рыть!

Тут кое-кто из аульчан, собравшихся вокруг, попробовал было образумить бойцов: мол, куда вы таким малым числом, мол, перебьет вас всех Кулбатыр. Разве недостаточно вам тех, кто уже сложил головы из-за этого бандита, не лучше ли подождать? Не сегодня завтра прибудет милиция. Ведь за ней уже послано...

За всех ответил Киикбай. Глаза его горели страстью расплаты.

— Будем дожидаться милицию — упустим. А если кому-то и придется умереть, за него рассчитаются другие.

Несколько активистов из Актая хотели присоединиться к ним, но Шанау отказал. Все это были необстрелянные люди, и рисковать их жизнями он не хотел.

У Шанау была довольно хорошая берданка, двое других вооружились карабинами милиционеров, Киикбай прицепил еще к поясу саблю Куспана. Для Таната, лишившегося сивого жеребца, пришлось выпросить другого коня.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда отряд покинул Таскудук. Пересекли небольшой остров пустыни, где произошла вчера стычка, галопом направились к другому такому же острову и скоро углубились в барханы.

Шанау боялся, что Танат может привести их в засаду, а потому приказал бандиту следовать впереди и все время держал его на мушке.

Через какое-то время они действительно наткнулись на следы Кулбатыра, а еще немного спустя увидели и его самого.

— Вон он, во-он стоит! Говорил же, далеко не уйдет! — показывал камчой Танат, ликуя, что теперь-то половина дела сделана — учтут же его добровольный переход на сторону отряда!

На почтительном расстоянии, у подножия большого кургана, стоял Кулбатыр. Он был недвижим, точно статуя. Что-то непонятное было в нем, это почувствовали все и сразу же натянули поводья, остановились.

— А где, интересно, баба его? — заерзал в седле Танат.— Видно, подохла уже!

— Заткнись! — оборвал его Киикбай.

Остальные неприязненно промолчали.

Кулбатыр тоже заметил их, а потому тронул коня и начал не спеша удаляться. Преследователи кинулись за ним.

Под Кулбатыром был теперь танатовский жеребец, который мог бы считаться неплохим конем, если бы не

длительные скитания по пескам. Правда, в Таскудуке он почти сутки был освобожден от седла, а значит, времени прошло достаточно, чтоб набраться сил, да и вчера он почти не тратил их. Кулбатыр стегнул, и жеребец, повинуясь желанию нового хозяина, перешел на крупную рысь. Впереди лежали поlynная степь с редкими островками мелкого кустарника. Кулбатыру не удавалось совсем оторваться от преследователей, но расстояние между ними быстро увеличивалось.

Увидев, что бандит уходит, погоня начала нещадно настигать своих лошадей, отчаянно стараясь не упустить его из виду.

Бешеная скачка длилась больше часа. Солнце подбралось почти к зениту. Преследователям казалось, что вот-вот, еще одно усилие — и они настигнут бандита, но ему все-таки удалось войти в Карагандыкумы.

Баймагамбет и Киикбай на полном скаку выстрелили. Кулбатыр, обернувшись, ответил тем же. Пуля его просвистела в стороне. Но в следующее мгновение бандита от погони отгородил довольно высокий бархан.

Каким-то самому ему непонятным чутьем Шанау уловил, что Кулбатыр вряд ли станет устраивать засаду — времени у него нет, чтобы выбрать удачное место. Попробует просто оторваться от погони, петляя по лощинам между песками. А потому Шанау не стал останавливать своих.

Предположение оказалось правильным. Вскоре они опять увидели своего врага и дали по нему залп. Бандит огрызнулся одиночным выстрелом. Потом пересек широкую лощину, оказался за хребтом, спешился и полез на вершину бархана, давая понять, что готов принять бой.

Баймагамбет и Шанау тоже спешились. Оставили коней под присмотром Таната, а сами перебежками, прячась за любыми укрытиями, начали подбираться к месту, где залег Кулбатыр. Киикбай же, поддавая коню плетей, двинулся в обход, чтоб выйти бандиту в тыл.

Выстрелы оттуда, где он оставил своих товарищей, раздавались один за другим. Киикбай спешил изо всех сил, только бы успеть помочь тем, кто сейчас, отлично понимая, на что идет, подставлял себя под выстрелы Кулбатыра. Он все время прислушивался. Сначала выстрелы гремели один за

одним, потом стали реже, реже, пока не прекратились совсем. Киикбай понял: «Бой закончен. Но в чью пользу? Неужели бандиту удалось расправиться с обоими — и с Шанау, и с Баймагамбетом?» — тревожно подумал он. Сердце его учащенно билось.

Прикинув, что он сделал достаточный крюк и бандит должен находиться где-то поблизости, Киикбай резко повернул коня и взлетел на бархан. Метрах в семидесяти он увидел того, кого искал.

Кулбатыр, не замечая его, вдевал в стремя ногу. У Киикбая не оставалось на раздумья времени. Он вскинул карабин и, почти не целясь, выстрелил. Громко застонав, бандит повалился на землю.

От неожиданности Киикбай совершенно растерялся, стоял как вкопанный, не зная, что предпринять: броситься ли вперед или еще раз пальнуть по бандиту.

Кулбатыр тут же воспользовался его замешательством: перекатившись по песку, он схватил свой карабин, отлетевший в сторону при падении, и раз за разом прогремели два выстрела.

Конь под Киикбаем взвился на дыбы, выбросил всадника из седла и тут же сам грохнулся рядом, больно ударив копытом Киикбая по ноге. Парень охнул от боли.

Между тем, увидев, что противник барахтается в песке, Кулбатыр, видимо, решил: дело сделано. С трудом поднялся, цепляясь за коня, и после нескольких неудачных попыток все-таки взобрался в седло. Пока Киикбай, по добрав винтовку, прицеливался, он успел скрыться за барханом.

Парень застонал от досады, поднялся и, волоча ушибленную ногу, заковылял к тому месту, где только что был Кулбатыр.

Он сразу увидел Баймагамбета, который лежал отсюда метрах в ста пятидесяти. На противоположной стороне лощины сидел Шанау, а возле него вертелся Танат. У парня похолодело в груди.

Приблизившись, он убедился, что Шанау ранен в руку. Танат делал ему перевязку.

Рана Баймагамбета оказалась тяжелой. Пуля попала в голову, и, хотя Баймагамбет еще дышал и был даже в сознании, Киикбай понял: тот доживает последние минуты.

Понимал это, видимо, и Баймагамбет. С силой приподняв веко единственного своего глаза, он сказал Киикбаю прерывающимся шепотом:

— Бывай здоров, братишка... Со мной все кончено...

Эти слова здоровяка, ставшего теперь совсем беспомощным, пронзили Киикбая насквозь. Слезы кипели у него в горле.

— Прощай, агá,— дрожащими губами произнес он.— Я отомщу! Чтоб не жить мне на этом свете, если я не прикончу Кулбатыра.

Несколько минут спустя из могучей груди Баймагамбета вырвался последний хрип, и он затих.

Подошел Шанау. Лицо его было белым и кривилось от боли. Он, видимо, надеялся, что Баймагамбет жив, но, увидев его лицо, на которое уже легла печать смерти, в отчаянии застонал.

Киикбай понимал Шанау. Что бы ни случилось между ним и Баймагамбетом в прошлом, как бы они ни поддевали друг друга, как бы ни ехидничали, как бы порой ни злились, все равно оставались товарищами.

Чуть в стороне, закрыв лицо руками, тряс головой и тоже всхлипывал Танат. Это притворство вывело Киикбая из себя.

— А ну-ка! — прикрикнул он.— Хватит тут... Немедленно приведи коней!

Голос его прозвучал властно и было в нем столько ненависти, что Танат не осмелился послушаться, хотя перед ним стоял всего лишь юнец: тут же подхватился и с готовностью побежал к лошадям.

Лишь после того как Танат удалился на достаточное расстояние, Киикбай присел рядом с Шанау и сказал, что ранил Кулбатыра. Он не скрыл от Шанау, как в первый момент после этого растерялся, чем и воспользовался бандит, чтобы улизнуть.

— Тебе дальше нельзя ехать,— говорил Киикбай.— Берите Баймагамбета и отправляйтесь домой. Я буду преследовать Кулбатыра. Теперь он далеко не уйдет.

— На слишком рискованное дело ты решился, браток,— сказал Шанау. И это слово «браток», и рассудительные интонации в голосе были совсем баймагамбетовскими, и парня это проняло до самого сердца.— Кулбатыр

и раненый не менее опасен, чем здоровый... Нет, не следует тебе отправляться в погоню одному.

Но Киикбай был непреклонен.

— Я не боюсь смерти! — горячась, сказал он. — Мой отец погиб, защищая правое дело. Если надо будет, и я готов отдать свою жизнь. Но одному из нас — Кулбатыру или мне — из песков живым не уйти!

Шанау долго смотрел на парня, думая, как изменился джигит за те несколько дней, что провел в отряде. Возмужал прямо на глазах.

— Будь очень осторожен, браток, — сказал он, когда Киикбай садился в седло. — Очень осторожен...

Киикбай проводил взглядом председателя аулсовета. Шанау держался здоровой рукой за поводья. Танат шел пешком, ведя за собой коня, поперек седла которого лежало тело погибшего Баймагамбета. Они удалялись.

Парень вздохнул и тронул своего коня. Его путь лежал в глубь Карагандыкумов.

19

То ли рану перевязывал, то ли поджидал, не пойдет ли кто-нибудь за ним по следу, но в расщелине между двумя барханами Кулбатыр слезал с коня. Это Киикбай определил легко: слишком истоптано было место.

Но видимо, прождав какое-то время и не обнаружив преследования, Кулбатыр решил, что с погоней покончено, преследователи или перебиты, или оставили его в покое. Поэтому двинулся отсюда уже шагом и километров пять-шесть спустя повернул в сторону карагайлинских рощ.

В прошлый раз Кулбатыр немало помотал их отряд по этим местам, пока отыскились его следы. Но теперь Киикбай шел прямо по пятам.

Сначала парень, опасаясь засады, время от времени объезжал след Кулбатыра стороной, пытаясь выйти ему в тыл. Если там он ничего не обнаружит, значит, бандит затаился. Но всякий раз он опять наткнулся на продолжающийся след и наконец понял, что уловки его не нужны, он только окончательно изматывает коня, который и так устал после сегодняшней утренней скачки и теперь, несмотря на понукания, норовил перейти на шаг, а Кулбатыр, кажется,

и не думает о погоне, уверил себя, что ее больше нет.

Надвигался вечер. Следы перевалили через очередной бархан и стали теряться в сумерках. Киикбай понял: сегодня Кулбатыра ему не догнать, слез с коня, хотя расседлывать его и не стал, отпустил лишь подпругу, привязал на длинном аркане к кустам караганника и пустил на волю. Сам же перешел на другую сторону лощины, где был затишок от ветра, появившегося к вечеру, положил карабин, бурдюк, снял саблю и кинул ее рядом с камчой.

Поглядывая на своего коня, который, забравшись в самую середину редких караганников и, видимо, обнаружив там что-то съедобное, аппетитно хрумкал, парень неотступно думал о происшествии сегодняшних. Его и сейчас еще терзала мысль, что не сумел уложить бандита наповал.

«Надо было стрелять еще и еще, а не стоять разиня рот! — ругал он себя. — И вообще, зачем было с коня стрелять? Если бы залег да как следует прицелился, не пришлось бы теперь скитаться по этим безлюдным пескам».

Вспоминал он и прощание с Баймагамбетом. И опять у него комок застревал в горле, а глаза влажнели. За те несколько дней, что они были постоянно вместе, ему очень полюбили добродушный здоровяк.

Без устали стрекотали кузнечики; время от времени где-то рядом пролетали какие-то ночные жучки, издающие своеобразный звук, который и сравнить-то было не с чем; поодаль хрумкал конь, видимо объедавший свежие побеги кустов.

Киикбай прерывисто вздохнул и повалился на спину. Невесело смотрел он на вызвездившееся небо, заметил падающую звезду, которая прочертила длинный тонкий мерцающий след. Ему ничего сейчас не хотелось, только одного: чтобы хоть ненадолго утихла боль в ноге, ушибленной конем. Тело было настолько разбито этими днями бесконечной походной жизни, что парень уснул, как провалился, и проснулся, когда уже стало пригревать солнце.

Его будто в бок толкнула какая-то тревога: он сразу же глянул туда, где привязан был конь. И — не обнаружил его. Киикбай вскочил, бросился к караганниковым кустам, но нашел там лишь обрывок аркана. Сначала почему-то подумалось, что лошадь, измученная жаждой, — он ведь так и не напоил ее, потому что не было сил выкопать коло-

дец, — просто ушла в поисках воды. Вчера он сказал себе: «Ничего, потерпит, а завтра что-нибудь придумаем». Значит, конь, хоть и оборвал аркан, уйти далеко не мог. Но, пройдя еще несколько шагов, Киикбай с ужасом обнаружил следы широких кошачьих лап.

«Тигр!» — мелькнуло в голове. Потом вспомнил, как Баймагамбет рассказывал, что в этих местах иногда встречаются гепарды, решил, что это все-таки, наверное, гепард — откуда тут взяться тигру, если о них давно никто и слыхом не слыхивал. Но и гепард — зверь, наверно, страшный.

Киикбай бросился назад, схватил карабин, подцепил саблю, кинул за спину бурдюк и тут же отправился по следам своего унесшегося коня.

Его все время не отпускала одна и та же мысль. Он представлял, как беспечно спал здесь, а рядом бродил зверь. Попытался вспомнить, может, слышал сквозь сон рычание зверя или ржание коня. Но ничего не вспомнил. Его даже передернуло, когда он представил, что бы могло случиться, если бы зверь кинулся не на коня, а на него самого, — спал-то он беспмятно!

Он шел довольно долго по спаренным следам хищника и лошади. Шел, не отдавая отчета, зачем идет, пока наконец ему не пришло в голову, что попытка вернуть лошадь попросту напрасна. Рано или поздно он наткнется лишь на ее останки. Так зачем же попусту тратить силы? Каждое движение и так давалось ему с большим трудом: стоило лишь ступить неловко, как боль пронизывала ногу горячей иглой от щиколотки до самого паха. Мало того, лошадь уходила все дальше от следов Кулбатыра, и за то время, что он потратит на поиски своего коня, враг уйдет довольно далеко.

Киикбай вернулся к месту своей ночевки. Поднявшись на высоту, находящуюся рядом, увидел цепочку следов бандита, терявшуюся вдаль, и с отчаянием понял, что Кулбатыра ему не догнать.

«Не догнать!» Эта мысль как пуля пронзила его сердце. Он уселся на песок и вдруг заметил, что в руках у него камча. С силой отшвырнул ее в сторону и с отчаянием уставился глазами на четко отпечатавшиеся следы внизу. Гнев и боль от своего бессилия тяготили его сердце, не

давали покоя мыслям. «Уйдет, уйдет, уйдет», — стучало в висках.

Но неожиданно он встрепенулся: а ведь он не сможет уйти далеко! Не сможет!

Сразу же вспомнилось, как вчера бандит, в которого ударила пуля, взбирался на коня. Если бы рана была пустяковой, вряд ли он так мучился бы. А раз рана серьезная, то и на коне он не сможет далеко уйти. Вполне вероятно, что Кулбатыр сейчас отлеживается где-то: погони ведь нет, чего ему бояться?

Парень достал бурдюк, промочил горло, вытер губы тыльной стороной ладони, привязал бурдюк к поясу и спорым шагом, насколько позволяла больная нога, пошел по следам бандита.

Солнце уже добралось почти до самой своей вершины. Редкие белые облака плыли по белесоватому небу. И хотя дул легкий ветерок, проку от него было мало. Пустыня раскалялась, дышать становилось трудно. Да еще этот проклятый песок, в котором вязнут ноги.

Глаза Киикбая заливало потом. Большим пальцем он смахивал его, но пот выступал снова и снова, приходилось опять останавливаться и протирать изнанкой борика все лицо.

Поначалу он часто прикладывался к бурдюку. Но вода убывала с такой быстротой, что вскоре он решил развешивать его лишь тогда, когда становилось совсем невозможно, да и то делал один-два глотка.

Где-то после полудня он выдохся настолько, что ноги отказывались идти дальше. Выбрал местечко в тени одного из барханов, но, прежде чем сесть, отгреб сапогом верхний прокаленный слой песка и лишь потом опустился. Отхлебнул глоток из бурдюка и долго сидел, прикрыв глаза, ощущая, как сосет в желудке.

Ни крошки не съел он со вчерашнего дня. Почему-то вспомнился Таскудук, юрта, где они утром пили чай, и горки курта на дастархане, и иримшик. Вот проклятье — он не взял с собой ни кусочка. Во рту было сухо, но от голода, казалось, все равно выделяется слюна, и он невольно сглотнул, хотя глотать было нечего. Опять развязал бурдюк и напился.

Подумалось: какой же он все-таки дурачок, что не

набрал зерен кумарчика¹. Ведь хотел же остановиться возле того куста, что встретился ему на пути, и не остановился. Конечно, зерна кумарчика можно есть только после того, как сварить их, а потом обжарить. Но не в чем ни кипятить, ни жарить.

«Что с того! — сердито оборвал он себя. — Надо было набрать и поесть хоть сырых. Не подыхать же с голоду!»

Мысли текли дальше, и были они опять о еде. Если бы он как следует посматривал по сторонам, то наверняка нашел бы и атчонкай². И его, правда, надо жарить. Но пусть теперь только попадется на глаза, Киикбай не станет особенно раздумывать — выкопает и съест. В песках, кроме кумарчика и атчонкай, вряд ли можно еще что-то найти, зато они попадаются довольно часто, так что ему не придется умереть с голода.

Плыла голова от жары и усталости. Почему-то вспоминался родной аул. Перед глазами возникали образы матери, братьев, сестер, дедушки с бабушкой.

«Интересно, дедушка Токсаба бывал в этих местах? — подумал Киикбай и сам себе ответил: — А почему бы и нет? Ведь куда он только не ездил!»

Кого не заносила судьба в эти пески! И отец Киикбая погиб тут же, в этих песках, в схватке с беляками. Тело его привезли в аул, как издревле возили погибших воинов — на спине собственного коня.

Он протянул руку к сабле, что лежала сбоку, вытащил ее из ножен. Грозно сверкнул на солнце отточенный клинок.

«До чего же острый! — подумал Киикбай. — Это дело рук Куспана. Сияет как новенький. А ведь сабля выкована давным-давно безвестным кузнецом. Сколько воинов носило ее, в скольких сражениях шла она в дело, сколько врагов поразила!» Киикбай долго любовался саблей, пока опять не заложил в ножны.

Пора было подниматься. Киикбай взял карабин, подвесил саблю, подобрал бурдюк. Бурдюк совсем исхудал, воды в нем оставалось немного, и это заставило невольно

¹ Кумарчик — кустарник с просовидными зернами.

² Атчонкай — растение, корень которого иногда употребляют в пищу.

вздохнуть парня. Постоял немного и медленно двинулся туда, куда вели следы бандита.

И снова барханы чередовались с ложбинами. Ноги гудели, особенно левая, больная. Ему казалось, что он бредет уже целую вечность. Следы коня Кулбатыра стали значительно короче. Если раньше всадник двигался рысью, то теперь явно перешел на шаг. То ли конь устал, то ли всаднику неважно — терзает рана.

Рана?

Тут ему в голову пришла неожиданная мысль: «Если рана и впрямь такая тяжелая, как предполагал, как же удалось Кулбатыру уйти так далеко? Ведь он ни разу даже не остановился, чтобы передохнуть. Впрочем, — успокоил себя Киикбай, — бандит все-таки на коне, а я плетусь за ним пешком».

Солнце клонилось к закату. Всю дорогу после привала Киикбай внимательно поглядывал вокруг в поисках чего-нибудь съедобного, но ни кумарчик, ни атчонкай больше не попадались. Так всегда бывает, когда специально ищешь. Никогда не найдешь.

Он совсем выдохся. Еще хватило силы, чтобы взобраться на вершину ближайшего бархана и оглядеться, потом он сел, снял со спины бурдюк, но, сколько ни старался, из него не выжалось ни капли. Сухим языком облизал потрескавшиеся губы. У него было такое чувство, что язык распух и не помещается во рту.

Его охватила ярость: «Да что же, в самом деле, подыхать, что ли!» Еще немного, и он свалится без сил и останется здесь навсегда. А потом найдут его выбеленные дождями и солнцем кости, как они нашли несколько дней назад с Баймагамбетом. Нет, он этого позволить не может. Никакие злые силы не заставят его сдаться. Он сейчас встанет и пойдет. Пойдет и найдет какой-нибудь овраг, где можно докопаться до воды. И будет рыть саблей до тех пор, пока не докопается до этой воды. Пусть придется истратить все оставшиеся силы, но это единственная возможность выжить. Без пищи он еще проживет, ослабеет, но проживет. Помнится, Салык говорил, как они еще в гражданскую несколько дней не ели и все равно остались живы. И с ним ничего не случится, а без воды — смерть.

Хорошо, что взял с собой эту саблю. Когда цеплял

ее к поясу, не думал, что она пригодится ему в бою или он с нею будет выглядеть более воинственным. Это Куспану хотелось выглядеть воинственной. Киикбай же взял эту саблю лишь как память о погибшем друге. Он передаст ее потом братишке Куспану, пусть помнит о старшем брате, да и другие пусть помнят о нем.

И опять он шел и шел, внимательно поглядывая по сторонам: не встретится ли островок рогоза или какие-нибудь тростники. Обычно в таких местах и бывает вода, хотя все вокруг занесено песком. Раздумывая так, он ушел довольно далеко и внезапно заметил, что у него под ногами уже не сыпучий песок, а довольно рыхлая почва, поросшая типчаком, полынью и пыреем. А вот, наконец, стали попадаться и тростники. Сердце его радостно запрыгало: «Может быть, поблизости река Кзылшан?» Ему вдруг показалось: стоит лишь подняться на какую-нибудь возвышенность и оглядеться, как перед ним заблестит такая живописная, такая прекрасная водная гладь, что можно будет упасть в нее и пить, пить, пить без конца.

Киикбай задыхался от нетерпения, когда поднимался на невысокий пригорок. И что же? Опять, насколько хватало глаз, простирались бесконечные волны барханов.

И все-таки надежда теперь уже не покидала парня. Он спустился с холма и стал выискивать какую-нибудь впадину, чтобы хоть копать поменьше было, и вскоре наткнулся на небольшую полянку с тремя низкорослыми корявыми березками. Под березками что-то зеленело. Бросившись вперед, Киикбай не удержал радостного крика: перед ним были ежевичные заросли! Откинув карабин в сторону, он торопливо собирал и совал ягоды в рот. Жевать было некогда. Язык сам проталкивал сочные комки в горло.

Он ползал по поляне до тех пор, пока не почувствовал, что желудок полон, да и жажды, что нестерпимо мучила его несколько часов, кажется, не стало. Зачем теперь рыть колодец! Он отцепил пустой бурдюк и принялся наполнять его ягодами: это ведь сразу и еда, и питье! Ежевики было много, но пришлось довольно сильно намять колени, пока бурдюк наполнился.

Потом он поискал место для ночлега, и не успел коснуться головой земли, как усталость сковала его сном.

Ночью ему приснилось нечто странное. В безводной и безлюдной пустынной степи на четырех стойках был сооружен навес, а на крыше этого навеса сидела девушка с двумя длинными косами и в белом приталенном платье. Киикбай парил в воздухе над нею, и ему очень хотелось узнать, чем же занимается девушка здесь, на крыше. Она не поднимала головы и не смотрела на него, но он почему-то знал, что она очень красива. Наконец ему удалось рассмотреть, чем она была занята — вышивала. А Киикбай все летал и летал над ней, и было ему так хорошо, что не хотелось опускаться на землю.

Он и проснулся, все еще ощущая этот полет. Хотелось, чтобы сон продолжался: ведь Киикбай догадался, кто была эта девушка. Это была Инкар из аула Кулакчий.

Парень открыл глаза и почувствовал, что улыбается. Увидел над собой совершенно чистое синее небо и подумал: «Вспоминает ли она меня? Может, оттого и приснилась, что вспоминает?»

— Инкар, — с нежностью произнес он.

Красивое у нее имя, и сама она очень красивая. В Косагаче немало красивых девушек, но разве хоть одна из них сравнится с Инкар!

«Может быть, она тоже иногда видит меня во сне», — с тайной надеждой подумал он. Как бы ему хотелось, чтобы это было так!

Вокруг еще властвовали тени. Но солнце, поднимаясь все выше и выше, скоро прогонит их, заставит раствориться в песке.

Киикбай чувствовал себя посвежевшим и совершенно здоровым. Даже боль в ноге, кажется, прошла. Он подвигал этой ногой, помял ее — боли и впрямь не было. Зато давал знать себя голод. Конечно, он вчера наелся до отвала, но все равно это были лишь ягоды, а одними ими долго сыт не будешь. Он вспомнил про полный бурдюк этих ягод. Тут же развязал горловину и отправил в рот несколько горстей.

Сидел и ел, пока не заметил, что бурдюк ополовинен. «Хватит», — остановил он себя. Хотел было пойти опять к поляне и пополнить запас, но потом подумал, что на это

уйдет немало времени, а ему надо идти, и отказался от своего намерения.

«Где-нибудь еще встретится», — успокоил он себя.

К полудню, пройдя верст пятнадцать и поднявшись на какой-то бархан, он глазам своим не поверил: по правую руку от него вдали темнели сосновые рощи, те самые рощи, которые они видели несколько дней назад.

Сначала Киикбай уверен был, что бандит свернет именно туда, но это оказалось ошибкой. Нет, Кулбатыр почему-то повернул в сторону. «Куда же он движется в таком случае? Что у него на уме?»

Киикбай устал от быстрой ходьбы. Хотелось как можно скорее настигнуть злодея. В глотке першило от сухости.

«Надо терпеть», — твердил он себе всю дорогу. — Надо терпеть!»

Наконец не выдержал, уселся, снял бурдюк и начал мять его кулаками, потом развязал и напился, глотая вместе с соком теплые ягоды. Но тут же укротил свою жадность: надо быть бережливым.

В самую жару, когда солнце повисло на макушке неба и, казалось, не хотело сдвинуться с места, следы вывели его в довольно глубокую ложину. Еще до этого его немало удивило то, что следы, шедшие прямо, стали описывать круги и петлять. Кулбатыр явно был не в себе.

Пройдя по ложине несколько шагов, парень неожиданно увидел метрах в десяти брошенное седло. Сердце Киикбая замерло. Он снял с плеча карабин, клацнул затвором, загоняя в ствол патрон.

Слева виднелись заросли ивняка, и Киикбаю казалось, что сейчас оттуда грянет выстрел. Но было тихо. Киикбай пригляделся как следует и понял: страхи его напрасны.

Он обследовал всю ложину. Конечно, это было место ночевки Кулбатыра. Вот тут он лежал, а вот его не очень четкие следы. Видимо, бандит ранен в ногу, потому что справа остается нечто похожее на борозду, а рядом — заметный отпечаток тыльника винтовки.

За ивняком Кулбатыр хотел выкопать колодец, но углубился всего сантиметров на тридцать и бросил. Не хватало сил. Киикбай вернулся к седлу и нашел рядом с ним коржун.

«Что бы все это могло значить? — ломал он голову. — Почему Кулбатыр уехал охлябью?¹»

Только выбравшись из лощины, парень понял, что тут происходило. На песке была невообразимая мешанина из конских и человеческих следов. Киикбаю вспомнилось, как позавчера, после ранения, бандит с отчаянием карабкался на своего коня. Тут, видимо, было то же самое. Кулбатыр попытался взобраться в седло, но именно оно и мешало перекинуть ногу. Тогда он сбросил его, подвел коня вот к этому бугорку и кое-как влез ему на спину. Стало ясно парню и другое: Кулбатыр ни разу не останавливался, вероятно, боялся слезть с лошади и сделал первую, вот эту, остановку, когда его окончательно покинули силы.

Следы опять вели в сторону от сосняков. После всего увиденного в лощине теперь и это поддавалось объяснению. Кулбатыру, наверно, до того худо, что он решил уже не прятаться, а добраться до какого-нибудь ближайшего аула — ему нужна людская помощь.

«А какой аул отсюда ближе всех?» — спросил себя Киикбай.

Если бы он знал какой. Но в том-то и беда, что в этих краях он почти ничего не знал.

Солнце пекло нещадно. Одежда давно прилипла к телу и пропиталась солью, которая, казалось, разъедает кожу. Губы до того спеклись, что стали шершавыми, в горле горело от сухости. Каждый шаг давался все с большим и большим трудом.

Неожиданно следы повернули на запад. До этого Кулбатыр все время держал направление на восток, к выходу из пустыни. Это немало удивило Киикбая. Но делать было нечего, повернул и он. Прошел шагов сто — и опять поворот на восток. Что за чертовщина? И лишь после того как с подобным Киикбаю пришлось встретиться несколько раз, он понял: да ведь Кулбатыр попросту теряет сознание! Так было там, перед лощиной, где конь кружил на одном месте, а потом петлял бог знает как, так было и теперь.

Кулбатыр изнемогал. Но изнемогал и Киикбай. Тело переставало подчиняться его воле. Вконец выдохшись, он

добрел до бархана и сел спиной к солнцу. Снял бурдюк и сделал несколько глотков. Сок был по-прежнему сладок, но в нем появился привкус дрожжей, он начал бродить — жара делала свое дело. Однако Киикбаю было все равно. Не замечая, он сполз вниз, уперся в песок спиной и вытянул ноги. Повсюду, куда ни кинь взор, все те же однообразные барханы. Ни травинки, ни кустика во круг.

Киикбай закрыл глаза и долго сидел, то впадая в забытье, то вновь приходя в себя. Лица его коснулся горячий ветер, будто чье-то огненное дыхание. Он открыл глаза и на мгновение замер от изумления. В струящемся над барханами мареве показалась конская голова. Но это длилось лишь секунду, в следующий момент голова исчезла, будто ее и не было. Парень вскочил на ноги и долго всматривался туда, где ему почудился конь, но так ничего и не увидел.

Он опять опустился на землю и предался томительной дреме. Сколько так продолжалось, Киикбай не знал, но когда усилием воли сбросил с себя почти поборовшую его усталость и поднял голову, опять заметил рыжего коня. Конь шел к нему, глядя на парня широко открытыми печальными глазами. Киикбай зажмурился, он боялся, что конь снова исчезнет, а разомкнув наконец веки, увидел, что конь не один, его ведет в поводу красивая девушка в белом приталенном платье с двумя длинными черными косами на груди.

«Как тебя зовут, джигит?» — спросила она нежным голосом.

«Киикбаем», — ошеломленно ответил парень.

«А почему ты сидел с закрытыми глазами?»

«Боялся потерять из виду твоего коня».

Девушка улыбнулась, поставила ногу в стремя и взлетела в седло.

«Закрой глаза!» — крикнула она Киикбаю.

И он повиновался. А когда опять открыл их, никакой девушки не было и в помине, она словно в воздухе растворилась. Но рыжий конь был. И конь этот убегал от парня.

«Бред у меня, что ли?» — спросил себя Киикбай. Он слышал, что от усталости и зноя с человеком бывает всякое,

¹ О х л я б ю — без седла.

такое иногда померещится, что поверить потом невозможно. А потому сильно потер пальцами глазницы и глянул в ту сторону, где только что видел коня.

Конь не пропал. Он и в самом деле уходил от Киикбая все дальше и дальше. Парень подхватил с земли карабин и кинулся следом. Но куда там! Уже через несколько минут он понял, что коня ему не догнать, тот шел уверенной ходкой рысью и вскоре исчез среди барханов.

Некоторое время Киикбай стоял, размышляя, не наваждение ли этот конь, как совсем недавно была простым наваждением девушка. Но пришел к выводу, что коня он все-таки и правда видел. И конь этот принадлежал, конечно, не кому иному, как Кулбатыру. Значит, бандит так и не смог выбраться из песков.

Он пошел по прежнему следу. Одежда пропиталась потом, и от этого карабинный ремень сильно натирал плечо. Киикбай время от времени перевешивал оружие, но это мало помогало. Карабин стал таким тяжелым, что тянул к земле. Киикбай хоть и не отличался высоким ростом, но был крепким парнем, только всякая сила имеет, видимо, свой предел.

На склоне одного из барханов он обнаружил место, где Кулбатыр потерял лошадь. То ли упал с нее, то ли сам слез — разобрать было трудно: все вокруг истоптано. Но именно отсюда следы коня шли в одну сторону, человека — в противоположную.

Бандит двигался медленно, опирался на винтовку, правая нога его оставляла за собой борозду. Идти ему было трудно. Вот здесь он опять ложился, чтобы передохнуть. Уходя, оставил сморщенный, уже ненужный бурдюк. Рядом с ним валялся пояс с ножнами от кинжала, но самого кинжала поблизости не было. Еще Киикбай увидел пустой кисет.

Парень понимал, что близится встреча. Бандит истощил силы и уйти далеко не сможет. А потому, опасаясь засады, Киикбай стал особенно осторожным, приглядывался к каждой кочке, к каждому кусту, старался не упускать из виду ничего подозрительного.

Кулбатыр останавливался чаще и чаще, и все-таки, поднимаясь на очередной бархан, Киикбай видел, что цепочка следов продолжает тянуться.

«До чего же выносливый тип!» — думал с раздражением Киикбай.

Он сам уже едва волочил ноги. Они вязли в сыпучем песке, и выдирали он их оттуда, как из болота. Темнело в глазах, и начинала кружиться голова. Нет, так долго он не выдержит! Пройдя еще с полкилометра, сел, выпил и съел все, что осталось в бурдюке, но не утолил ни жажды, ни голода.

Поднимаясь на барханы, он видел поблизости довольно глубокие овраги, там могла быть и вода, и ягоды. Превозмогая усталость, он побрел туда, но, сколько ни лазил по этим оврагам, не обнаружил ни воды, ни чего-то съедобного.

Он уже потерял всякую надежду, когда, выбираясь наверх, неожиданно увидел полузасыпанное песком черемуховое дерево. Это было спасением. Киикбай — откуда только силы взялись! — почти бегом кинулся к нему и, вцепившись в ветви, пригибая их, стал лихорадочно обрывать черные спелые ягоды, тут же отправляя в рот.

Он придавливал ягоды к небу, высасывал сок и плевывал косточки, а когда наконец насытился, долго еще набивал ягодами бурдюк. Потом тут же, у куста, прилег на спину и прикрыл глаза. Однообразные видения одолевали его: барханы, барханы, барханы... Один раз мелькнул образ красивой девушки в белом, Киикбай улыбнулся и уснул.

Он проснулся от какого-то странного звука. То ли человек хрипел, то ли это был рык какого-то зверя, Киикбай сразу не мог определить, но на всякий случай подтянул к себе карабин и стал усиленно вслушиваться в ночную темень. Он долго просидел не шевелясь, но, кроме треска кузнечиков, так ничего и не услышал. «Пригрезилось, наверно», — подумал он и снова лег.

Сердце, тревожно стучавшее в грудь при пробуждении, теперь вроде бы успокоилось. Чистое небо над головой сияло звездами. Вон Большая Медведица, вон — Малая, а вон созвездие Скорпиона... Киикбай знал немало созвездий и отдельные планеты. Различать их научил его дедушка. Он обычно приговаривал: будешь знать звезды — никогда не заблудишься в степи.

И вдруг снова, как показалось Киикбаю, совсем рядом раздался тот самый звук, который разбудил его. Парень

мгновенно сел, схватил карабин. Но определить точно, что это за звук, он не мог.

Поднялся на ноги и пошел вверх по склону бархана, откуда и шел этот непонятный пугающий звук. Ноги скользили по песку — слишком крутым был склон, — и Киикбаю приходилось иногда продвигаться буквально на четвереньках. И все-таки вершины он достиг довольно быстро. Улегся там, стараясь унять учащенное дыхание, и стал вслушиваться. Но ничего, кроме гулкого биения своего сердца, опять не услышал.

Парень терялся в догадках. Если в первый раз он мог предположить, что звук ему попросту приснился, то теперь был уверен: все было на самом деле. Но что это за звук? Может, опять гепард? А может, человек? Ведь Кулбатыр где-то совсем неподалеку. А что, если он заметил Киикбая и теперь, под покровом ночи, подбирается к нему, чтобы прикончить? Непонятным оставалось одно: почему звук не повторяется?

Киикбай пробыл на вершине бархана около получаса. Но ничего не увидел и не услышал больше. Сполз вниз, устроился на своем прежнем месте и лег. Но сон вылетел из головы напрочь.

Что-то неслышное чертило в небе свои быстрые линии. «Наверно, летучие мыши», — подумал Киикбай. За все время, что он был в пустыне, ему на глаза попадались лишь жучки, копавшиеся в песке. Да еще следы. Разные следы. Волчьи, лисьи, мышиные, заячьи. Но его интересовал лишь один след — след Кулбатыра.

А ведь он точно где-то рядом. Совсем рядом.

Нет, Киикбай не страшился встречи с бандитом, он боялся, чтоб Кулбатыр не застал его врасплох.

И все-таки он уснул. Как ни клялся себе, что не сомкнет глаз, сон сморил его. И проснулся от собственного крика. Приснилось, что к нему-таки подошел Кулбатыр и небрежно пнул носком сапога. В поводу Кулбатыр вел внушительного, размером с теленка, гепарда. Киикбай в страхе кинулся к своему карабину, но в это время гепард прыгнул и накрыл его своим телом.

«Зачем ты приплелся сюда, щенок?» — Черное лицо Кулбатыра пышет от ярости.

«Жеребца ишу», — тоскливо отвечает Киикбай.

«Врешь, мерзавец! — рычит Кулбатыр. — Ты меня выслеживаешь, все время идешь по пятам. Что тебе нужно от меня? Ведь не я убил твоего отца...»

Киикбая тоже охватывает внезапная ярость.

«Говоришь, что отца моего не ты убил? Зато скольких других людей ты лишил жизни!.. Ты прав. Я пришел, чтоб уничтожить тебя!»

Он кидается на Кулбатыра, пальцы его тянутся к горлу бандита, но Кулбатыр неуловимым движением перехватывает руку и, вывернув, ломает ее, а потом наносит удар кинжалом прямо в сердце.

Но странно, Киикбай не умирает. Он по-прежнему все видит и все слышит. И боли в сердце никакой нет. И тут опять откуда-то появляется черный гепард и начинает медленно, точно подкрадываясь, приближаться к нему. Пасть его оскалена, с высунутого красного языка течет слюна...

Киикбай вскрикнул и проснулся. Дурнота подступила к горлу. В голове стоял шум.

Парень сел, ощущая, как еще продолжает колотиться от страха сердце. Привидится же! Слишком много он думал в последние сутки о Кулбатыре и об этом гепарде.

Солнце уже поднялось над барханами на целый аршин. Киикбай съел пару горстей черемухи, подцепил к поясу саблю, взял карабин и тронулся в путь.

Не успел он пройти и двух сотен шагов, как еще издали увидел брошенные сапоги. Подойдя ближе, рассмотрел, что голенище одного из них разрезано: видимо, бандит уже не мог снять его с распухшей ноги. Тут же валялась и шапка. Киикбай двинулся дальше и вскоре понял: Кулбатыр еле движется. То и дело он падал и, видимо, подолгу лежал. Еще через какое-то время Киикбай наткнулся на брошенный карабин — даже он стал бандиту в тягость.

Дальше Кулбатыр передвигался уже на четвереньках. Сколько в нем желания выжить! Правду говорят, что надежда покидает нас в самый последний миг.

Вытянув шею, Киикбай оглядел окрестности, но Кулбатыра не обнаружил.

По следам было совершенно отчетливо видно, с каким невероятным упрямством полз Кулбатыр. Вот ему уже трудно стало подтягиваться руками: наверно, пальцы содрал в кровь. Тут он пустил в ход кинжал. Вонзал его впереди себя и подтягивался. И если бы только метр-два. Но так Кулбатыр сумел уползти довольно далеко. Добрался до какой-то глубокой и тенистой лощины, умудрился спуститься в нее и преодолел почти всю. Там-то, в самом конце лощины, его и нашел Киикбай.

Кулбатыр лежал уткнувшись лицом в куст таволги. Правая нога его, с разодранной штаниной, покрытой черными пятнами крови, распухла и была синей. Бешмет надет на голое тело: рубаху Кулбатыр разорвал на полосы, чтобы перебинтовать рану. Но сейчас окровавленная повязка сползла к щиколотке, рана оголилась, и по ней ползали мухи. Рядом с бессильно откинутой рукой торчал воткнутый в песок кинжал.

Подходя к Кулбатыру, парень думал, что тот мертв, но тут же понял — ошибся. Кулбатыр, видимо услышав его шаги, с усилием повернул голову и уставился на Киикбая налитыми кровью глазами. В глазах этих не было страха. Казалось, Кулбатыр силится понять, как оказался здесь этот парень с карабином.

Но вскоре глаза его закрылись, а голова, которую он приподнял с таким трудом, безвольно упала на землю. В забытии он оставался довольно долго, потом снова начал подавать признаки жизни. Окровавленные пальцы заскребли по песку, открылись мутные глаза. Смотреть на это было страшно. И жалость, которую Киикбай не хотел подпускать, самовольно прокрадывалась в сердце.

«Пусть умирает», — подумал он и пошел из ложбины на взгорок. Остановился там, опершись на ствол карабина, посмотрел туда, откуда пришел. Ночевали они, оказывается, совсем рядом — их разделяло не более километра, а звуки, которые он слышал ночью, были, наверно, стонами раненого бандита: ночью в пустыне далеко слышно.

В последние дни от жары и жажды Киикбаю так часто всякое мерещилось, поэтому сейчас он с трудом верил, что настиг-таки бандита, то и дело поглядывал вниз и, удостоверившись, что это не сон, не мираж, отворачивался.

Утро стояло безмятежное, тихое. Солнце, поднявшееся

на высоту жерди, стелило по земле длинные синие тени. Киикбай сел на песок и бездумно смотрел на барханы. Думалось о том, что всего лишь несколько дней назад вот в такое же безмятежное утро они отправились на поиски Кулбатыра. И было их семеро. Как он гордился тогда: ему доверено участвовать в настоящем боевом деле! Конечно, краешком сознания он понимал, что ожидают опасности, но о них как-то не очень думалось. Если бы он знал тогда, чем все это обернется!

Снизу раздался глухой протяжный стон. Киикбай невольно глянул вниз. Бандит, видимо, окончательно пришел в себя и теперь, схватившись за куст обеими руками, пытался ползти вверх.

«Значит, и тебе хочется жить, кровопийца проклятый,— с неприязнью подумал Киикбай.— А разве о смерти мечтали Алдаберген, судья Ураз, Абдулла, Баймагамбет, Салык? Разве не хотел жить совсем юный Куспан? А сколько других людей, которых погубила твоя рука, хотели только одного — мирно трудиться, растить детей, радоваться синему небу и зеленым просторам степи?»

У парня перехватило горло и потемнело в глазах. «Жить ему, видите ли, хочется!..»

Киикбай опять взглянул на бандита; тот лежал без движения, но чувствовалось, что был еще жив.

«Не берет же его смерть»,— зло подумал Киикбай.

Нет, он не радовался страданиям поверженного врага, но и жалости к нему больше не было в сердце. Перед глазами — Баймагамбет с простреленной головой, и в ушах звучали его слова: «Бывай здоров, братишка!» Вспомнился и Куспан, и его трудное предсмертное дыхание, и струйки крови в уголке рта, и то, как Киикбай зажимал его рану собранным в комок подолом рубахи; вспомнился предсмертный крик Абдуллы и то, как тащил его по земле перепуганный конь. И, посмотрев опять вниз, Киикбай с ненавистью подумал: «Хоть бы ты сдох, собака!»

Однако Кулбатыр, видимо, не собирался умирать. Он опять вцепился за куст, напрягся, подтянулся.

Оставив карабин там, где сидел, Киикбай спустился вниз и подошел к Кулбатыру. В глазах бандита уже не было мути, они смотрели осмысленно.

— Ты? — шевельнул губами Кулбатыр.

— Да, это я! — с вызовом бросил Киикбай.

— Эх!.. — прохрипел бандит; затем, почти вслепую, протянул руку к воткнутому в землю кинжалу. — Надо было тогда... вас обоих на месте...

Кулбатыр не успел дотянуться до кинжала. Киикбай выхватил саблю и полоснул его по голове. Затем дрожащими руками сунул саблю в ножны. Он старался не смотреть на Кулбатыра. Повернулся и, спотыкаясь, пошел прочь.

Он выбрался из ложбины, подобрал свой карабин, но посмотреть вниз у него не хватило сил.

Он двигался на восток, в том направлении, куда шел Кулбатыр, зная, что рано или поздно выйдет к людям.

Казалось, еще никогда Киикбаю не было так трудно. Эти несколько дней погони окончательно истощили его. Идя по следам Кулбатыра, он постоянно твердил себе, что должен настичь врага во что бы то ни стало и наказать его.

И вот суд свершился. А в душе Киикбая не было ничего, кроме тоски. Нет, он вовсе не жалел Кулбатыра, все было сделано правильно: преступник уже давно объявлен вне закона. Но как бы ни старался, не мог отвязаться от видения окровавленной головы, она все время маячила перед глазами.

В полдень, когда солнце раскалилось так, будто собиралось сжечь все на свете, Киикбай уже с трудом вытаскивал из песка тонущие ноги, перевешивал карабин с плеча на плечо, закидывал его себе на спину, пока в конце концов не поволок его по песку за ремень.

Он падал, оскользаясь, несколько секунд лежал, переводя дыхание, потом поднимался и брел дальше. Наконец силы окончательно оставили его. Он упал под куст ивняка, встретившийся на пути, мучительно долго развязывал горловину бурдюка, потом бросил в рот несколько черемуховых ягод и опять завязал горловину: даже есть уже не хотелось.

Усталость поборола его. Он даже не заметил, как задремал, а когда пришел в себя, почувствовал такую жажду, что казалось, в жилах высохла вся кровь.

Он сел, положил бурдюк между ног и начал бить по нему прикладом винтовки. Удары были редкими и несиль-

ными — на большее сил просто не хватало. В результате получилось два-три глотка слишком густого сока, утолившего жажду. Тело было совершенно разбитым, и очень кружилась голова. Но он все-таки поднялся. Нагнулся за карабином и чуть не упал — такая слабость.

Он шел и шел, едва переставляя ноги, спотыкался и падал. Уже не стало сил выбрасывать вперед руки, чтобы опереться на них, а потому шмякался в песок прямо лицом, и лицо горело от мелких ссадин.

Он не заметил, когда потерял сознание и упал. Не помнил и того, сколько пролежал в забытии, но, судя по уходящему на запад солнцу, довольно долго. Может быть, это случилось как раз вовремя, потому что теперь Киикбай наконец стал более или менее осознавать и себя, и все окружающее, до этого мысли путались, и он порой забывал, куда и зачем идет.

Он решил подняться на высокий ближайший бархан и оглядеться. Однако хотя в мыслях и прибавилось ясности, сил от этого больше не стало. Ноги упрямо скользили по песку, не желая подчиняться хозяину. В конце концов, изранив ладони, он на четвереньках, цепляясь за редкие попутные кусты, сумел-таки взобраться на вершину, но то, что представилось его глазам, отняло у него, казалось, последнюю надежду. Кругом, куда ни глянь, были все те же коричневатые пески с острогорбыми барханами. У подножий, а иногда и на их склонах темнели нечастые островки растений.

Киикбаю неожиданно пришло в голову, что он заблудился, что даже назад дороги не найдет. Он не знал, где остался Кулбатыр и где теперь находится сам.

Он уселся на гребне холма и некоторое время сидел, закрыв глаза. Он должен выйти из этих проклятых песков. Должен хотя бы для того, чтобы сказать людям: «Живите спокойно, враг больше не потревожит ваших очагов, и нигде не поднимется плач над безвременно ушедшим от руки злодея кормильцем!»

И опять был долгий-долгий путь. Опять Киикбай падал и поднимался, опять с трудом вытаскивал из песка ноги, пока вдруг не заметил, что под ним давным-давно твердая земля.

Наступили сумерки. Киикбай оглянулся и увидел, что

барханы остались позади, что здесь, где он стоял, начинается степь.

Теперь уже нельзя было останавливаться, теперь он знал, что до жилья совсем недалеко. И все-таки, когда в ступившихся сумерках увидел вдали огонек, не поверил в его существование. Он ошарашенно смотрел на этот огонек и с тревогой думал, что все это ему опять мерещится.

Собрав последние силы, он кинулся вперед, не разбирая дороги. В конце концов ему удалось рассмотреть, что это языки пламени, вылетающие из глиняной печки, сложенной возле юрты.

22

Аул, до которого Киикбай добрался прошлой ночью, он покинул, отоспавшись, только около полудня. Конь, одолженный здесь, был невысок, но ходок, и хотя Киикбай не очень спешил, к вечеру достиг южной окраины Карагандыкумов, тех самых мест, где их отряд, преследуя Кулбатыра, ночевал в первый день.

Поплутав с полчаса между барханами, Киикбай вышел к подножию холма, с которого он наблюдал, будучи в карауле, восход солнца. Теперь и дорогу к оврагу найти было совсем не трудно. На дне оврага по-прежнему гогворливо журчал ручей, и парню, как и в прошлый раз, он показался маленьким чудом в песках.

Киикбай слез с коня, разминая затекшие от долгой езды ноги, подошел к берегу, густо поросшему разнотравьем, и присел на том самом месте, где ручей когда-то перегородили его товарищи, чтобы скопить воду и напоить лошадей. Даже следов этой перегородки не было видно. Ручей мчался по своему руслу, проложенному, может, сто, а может, и тысячу лет назад, не видя того, кто сейчас сидел на его берегу, не помня тех, кто уже никогда не придет сюда снова, чтобы утолить жажду.

Киикбай нагреб земли и песка и снова перегородил русло. Потом углубил образовавшийся бочажок. Со дна его поднялись вихри песчинок, недолго покружились в водоворотах и снова мирно улеглись на место. Вода стала прозрачной, и гладкая поверхность ее отразила склонившееся человеческое лицо. Киикбай едва узнал себя в этом

отражении. Лицо было осунувшимся, глазницы глубоко запади. Это уже не было лицо юноши, оно принадлежало мужчине.

Сняв отражение, Киикбай пригоршней зачерпнул воды и сделал несколько жадных глотков. Вода была томительно-ледяной и сладкой. Потом он ополоснул разгоряченное лицо, отер его ладонями и блаженно откинулся на спину.

Небо распахнулось над ним во всю ширь. Он глядел в это небо усталыми глазами и видел, как медленно плывут по сини невысокие облака, окрашенные заходящим солнцем в мрачноватый, предгрозово-пурпур.

А вокруг было тихо и покойно. Лишь позвякивание удила стоявшего неподалеку коня нарушало эту вселенскую тишину. Но парень не слышал ничего. Он смотрел на кровавистые облака, и сердце его наполнялось саднящей болью, а в глазах стояли слезы.

Он долго лежал так. Наконец поднялся, напил еще раз, попоил истомившегося коня, разгородил ручей, давая ему волю, затем прицепил к поясу саблю, кинул за спину карабин и поставил ногу в стремя.

Горизонт на западе покрылся сплошным огненно-красным заревом. Если бы даже кто-то знакомый мог видеть со стороны крепко сидящего в седле всадника, он вряд ли узнал бы в нем Киикбая, сына Койбагара, который неторопливо ехал вперед, навстречу кровавому зареву, и, перевалив пригорок, вслед за солнцем канул в неведомое.

Литературно-художественное издание

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Курмангазы Караманулы

ОДИНОКИЙ ВСАДНИК

Повесть

Ответственный редактор

Т. М. Тумурова

Художественный редактор

В. А. Горячева

Технический редактор

Т. П. Тимошина

Корректоры

Г. Ю. Жильцова, И. Н. Мокина

ИБ № 11831

Сдано в набор 27.03.90. Подписано к печати 25.07.90.
Формат 84×108/32. Бум. кн.-журн. импорт.
Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 9,24. Уч.-изд. л. 8,65. Тираж
100 000 экз. Заказ № 4442. Цена 85 к. Орден
Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государст-
венного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени ПО «Детская книга» Госком-
издата РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство
просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Караманулы К.

- К21 Одинокий всадник: Повесть/ Пер. с казах. В. Берденников; Худож. Ю. Николаев.— М.: Дет. лит., 1990.— 158 с.: ил. (Б-ка приключений и научной фантастики).

ISBN 5—08—001469—5

Эта приключенческая повесть создана на материале гражданской войны в Казахстане, она посвящена становлению личности молодого борца за новую жизнь.

К 4803250201—338
М101(03)-90 407—90

ББК 84 Каз7

ISBN 5—08—001469—5

